

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 6(30), 2015

*Революция
справедливости*

*Справедливость
божественная
и человеческая*

Храм Василия Блаженного неповторим среди множества других русских архитектурных шедевров.

Он был построен в честь покорения Казани и начала присоединения к Московскому царству огромных азиатских пространств.

Их слияние знаменует рождение великой русской Евразии. Недаром храм напоминает пир степных богатырей, передающих друг другу чаши со священным напитком. В этом храме русское сознание стремилось выразить своё представление о рае.

Храм Василия Блаженного — это каменная икона райского цветника, райских кущей. Здесь каждая глава, каждый шатёр являет собой восхитительный стебель, произрастающий в райской лазури. Рай для русского человека — мечта о вселенской правде, божественной справедливости, где нет болезней, печалей, где одолевается главная человеческая несправедливость — его смертность.

Храм Василия Блаженного — это русская мечта о бессмертии.

Содержание:

4

2 Александр ПРОХАНОВ.

Революция справедливости

4 Возжечь драгоценную лампаду справедливости

(на круглых столах Изборского клуба)

20 Иран небесный и Россия небесная

(пять часов бесед А. Проханова с М. Ахмадинежадом)

42 Шамиль СУЛТАНОВ.

Суфийский путь к справедливости

(авторский доклад Изборскому клубу)

60 Александр ПРОХАНОВ, митрополит Волоколамский ИЛАРИОН.

Мы – дети Святой Руси

(беседа)

72 Епископ Городецкий и Ветлужский АВГУСТИН.

Наша справедливость никого не презирает и не помнит зла

78 Диакон Владимир ВАСИЛИК.

«Раздай имение своё...»

86 Олег ПЛАТОНОВ.

Духовная ось Русского мира

94 Максим ШЕВЧЕНКО.

О справедливости в мире без Бога и в мире, где есть Бог

100 Виталий АВЕРЬЯНОВ.

Не бойся идти в Донбасс!

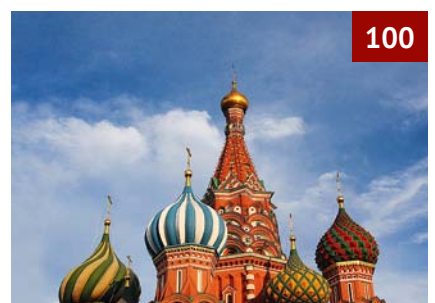
(о новом романе А. Проханова «Убийство городов»)

106 Библиотекарь

108 Хронология мероприятий клуба

109 Стихи иеромонаха РОМАНА (Матюшина)

«Нельзя без справедливости, без правды!»

Общественно-политический журнал «Изборский клуб» № 6(30), 2015 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

1–4-я обложки – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 21.07.2015

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 878

/ Александр ПРОХАНОВ /

Революция справедливости

Посмотрите на карту мира. Повсюду мятежи. Восстания сокрушают режимы и царства. Ракеты и бомбы рвут на клочки города. Гибнут диктаторы. В европейских столицах стучат автоматы возмездия. По этой кровавой карте мы можем узнать, где, в каких государствах и странах нарушена справедливость, перечёркнут закон, по которому было создано мироздание.

Мироздание не желает мириться с нарушением Основного закона. Во вселенной взрываются звёзды, галактики проваливаются в «чёрные дыры», на земле погибают цивилизации, ставятся плахи, кипят революции. Государства гибнут не из-за нехватки нефти и газа, не из-за происков иностранных агентов. Они гибнут из-за нехватки в них справедливости. Мир, в котором мы живём, несправедлив. Обездоленные, угнетённые континенты бунтуют против пресыщенных и бездушных. Природа, изнасилованная машинами, сжигает себя в лесных пожарах, протестуя землетрясениями и разливами рек. Человек, забывший о ближнем, наполняется тьмой и гниением, превращается в исчадие ада.

Справедливость — ключевое слово во всех религиозных трактатах, во всех философиях и вероучениях. В Коране чуть ли не в каждом аяте утверждается божественная справедливость.

В Новом Завете справедливость, именуемая правдой, провозглашена Христом в Нагорной проповеди.

Красный Китай в своих политических меморандумах провозгласил справедливость основным смыслом китайского общества. Мир сбрасывает с себя дымящую кожу несправедливости и облекается в сияющие одежды правды.

Русская душа, русская мечта — это грёзы о справедливости. В русских волшебных сказках зло всегда уступает добру. Добрый витязь воскрешает поцелуем спящую царевну. Молодильные яблоки возвращают старику юность. Ковёр-самолёт преодолевает бесконечные расстояния. Живая вода побеждает смерть. Всё это — мечта об идеальном бытии, имя которому — справедливость.

Старец Филофей, основатель теории «Москва — Третий Рим», провозгласил задачу государства не в собирании казны,

Нарушения божественных заповедей больно ранят страну. Останавливают её развитие.

Нам страшна не Болотная, не новая горбачёвская перестройка, нам страшен бездушный, безнравственный миллиардер, бессовестный вороватый чиновник, злодей, предающий своего благодетеля.

не в расширении границ, не в умножении войска. А в сбережении драгоценного православия, в котором дышат справедливость и Христос.

Красная революция 1917 года сквозь кровь и насилие поставила на высший пьедестал государства социальную справедливость. Победа сорок пятого года — это триумф вселенской справедливости над чудовищным злом и насилием, над пылающими крематориями, над котлованами вместо дивных городов. Над рабскими цепями, в которые хотели заковать статуя рабочего и колхозницы.

Сражения в Новороссии, герои блокпостов, отбивающие от своих порогов фашистскую тьму, — это схватка справедливости с чёрной лавой зла. После губительного 1991 года мы потеряли великую страну, и все девяностые жили без страны, оккупированные беспощадными победителями. Но мы выстояли. Сберегли от распада территорию. Восстановили заводы. Воссоединили разорванную связь времён. Обрели национального лидера. И следующим этапом нашего государственного созидания станет провозглашение идеологии справедливости, религии победы. Это сделает Россию незыблемой.

Мы живём среди несправедливостей. Богачи на глазах неимущих строят царские дворцы, развратничают, расточают бесценные богатства. Прохоров и Потанин владеют «Норильским никелем», который с хрустом костей, с предсмертными слезами строили узники ГУЛАГа. И теперь их рабский труд без угрызания совести присвоили миллиардеры, фарисейски поучающие нас демократии и свободе.

Евгения Васильева, весь воровской кордебалет экс-министра Сердюкова отделались смехотворными наказаниями, когда тысячи безвестных узников томятся в зонах за ничтожно малые нарушения. Тучная, как Вавилон, столица с золотыми

кровлями, мраморными ступенями сияет в ночи, словно гигантский бриллиант, свет которого не долетает до загнивающих городков и сырых деревень, где задыхается в немоги русский люд.

Народы нашей великой державы нет-нет, да и посмотрят друг на друга взглядом недоверия и вражды. Мечеть того и гляди начнёт упрекать православный храм в недостатке уважения и терпимости. А храм, словно забыв о вселенской любви, произнесёт упрёк в адрес лазурной мечети.

Байкал, отравленный ядами, начинает отступать и мелеть. Ледяные дожди падают на горькую землю, мстя за истребление лесов, за уничтожение зверей и птиц. Нарушения божественных заповедей больно ранят страну. Останавливают её развитие. Нам страшна не Болотная, не новая горбачёвская перестройка, нам страшен бездушный, безнравственный миллиардер, бессовестный вороватый чиновник, злодей, предающий своего благодетеля.

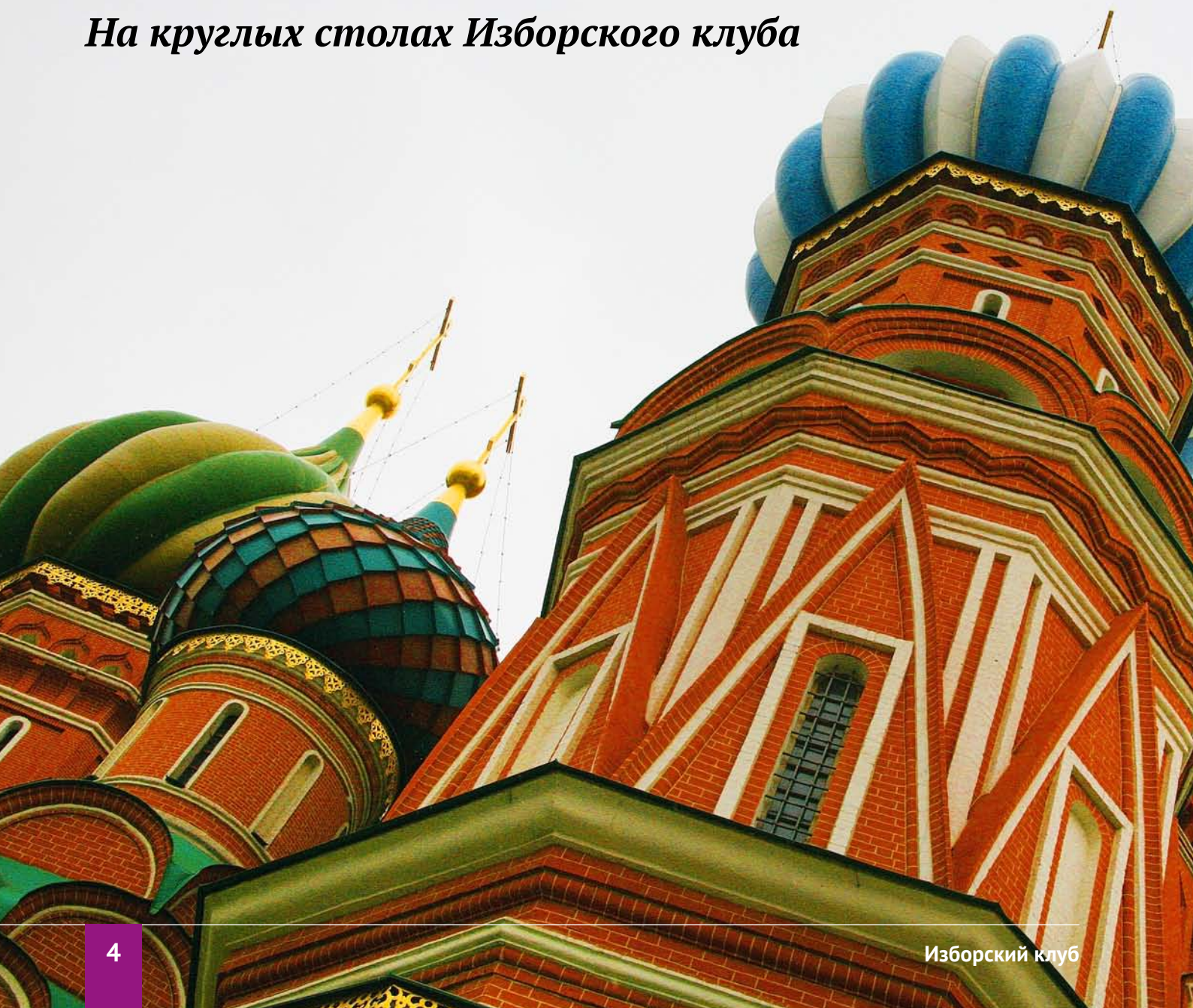
Православная церковь с золотыми крестами, лазурная мечеть с витражными окнами — вот чертоги, где поселилась справедливость. Они — хранители этого священного таинства. Они берегут эту драгоценную лампаду, из которой в народ изольётся благодатный огонь божественной справедливости.

Грядёт революция справедливости. Россия с её бесчётными страданиями, невысыхающими слезами, с её божественной любовью станет страной, откуда прозвучит в мир новое слово жизни. Мы ждём, что в своей манифестальной речи в день народного праздника президент Путин произнесёт сакральную речь о справедливости. Ибо справедливость — это любовь, милосердие, красота, сила и бессмертие. Правда и есть справедливость. «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

Возжечь драгоценную лампаду справедливости

На круглых столах Изборского клуба

Александр ПРОХАНОВ,
*председатель Изборского
клуба:*

— Друзья, наш ансамбль носит характер свободного обмена мнениями, он посвящен вот какой теме. Коль скоро мы в своё время замахнулись на патетическую и амбициозную задачу конструирования идеологии государства Российского, и данную задачу мы, несмотря на эту непомерную амбициозность, всё-таки выполняем, то мы не можем обойти базовые, фундаментальные вопросы русского бытия. Мы преуспели в том, что сформулировали первый важнейший постулат, связанный с российской государственностью, постулат, говорящий о том, что эта государственность не может не быть имперской, что русская история — это история империй, что сегодняшняя Россия, потерявшая окраины и множество народов, остаётся империей. Хотя Путин говорит, что у нас нет имперских амбиций и мы не строим империю, по существу сегодняшняя Россия является империей. Путин на деле уже преодолел идею ельцинского национального государства.

Но этого абсолютно недостаточно для идеологического строительства. В этой имперской ризнице у нас не хватает драгоценной лампы — лампы, связанной с мечтой, с божественным промыслом, с божественной русской задачей, ради которой, быть может, и создан русский народ. Поскольку в священных текстах справедливость присутствует как слово божественное, исходящее от Господа, слово, на основании которого было создано мироздание, а также народы, а также царства, — мы останавливаемся на этой формуле. Формула империи станет действительно живой и окормляющей русскую историю, если внутри этого им-

перского здания будет внесена категория справедливости. Справедливость — это идеология, которая сопутствует чаяниям русского народа с самых ранних сказочных времен, где в преданиях, сказаниях, былинах всегда ставилась проблема справедливости, воздаяния за грех и прощения греха, милосердия. Недаром и советский период весь был построен на идее справедливости.

Сегодняшний мир, погруженный в чудовищные войны, конфликты, испытывает страшный недостаток справедливости. И там, где возникает война, восстание или революция, там справедливость нарушается или её вовсе нет. Мир тоскует по справедливости, мир ищет новые модели, как глобальные, так, может быть, и региональные, связанные со справедливостью.

Россия сегодня является одной из самых несправедливых стран. После советской социальной справедливости у нас сложился порядок вопиющей несправедливости, которая даже не камуфлирует себя. И если вот это государство, которое создаётся такими усилиями, такими радениями многих из нас, включая президента Путина, по-прежнему останется несправедливым, оно обречено на истребление, на разрушение извне и изнутри одновременно. Поэтому внесение в эту атмосферу сегодняшней российской жизни такой категории, как «справедливость», преобразование наших общественных и государственных форм под воздействием энергий справедливости является насущной задачей. Никто из сегодняшних мыслителей из институтов, из научных школ почему-то не ставит эту проблему как насущную, которая требует реализации и внедрения в общество.

В абстрактном смысле, наверное, об этом говорят. Об этом говорят богословы, об этом говорят историки, а вот так, чтобы, сформулировав эту концепцию, наметить пути внедрения её в общественную жизнь, — об этом никто не говорит. Поэтому Изборскому клубу сам бог велел этим заняться.

Я бы просил рассматривать эту категорию как смысловой бутон, попробовать раскрыть этот бутон на максимальном количестве лепестков, чтобы эта категория — «справедливость» — звучала во множестве аспектов. Потом эти аспекты мы могли бы выстроить в иерархию приоритетов, и так появится целостный взгляд, целостная наша работа.

Я думаю, что эта тема очень актуальная, она будет воспринята и общественностью, она должна заинтересовать и нашу власть, которая бьется, как в тентах, в своих очень приблизительных и неточных представлениях о развитии.

Само понятие справедливости требует уточнения, требует освоения. Россия только что пережила период, где несправедливость была возведена в идеологическую догму, где старая догма справедливости была перечёркнута, а само это понятие было вышвырнуто из жизни. Россия без этой категории обречена на гибель, на истребление, — либо на внутренний бунт, либо на деградацию.

Сергей БЕЛКИН,

*главный редактор журнала
«Развитие и экономика»:*

— Духовную жизнь народов, в конечном счёте, всю их жизнь определяет лежащая в основе их менталитета этическая система, понимание добра и зла. Вкупе с ценностной матрицей этическая система и определяет идентичность народа. Если эта основа каким-то образом раз-

мывается и исчезает, — исчезает народ: эти люди уже принадлежат какой-то другой общности.

Тем не менее эти основы не являются абсолютно неизменными в истории народа, они как-то меняются, и очень важно осознать, где границы допустимых изменений ценностной матрицы и где границы допустимых изменений этических систем. Нашему народу начиная с 90-х годов пытались «скрутить» эту ценностную матрицу, чтобы завести его в другую этическую систему. Если бы это удалось, тогда можно было бы и внедрить в России другую модель.

Первичны этика и этическая система, а идеологии вторичны. Если кому-то хочется управлять народом с помощью идеологии, не понимая, какая у него этическая система, то это приведёт к разрушительному конфликту. Можно навязать идеологию, а у человека останется внутренний неосознанный протест. И это то самое состояние, в котором мы пребываем.

Как бы я определил справедливость? На мой взгляд, справедливость — это соответствие наших ожиданий и наших представлений о должном тому, что происходит в действительности. Дискуссия о справедливости может идти в двух аспектах: один скорее теоретический — философский, моральный, правовой; другой — скорее практический, относящийся к реальной политике, к каждодневной и ожидаемой социальной практике. Вторым аспектом, естественно, всегда злободневен, но при этом почти никогда не даёт ни результатов, ни удовлетворения, в то время как глубокое теоретизирование на темы справедливости и морали всегда плодотворно и приятно для теоретиков.

Оба направления размышлений и анализа необходимы,

но я сегодня хотел бы обозначить свои личные болевые точки при восприятии окружающей действительности или собственной жизни. Социально-политическая система, в которой мы живём последние четверть века, воспринимается мной как отвратительное торжество несправедливости. Несправедливо в ней всё, с какой бы позиции мы ни рассматривали саму концепцию справедливости. А таких концепций не только в философии и социологии, но и в политической истории немало.

Есть понимание социальной справедливости как справедливого распределения общественного богатства — с этим у нас дела обстоят из рук вон плохо. Есть понимание справедливости как общества равных возможностей — и тут ничего не вышло. Есть взгляд на справедливость как на всеми или большинством одинаково воспринимаемый идеал общественного устройства — нет у нас такого общего идеала. С точки зрения либерализма главная ценность, она же — воплощение справедливости — максимизация всех видов свободы. И в этом направлении нам нечем гордиться, хотя обществом продолжают управлять либералы. Даже те, кто видит справедливость в сохранении и поддержании естественного неравенства людей, — и эти недовольны тем, что получилось.

К недовольным я отношу и себя, и пытаюсь при этом определиться: с каких позиций я недоволен? Если я буду оставаться в рамках теоретизирования, я скажу, что в каждой точке зрения есть своя ценная мысль, что не так уж они друг другу противоречат. Поскольку все аспекты справедливости важные и идеал состоит в их гармоничном синтезе. Но если я перейду в сферу политической реальности, у меня возникнут затрудне-

ния. Я совершенно определённо не хочу ни в малейшей мере соотносить себя с либералами. Поскольку этим словом себя называют те, кто большую страну угробил и продолжает безжалостно уничтожать то, что от неё осталось. Но это не означает, что мне не близка идея свободы. Мне легче себя соотнести с неким невнятным конгломератом социалистических идей, но и по отношению к ним понадобится давать кучу уточнений и оговорок.

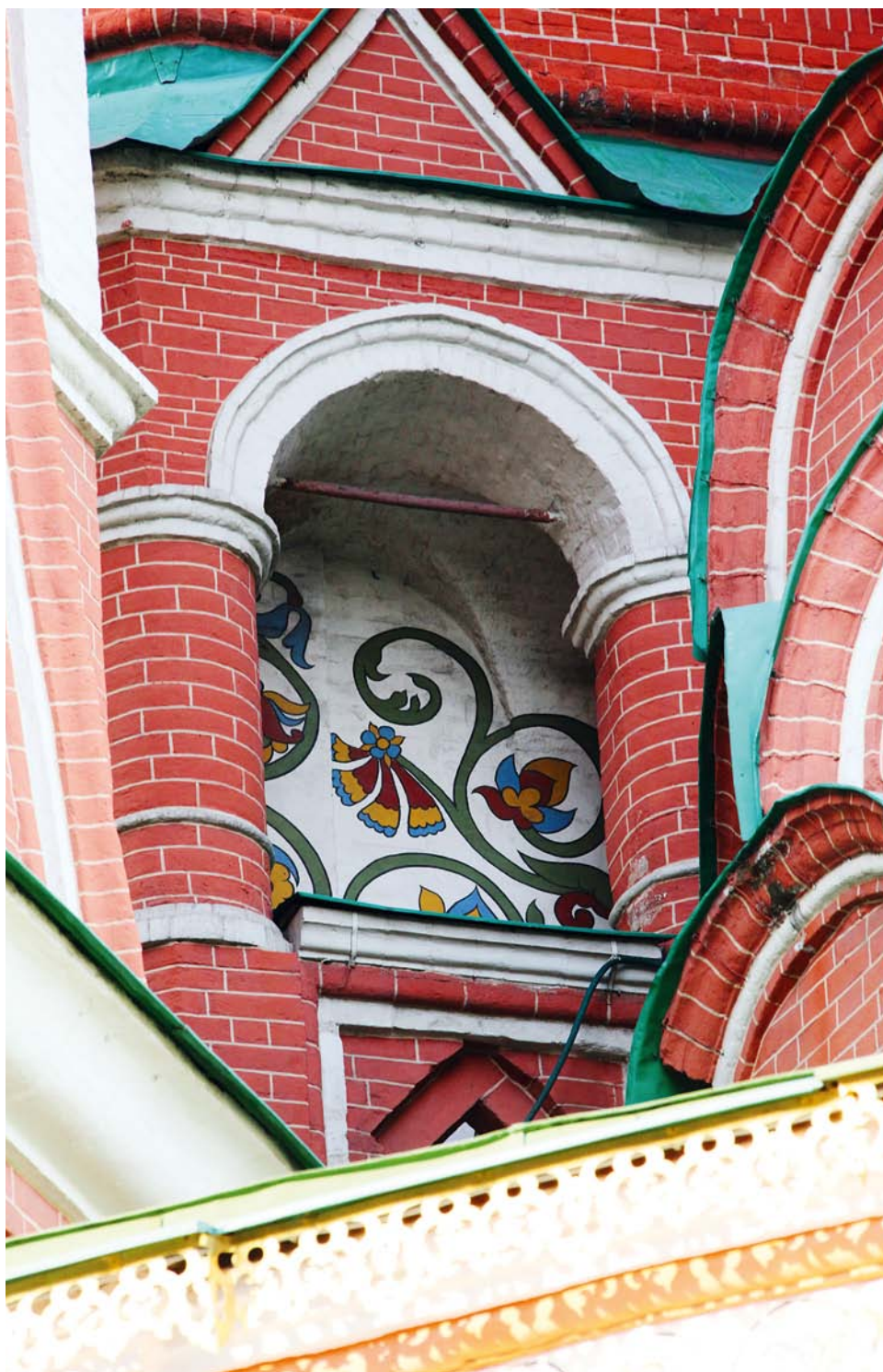
Но совсем становится трудно сориентироваться, когда хочется сделать выбор между реально существующими и действующими политическими партиями. Сегодня в Думе есть две партии, которые можно — с оговорками — относить к левому, условно социалистическому направлению: КПРФ и «Справедливая Россия». Коммунистическая партия, в программе которой строительство коммунизма не заявлено как цель, вызывает у меня подозрение в неискренности. Цель КПРФ давно одна: попасть в Думу и в региональные собрания и оттуда вести безопасную и умеренную критику всех остальных. «Справедливая Россия» возвела понятие справедливости в собственный политический бренд, но она не производит никакой политической активности вообще, не говоря об ожидаемой обществом перманентной дискуссии «о справедливости». А такая перманентная дискуссия необходима. Непрерывное уточнение понятия справедливости — жизненно важный процесс интеллектуальной (она же — моральная) жизни каждого человека. Не говоря уж о жизни политической, в которой именно это понятие является ключевым.

Хочу выделить наиболее опасную, на мой взгляд, не-

справедливость, происходящую сегодня в стране. И это не несправедливая приватизация, вернее разграбление страны, — хотя в списке удушающих несправедливостей у нее почётное место. Это не смертельная болезнь экономики, всего финансово-экономического устройства государства, хотя она может уничтожить страну в ближайшее время. Не стану перечислять ещё многие и многие несправедливости, торжествующие в России, и скажу о том, что меня тревожит всего более. У нас нет того, что можно было бы назвать «русская мечта». Если бы «русская мечта» существовала, то это означало бы существование некоей социально значимой, принимаемой большинством доминанты ожиданий, говоря языком психологии, или образа будущего, говоря языком политики. Полагаю, что этот социальный продукт должен быть создан преднамеренно, он должен быть предложен народу и воспринят им. Если у народа нет общей мечты, он воспримет мечты чужие и примкнёт к ним. А сам при этом распадётся и исчезнет.

Современную Россию часто называют «постсоветской» — это совершенно бессмысленное определение, оно начисто лишено содержания, в нём отражён лишь временной период. В России сейчас варится очень разнородная смесь смыслов, идеологий и идеалов. Позитивной доминанты общественного сознания нет. А доминанта в информационно-политическом пространстве — есть. Если смотреть на российское общество через содержание официальной пропаганды в СМИ, то современную Россию следует считать не постсоветской, а отчётливо антисоветской. Именно антисоветизм — основной стержень наиболее интенсивной пропа-

ганды. А на отрицании, на ненависти к собственному прошлому никакую позитивную мечту не построишь. Можно выстроить лишь планы мести, планы предательства, планы мародёрства.

Слушая и читая выразительней самых разных политических взглядов — от «правых сил»

до некоторых представителей православного священства, — я с ужасом вижу, что они обрели общий стержень: антисоветизм. Причём не на уровне спора с идеологией, прописанной в советских учебниках и партийных программах, а на уровне ненависти к моей Родине,

в форме отрицания моей жизни и жизни моих родных и близких. Я этого не принимаю и считаю этот пропагандистский напор, от кого бы он ни исходил, не просто несправедливостью,

а смертельно опасным направлением разрушения этического базиса, разрушив который, уже невозможно будет исправить социально-экономическое и политическое устройство.

Александр НАГОРНЫЙ,
исполнительный секретарь
Изборского клуба,
заместитель главного
редактора газеты
«Завтра»:

— Я человек совсем не философского склада и не специалист по концепции справедливости, но я хотел поделиться наблюдениями, которые нам недавно представил Владимир Владимирович Путин. Всё его выступление и ответы на вопросы были построены на своего рода «отбрыкивании» от плача людей с мест, от детишек, которые спрашивали про ЕГЭ, от людей, которые пострадали в пожарах и плакали при нём. И де-факто было видно, что вот эта волна стенаний его медленно-медленно накрывает.

Я думаю, что Путина, как бы он ни хотел себя чувствовать либералом, сама динамика политической жизни гонит обратно в условный Советский Союз, обратно к социальной справедливости. Сгорели поселки, — нужны средства, нужно что-то построить для погорельцев. И он ничего не может поделать с этой некротимой тенденцией.

Существует ещё один фактор, который ведёт его так или иначе к справедливости, — это вопросы войны и международных отношений. Россия не может выиграть борьбу за своё выживание (а натовские ребята стоят уже совсем близко, за Харьковом), не имея социального мотива, обращённого к народу Украины и в первую очередь к своему народу.

Война неизбежна, и чем раньше она начнётся, тем лучше, потому что мы находимся в ситуации, когда оттягивание момента войны ухудшает наши стартовые условия. И дальше я скажу, наверное, отвратительную для всех вас вещь, — высшая кульминация справедливости есть война. И война будет.

Александр ПРОХАНОВ:

— Высшей кульминацией справедливости является победа в войне, а не сама война.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,

*исполнительный секретарь
Изборского клуба, директор
Института динамического
консерватизма:*

— Наш Институт динамического консерватизма в 2010–2011 гг. разрабатывал проект русского тезауруса. Что это такое? Это попытка вычленив ключевые понятия, слова-концепты, которые смогут в XXI веке воодушевить русский народ и в широком смысле слова российский народ. Здесь совершенно правильно говорили о том, что понятие справедливости объединяет мусульман, православных, атеистов. Действительно, это понятие-интегратор. При этом справедливость выступает как один из важнейших аспектов правды, ключевого интегратора в нашей языковой реальности.

Я бы хотел посвятить своё выступление месту правды, справедливости в ментальной картине русского народа. Потому что так или иначе (правильно говорил Сергей Белкин) всё равно мы базируемся на фундаментальной национальной матрице. И если мы попытаемся её обхитрить, «объехать на кривой козе», какую бы прекрасную идеологию мы ни предложили, это в итоге приведёт к провалу.

Понятие справедливости, вообще говоря, позднего происхождения, его нет в церковнославянском языке, при этом в синодальном библейском переводе его уже начинают использовать. Идеологически оно было развёрнуто в XIX веке в связи с подъёмом левых идеологий, в частности, «народников». Это было одно из любимых слов Михайловского, Лаврова, а потом большевиков. И, дей-

ствительно, социальная справедливость стала лозунгом, который воодушевил народ, потому что это действительно важнейший аспект правды, как социальной правды, так и вообще правды, божественной в том числе. Кстати, неслучайно большевики газету свою все-таки назвали «Правда», а не «Справедливость», потому что они чувствовали, что есть предельное слово-интегратор, собирающее и вдохновляющее народ, задевающее его глубинные струны. Справедливость — это мерка, с помощью которой можно измерить правду и ложь жизни, а правда — это та сущность, тот идеал, за который люди пойдут умирать.

Понятие правды в Древней Руси было фактически синонимом понятия «закон». Отсюда Русская правда, Правда Ярославичей и т.д. Тогда оно было тождественно с правом государя и правом судьи, с правопорядком государства. И вдруг это слово начало обрастать новыми коннотациями, оно начало вбирать в себя сначала одни смыслы, потом вторые, потом третьи, и в итоге мы дошли до того, что правда стала чрезвычайно насыщенной и многозначной. Она стала осью определённой, на которой вращается вся наша ментальная картина.

Если попытаться чисто словарно подойти к этой категории, то я могу выделить как минимум девять основных смысловых кустов понятия правды, и внутри них пять интегральных кустов. Назову эти пять кустов: это — истина, справедливость, достоверность, честность и праведность.

У разных наших мыслителей и идеологов были совершенно разные трактовки, вплоть до диаметрально противоположных. Но так или иначе мы видим, что соединяются эти пять ключевых смысловых кустов,

в конечном счёте, вокруг праведности, то есть способности жить по правде, по-божески и по совести. И это высший аспект правды. Поэтому, когда мы говорим об узком аспекте справедливости, как справедливости социальной, мы должны понимать, что в этом огромном комплексе она окажется жизнеспособной именно в её соединении, сочетании с высшим идеалом. С высшим идеалом правды, то есть совести и способности жить по-божески.

Притом русские вообще склонны к бескорыстному поиску правды, мы народ правдолюбцев и правдорубов. В то же время мы склонны к поиску иного царства, царства правды, находящегося либо далеко пространственно, либо далеко в социально-историческом плане, то есть где-то в мире утопии.

Проблема справедливости в современной России решается не на том уровне концепта, что каждый должен получить равные широкие возможности для самореализации, — то, что нам предложили либералы в свое время. Решение лежит скорее в том, что каждый должен получить то, что ему положено, и в том числе виновные должны понести наказание. Это не такое понимание справедливости, когда в суде, допустим, у насильника и жертвы равные права, равные возможности, одному предоставляется адвокат, другому предоставляется адвокат, и какой адвокат окажется сильнее, тот и прав. Такое понимание правды и справедливости совершенно чуждо русским. Адвоката, может быть, и надо предоставлять всем. Суть же нашей справедливости состоит в другом: преступник, обидчик должен быть наказан, а значит, справедливость вовсе не в том, что он получает равные права со своей жертвой. Нельзя подме-

нять правду сути дела внешней правильностью в организации правовой процедуры.

Безусловно, социальная правда и ощущение вот этой праведности как её стержня в XXI веке для нашего народа будут ключевыми вещами. Мы никуда от этого не уйдём. И если мы не будем исходить из этого, то проиграем и как мыслители, и как люди, которые имеют какую-то общественную, идеологическую миссию.

Ещё бы мне хотелось сказать о том, что важнейшим аспектом социальной правды является справедливое рекрутирование элиты. Потому что один из самых остро воспринимаемых в народе аспектов, помимо экономических, помимо связанных с распределением благ, – это вопрос о том, достойные ли люди правят. Обойти этот вопрос никак невозможно, особенно учитывая то, что в рамках капиталистических отношений у нас пытаются узаконить нахождение наверху прослойки по принципу «наследники тех, кто в своё время сумел захватить собственность». То есть здесь есть изначально кардинально несправедливая для русской ментальности установка. И я не думаю, что новое поколение наших граждан будет воспринимать это так бесконфликтно, как, может быть, кому-то хотелось бы. Рекрутирование правящего слоя России по определённым правилам, по определённым принципам правды и справедливости, – это постулат, без которого та Пятая империя, о которой мы говорим, не состоится.

Юрий ТАВРОВСКИЙ,
профессор Российского университета дружбы народов, востоковед:

– Коллеги, все мы знаем про Конфуция, который 2500 лет назад разработал свою этическую

систему. Конфуций не зря стал бессмертным, потому что он ухватил матрицу, понял ход мыслей китайской расы, китайской нации. Так вот, справедливость, «И», – это второй из пяти основных принципов конфуцианства. И с тех пор вот этот принцип справедливости хранится в матрице китайской цивилизации как ключевой. В последние два года при новом генсеке КПК Си Цзиньпине он выходит на поверхность. Можно даже сказать, что Си Цзиньпин хочет на красном знамени Коммунистической партии разместить вот этот иероглиф «И».

Китайцы, в отличие от русских, не долготерпеливы, они очень легки на подъём, и это объясняет то, что у них очень часто были восстания, перевороты, ведущие к смене династий. И среди правящих китайских династий несколько таких, которые на самом деле были основаны крестьянами, вожаками крестьянских восстаний, например, великая династия Мин, свергнувшая монголов. Вы, вероятно, помните и про восстание «боксёров» на рубеже XIX и XX вв. Само их название складывается из двух иероглифов, обозначающих «справедливость» и «гармонию». Их символ – сжатый кулак.

Почему позднее победила компартия в Китае? Потому что на её знаменах было написано: «Справедливость». Революцию делали крестьяне, и они победили, а Мао Цзэдун благодаря этому основал Красную династию. Энергию поруганной справедливости Мао Цзэдун умело направил против своих врагов. Вот хунвейбины, цзаофани и прочие погромщики тоже выступали за справедливость. Им сказали, что вот эти партийные кадры, вот эти все власть имущие, которые засели в районах, в руководстве предпри-

ятий, нарушают справедливость. Это было искреннее движение, выплеск массовой энергии.

Я стал свидетелем одного такого восстания, которое случилось в 1989 году на площади Тяньаньмэнь. Я тогда сопровождал Горбачёва во время государственного визита. Это было страшно, когда я был на площади Тяньаньмэнь, и там было около миллиона человек, и движение этой огромной массы напоминало движение протуберанцев на Солнце. Когда мы выезжали из правительственной резиденции, по нашей машине молотили палками мужики, то ли опоенные, то ли обкуренные. Это тоже было восстание за восстановление справедливости – против коррупции, против сынков, которые засели во все высокие кресла, против угнетения студентов и рабочих.

Си Цзиньпин – убеждённый коммунист, который видит в идее коммунизма справедливость. С другой стороны, Си Цзиньпин – конфуцианец, он всё время в своих речах цитирует Конфуция, чего не делал ни один генсек со времён Мао Цзэдуна. Вот он сейчас выдвинул, например, 17 конфуцианских принципов. Среди них есть такие: «Народ – основа государства», «Природа и человек едины», «Достигать согласия при наличии разногласий», «На каждом человеке лежит ответственность за судьбу страны» и, наконец, «Благородный муж во всех делах считает справедливость самым главным». А благородный муж – это и есть идеальный человек, цель устремлений.

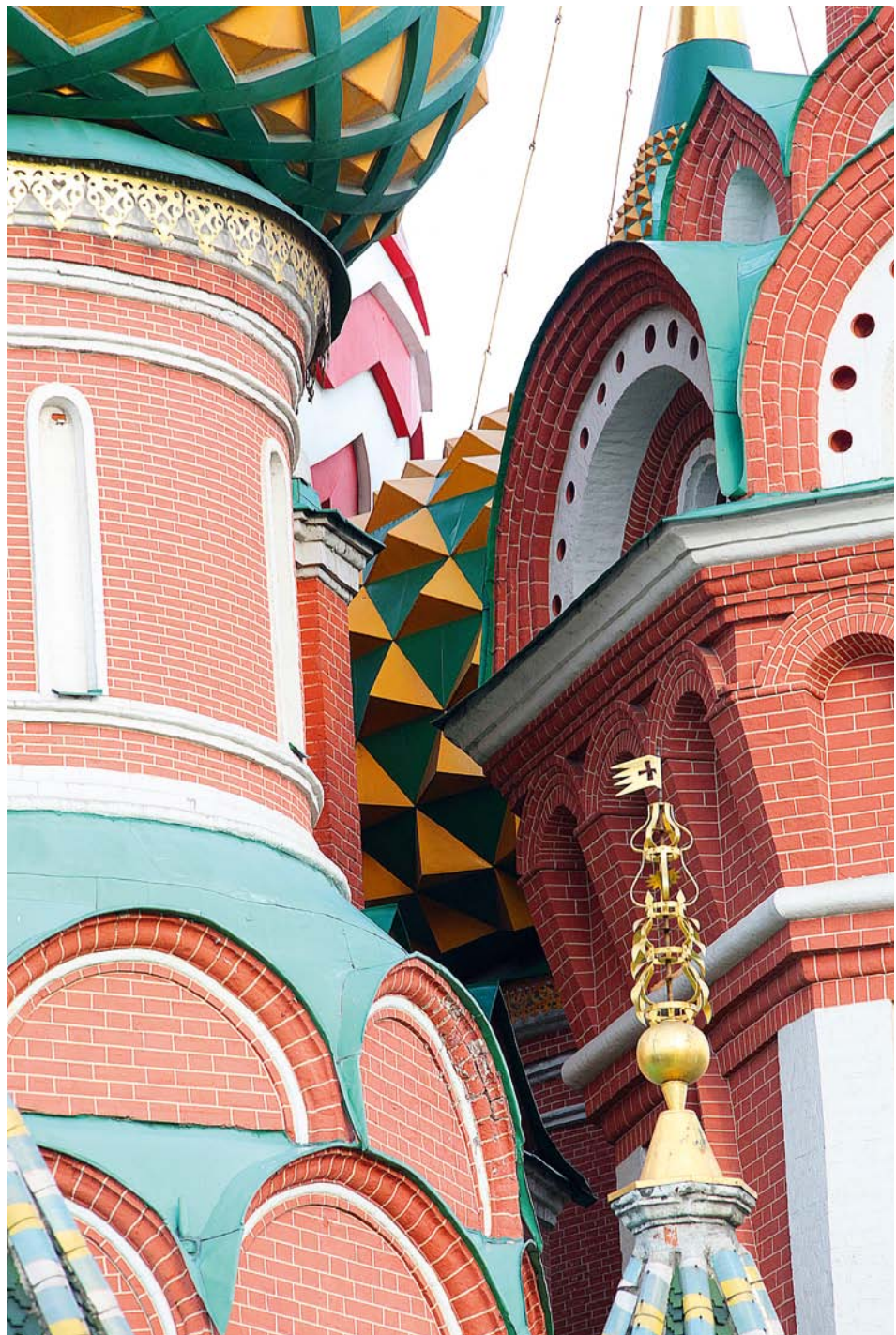
Ещё хочу вам сказать, коллеги, что Си Цзиньпин пришел к власти 2,5 года назад для того, чтобы полностью изменить Китай. Очевидно, он понял, что вот эта капиталистическая модель, которую создал Дэн Сяопин, внешне успешная модель, – это

путь вниз. Концепция «новой реальности» Си Цзиньпина подразумевает, что в экономике акцент должен быть поставлен не на обслуживание внешних рынков, не на то, чтобы производить дешёвую продукцию для всего мира, а на внутренний рынок, на то, чтобы развернуться на потребности своего народа. Кроме того, предлагается перестать приносить в жертву процентам прироста ВВП окружающую среду, спасти природу китайскую; перестать заработанные деньги отправлять «вашингтонскому обкому», в Международный валютный фонд, а деньги, заработанные китайским народом в поте лица, вкладывать в активы; расширять китайскую сферу экономического влияния — отсюда Шёлковый путь. Они будут вкладывать деньги у нас, в Казахстане, в Англии, в Германии, в Бразилии, создавая свою систему банков. То есть деньги должны работать не на американцев, что несправедливо, а деньги должны работать на китайцев, что справедливо. Это китайские деньги, они их заработали, и они их вкладывают в то, что приносит прибыль китайскому народу.

Си Цзиньпин за последнее время для того, чтобы как-то снизить градус политического накала в обществе, предпринял такие важные шаги: практически отменена прописка для крестьян, отменён запрет на второго ребенка, отменены лагерь трудового перевоспитания. Си Цзиньпин начал бороться со своими олигархами и естественными монополиями, потому что они очень активно стали ему возражать. В ходе борьбы с коррупцией наносятся очень жёсткие удары по тем, кто мешает ему двигаться в сторону справедливости.

Китайское общество, словами Конфуция (это говорит Си

Цзиньпин), тревожит не отсутствие богатства, а его неправильное распределение.

И вот, когда я был с Горбачёвым в Пекине, на самом деле это была такая развилка, когда решался вопрос: Советский Союз пойдёт по пути Китая или пойдёт собственным путём, то есть будем ли мы делать акцент на политические

реформы, или на экономические. И когда Горбачёв увидел бардак в Пекине и вот эту миллионную демонстрацию, он тогда нам сказал в посольстве: «Чтобы этих разговоров о китайском пути я больше не слышал. У нас будет гласность, у нас будет перестройка, а китайцы пусть имеют то, что они имеют сейчас на площади».

Ну и известно, к чему в результате пришли в Китае и у нас.

Пётр КАЛИТИН,
*профессор университета
МИФИ, доктор
философских наук:*

— Сегодня много было сказано о том, что у нас общество тотальной несправедливости. Мне бы хотелось, чтобы вы задумались над тем, что в русском обществе, где одним из краеугольных камней менталитета является чувство справедливости, уже 25 лет у власти стоят якобы абсолютно несправедливые властители. Но ведь так не бывает.

В чём же разгадка этого парадокса? Я полагаю, что, подобно тому, как в 1917 году нам предложили альтернативную концепцию справедливости, подобное же произошло и в 1991 году. Главный лозунг большевиков — Декрет о земле. А в 1991 году, как вы вспомните, речь шла не об обществе

равных возможностей, а о том, что действительно, наконец, все станут богатыми. Если проклятые большевики сделали так, что все стали бедными (помните на эту тему анекдоты), то либеральные «небольшевики» сыграли на том, что, наконец, каждый сможет стать богатым.

Я в данном случае не устаю повторять, что в 1992 году на моей памяти я не встретил ни одного из своих бывших друзей, которые бы не сделались гендиректорами каких-либо фирм, конторок, фондов и т.п. В результате, как вы понимаете, сейчас, через 25 лет, мы как та самая старуха из пушкинской сказки, можем говорить прямо о разбитом корыте, о том, что мы оказались в обществе тотальной несправедливости.

Но я бы опять хотел подчеркнуть, что нами правят очень умные сволочи. Советологи работали на совесть во всех передовых странах Запада, они изучали

русского человека, что называется, под микроскопом. И дальше, уже на заре новой, путинской эпохи был предложен другой небольшевистский вариант «справедливости». В чём он заключается? Речь идёт о том, что каждому, в данном случае уже более молодому, уже новому поколению, родившемуся где-то в 80-е годы, была предложена справедливость приобщения (внимание!) к европейским ценностям, к просвещённой Европе. Это как раз то, что сейчас задним числом мы получили на киевском Майдане.

В этом смысле идеологически «майдан» уже давно случился с нашей молодёжью, только без этих площадей, без этих украинских площадных акций с их (мягко говоря, извините, может быть, кого-то обижу) недоразвитостью. Сегодняшняя наша молодёжь считает, что она автоматически будет включена в какой-то офисный планктон,

как мы говорим пренебрежительно, или в «хомячковую цивилизацию».

И, между прочим, если мы вспомним лозунги нашей «болотной» оппозиции, собственно, они сводились к тому же самому. Неслучайно покойный Немцов в одном из своих последних выступлений сказал, что наш народ выберет масло, а не пушки. И в данном случае этот господин был прав, потому что молодёжь у нас сейчас имеет своё конформистское «необольшевистское» чувство справедливости нового извода.

У нашего первого русского митрополита Илариона было фундаментальное противопоставление закона и благодати. Это был голос новорожденной русской цивилизации, новорожденной русской культуры в христианском мире. Закон рабыни Агари — это ветхозаветный принцип «око за око, зуб за зуб», «получать по заслугам», а затем в модернизированном виде — «от каждого по способностям, каждому по труду». А благодать свободы — это сфера чудесного, происходящего не по заслугам, вопреки здравому смыслу, вопреки ожиданиям, вопреки природе. Чудо входило составляющей частью в русское чувство справедливости именно в силу своей абсурдности, в силу принципа — не по заслугам. Дьявол, как известно, обиделся на Бога за то, что Бог его по заслугам не оценил, потому что дьявол был лучший из ангелов. И поэтому наши предки, тонко чувствуя вот эти моменты провокации ветхозаветного варианта «око за око», которые идут, в свою очередь, от дьявольского «по заслугам получать», вложили в русское понимание справедливости элемент чудесного, незаслуженного и неожиданного, происходящего вдруг и по благодати.

Этот поворот к благодати заметен и в президенте Путине, который сначала обманул ожидания приведших его к власти березовских. А теперь он явил новое неожиданное чудо, следующую чудесную веху — Крым 2014 года.

Валерий КОРОВИН,
член Общественной палаты РФ, директор Центра геополитических экспертиз:

— Я бы разделит справедливость на два уровня. На уровень индивидуальный и коллективный. На индивидуальном уровне это действительно морально-нравственная категория, тогда здесь верным является тезис о том, что это некое соответствие должного и произошедшего. И тезис «от каждого по способностям, каждому по труду» — это есть квинтэссенция справедливости на индивидуальном, личном уровне. Но также справедливость можно рассматривать как общее, коллективное явление, и тогда оно переходит на уровень скорее социально-политический, и здесь этому понятию справедливости соответствуют такие категории, как альтруизм, забота о ближних, сострадание. И на этих принципах создаётся общество нравственных принципов, и здесь сильный делится со слабым, как уже неоднократно здесь звучало. И квинтэссенцией этого коллективного представления о справедливости является тезис «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

И если переносить представление о справедливости с коллективного уровня на цивилизационный и уже мыслить в геополитических категориях, то тогда мы видим, что сухопутным цивилизациям как раз соответствует больше коллективное представление о справедливо-

сти, о справедливости для всех, о справедливости как о том, что является благом для многих. И в пике ему морским цивилизациям соответствует больше как раз представление индивидуалистичное о справедливости, и тогда справедливо то, что является благом для отдельно взятого индивидуума. Тезис, который прозвучал у господина Тавровского: не отсутствие богатства, а его неправильное распределение, является высшей степенью несправедливости — верен именно для сухопутного типа цивилизаций. В то время как несправедливое распределение для представителей морских цивилизаций является нормативным и желательным.

Таким образом, если говорить о том, что Россия может и должна, на мой взгляд, использовать категорию справедливости в качестве некоей точки сборки для своего исторического тысячелетнего пути, то здесь нелишне было бы обратиться к тому, что Запад и западные цивилизации мыслят концептами. И в последние несколько десятилетий особенно активно, а до этого пару столетий они поднимают на вершину мира ценностей концепт свободы, ради которой и ради достижения которой они часто и в основном попирают принципы справедливости. Для Запада свобода, понятая как раз в индивидуалистическом, либеральном ключе, превыше всего, а справедливость для них вторична.

Необходимо вырабатывать симметричный ответный концепт сухопутных цивилизаций на концепт глобального Запада. И для этого мы можем взять за основу принцип справедливости, ради которой зачастую (и мы должны оставлять за собой такое право) попираются принципы свободы. То есть для нас справедливость превы-

ше всего, а свобода – как-нибудь по возможности и, в конечном счёте, уже не первостепенна.

И вот, отвечая концептом на концепт, мы сможем сбалансировать сегодняшнюю картину мира, и здесь этимологически я бы оттолкнулся от выступления Виталия Аверьянова. Я как раз представляю себе понятие «справедливость» как соправедность, то есть причастность к праведности, к праведному суду или к суду праведников. Справедливость должна пониматься как стремление верить себя в руки праведников, то есть тех, кто стоит на стороне Бога. И для того, чтобы нам стать знаменем справедливости для всего множества сухопутных цивилизаций, мы должны взять на себя эту миссию праведников и создать эталонное общество справедливости, которое сможет ответить достойно на то вероломство беззакония, оправданного категорией и концептом свободы, которое идёт с глобального Запада.

Александр НОТИН,
*руководитель
общественного движения
«Переправа»:*

– Мы сейчас наблюдаем духовную войну новейшего типа, и я предлагаю с этой стороны попробовать посмотреть на вопрос справедливости. Вообще говоря, справедливость не считается высшей добродетелью с точки зрения той иерархии духовных ценностей, которые предлагает православие. Православие ставит справедливость, правда, выше закона, но ниже милосердия и еще ниже любви.

Справедливость на индивидуальном уровне должна переходить на уровень духовный, то есть на самый высокий уровень, который уже ближе к духовному пониманию любви. А справедливость на государ-

ственном уровне вполне может выражаться в форме сопротивления попыткам других государств навязывать свою волю, в том числе и силой, и свою модель жизни другим государствам. Ибо если человек может быть милосердным, то государство милосердным быть не может, потому что государство вынуждено применять насилие. А человек может не нарушать заповеди Божии и при этом быть членом этого государства.

Сейчас происходит слом глобальной этической матрицы. Нас в неё, правда, насильственно втянули в 91-м году, и, если можно так выразиться, ею «залепили» нашу базовую матрицу, которая была в советском формате на порядок лучше, чем то, что нам навязали. И этот вживлённый в наш организм имплант остаётся на своём месте, он никуда не делся. Мы в этом смысле по характеру политического режима, по структуре общества и этической модели мало чем отличаемся от той же сегодняшней Украины, несмотря на всю её жёсткую критику у нас.

Нас пытаются новыми методами законсервировать, закрепить вот в этой протестантской этической модели, поскольку они чувствуют, что русское сознание начинает активно ей сопротивляться. Во всяком случае, я не вижу никаких реальных шагов в сторону реального изменения этической модели.

Что такое, с моей точки зрения, та светско-духовная модель, которая должна заменить кризисную матрицу. Светско-духовная модель должна предъявить новый подход, определяющий не «пределы роста», а разницу в «направлениях роста». Потому что в рамках западной модели чем больше рост, тем больше социальные диспропорции, тем больше и насилие над природой.

Что мы можем противопоставить ещё, мне кажется? Очень серьёзную разработку на базе святоотеческих принципов разумной достаточности. Это надо вернуть в вузы, в школы, вплоть до детских садов. Отцы святые говорили: «Ребёнка к добру принуждать надо». Почему сейчас вся молодёжь бежит в города? Потому что они смотрят «Дом-2», где им объясняют, что надо валить со своей малой родины, пока есть возможность, и становиться шоудивидами или шоуменами.

Олег РОЗАНОВ,
*ответственный секретарь
Изборского клуба
по регионам, руководитель
аналитического центра
«Копьё Пересвета»:*

– В рамках разговора о справедливости в год 70-летия Победы мы должны оценить подвиг советского, российского народа, который был совершён в 1941–1945 годах, потому что наша армия, наша страна восприняла агрессию против себя в духе борьбы со всемирным злом. С первых же дней война была названа «священной», и это в рамках атеистического государства.

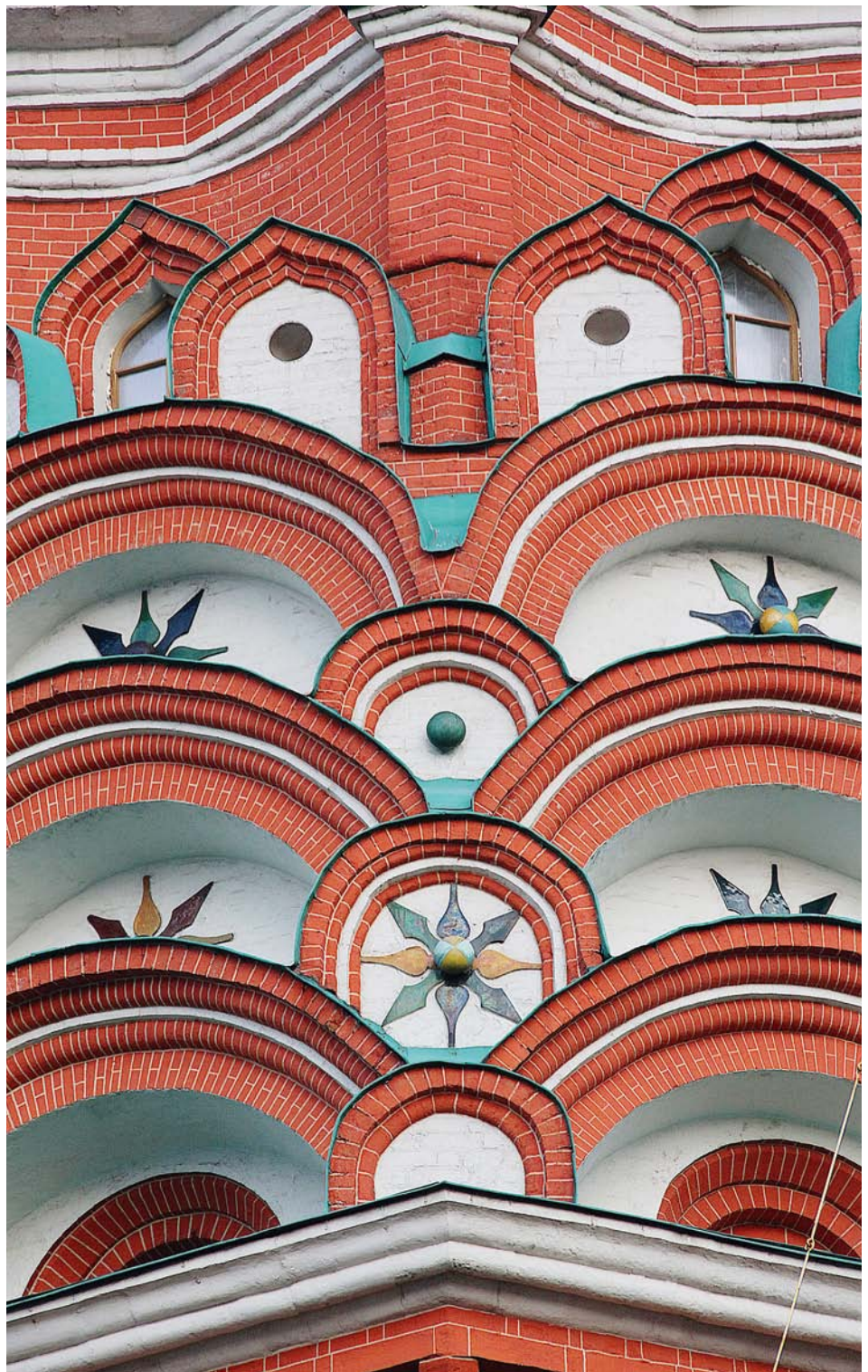
Попытка построения общества социальной справедливости в целом оказалась успешной. Советское государство первым вышло на 8-часовой рабочий день, на всеобщее избирательное право, которое включало права женщин. На тот момент на «просвещённом Западе» не существовало этих гражданских прав, которые давало своему народу советское государство. Но проблема советского государства заключалась как раз в том, что оно отвергло Бога. Война показала, что в рамках атеистической идеологии невозможно сплотить народ. А Сталин в ситуации 1941 года

выступил, может быть, как император Константин, который ранее был гонителем веры Христовой, но потом вместе со своей женой, равноапостольной Еленой, воспринял христианство. Со Сталиным произошла подобная метаморфоза.

В рамках нашего обсуждения мы выходим на тему справедливой оценки нашей Победы. Её пытаются у нас отнять, играя на противоречиях, порождённых той сложной эпохой, в которой жили наши предки: эпоха слома государственной парадигмы, социального строя. Безусловно, эта эпоха сопровождалась социальными катаклизмами, но это катаклизмы нашего государства, и они касаются именно нас, граждан нашей страны. Ведь мы с вами не вывели мировой общественный дискурс на обсуждение темы уничтожения индейской цивилизации в Америке? А западные штабы, используя ментальные особенности нашего народа, понимая, что идея справедливости для нас важнее всего, навязали нам не наш дискурс о роли Сталина. Смысл ниспровержения Сталина заключается в том, чтобы ниспровергнуть саму современную Россию. Мировой порядок держится на результатах Великой Отечественной войны, в более широком понимании — Второй мировой войны. И государствами, которые внесли наибольший вклад в Победу в этой войне, был создан современный мировой порядок: в том числе Организация Объединённых Наций, Совет Безопасности, где Россия обладает «правом вето».

В этой ситуации враг всё чётко рассчитал. Мы, отказавшись от Сталина, отказываемся от своей Победы. Потому что мы, признавая Сталина кровожадным тираном, ставим его в один ряд с Гитлером, значит, и наше

государство автоматически становится из державы-победительницы державой-агрессором со всеми вытекающими отсюда последствиями вплоть до исключения из Совета Безопасности и выставления исков Российской Федерации о воз-

мещении материальных, моральных и прочих потерь.

Несправедливо отдавать нашу Победу. Несправедливо даже обсуждать эти вопросы: был ли Сталин тираном и можно ли его ставить в один ряд с Гитлером? Это не только не-

справедливо, но и глупо. Мы включаемся в чуждый нам дискурс. Сталин промыслительным образом оказался во главе нашего государства, потому что мы знаем с вами, что волос с головы человека без воли Бога не может

упасть. И появление Сталина во главе государства в эпоху глобального вызова – это божественный промысл.

Помните библейскую историю? Когда Моисей вывел свой народ из пустыни, и, пока он

бродил по пустыне, отсутствовал долгое время, народ начал поклоняться идолам, золотому тельцу. Моисей был вынужден их жестоко покарать, уничтожить до трети своего народа, который развратился чуждыми прелестьями. Если на фигуру Сталина смотреть в контексте Священного Писания, то многие вещи открываются совсем по-другому. Справедливо или несправедливо, может быть, нам сейчас с вами даже рано оценивать, потому что ещё слишком мало времени прошло в исторической перспективе. Сейчас, может быть, стоит оценивать: полезно или не полезно? И фигуру Сталина, и действия высшего руководства советского, потому что мы видим, что западная цивилизация с ее англо-саксонским ядром всячески пытается отвергнуть тот мировой порядок, который установился после Второй мировой войны. С их точки зрения, он не справедлив, потому что он не выделяет их особую роль, особые заслуги, значимость.

В этой ситуации роль русской цивилизации, Русского мира многократно возрастает. И не только в смысле нашей военной мощи, а в смысле нашей морально-нравственной правды. Сейчас руководители западной цивилизации, пользуясь тем, что она всё ещё находится на пике своего могущества, хотя и начинает уже сползать с этого пика, хотят раз и навсегда решить вопрос глобального лидерства. В рамках этого проекта неизбежность войны, цивилизационного столкновения всем очевидна. Препятствием для установления нового мирового порядка, о котором говорил Адольф Гитлер, является всё та же Россия, о которую разбивались, волна за волной, западные нашествия. В этой ситуации единственно справедливой будет консоли-

дация российского общества вокруг нынешнего политического руководства. При всех тех неуклюжествах, при всех тех фактах, что нам известны, другого пути, кроме как консолидироваться вокруг политического руководства, вокруг нашей Церкви, вокруг нашей истории, у нас не остаётся. Это та единственная, на мой взгляд, основа, которая позволит русской цивилизации выйти победителем из этой, может быть, последней схватки, после которой мир должен стать или справедливым, или провалиться в тартарары.

Сергей УШКАЛОВ,
*руководитель брянского
регионального отделения
Изборского клуба:*

— Божественная правда и справедливость — это одно из выражений Божественной любви, Божией любви. По учению святых отцов, правда не может противоречить любви. Человек свободен в выборе своего пути, и это так же является проявлением Божией любви и справедливости. Отрицание свободной воли приводит к отрицанию и самой Божией любви.

Исламские богословы ответили справедливости как особому атрибуту Аллаха отдельное место в основах мусульманского вероучения. «Справедливость — это столп, на котором зиждется мир», — сказал имам Али. Позволю себе цитату из Корана, касающуюся справедливости: «Воистину, Аллах ни в чём не проявляет несправедливости к людям, но люди сами поступают несправедливо по отношению к себе».

Тема Божественной справедливости настолько важна и значима, что вера в неё или отрицание её способно в корне изменить всё мировоззрение и религиозные убеждения человека. Принимая или не принимая

справедливость как основную составляющую миропорядка, человека тем самым меняет взгляд на окружающий мир и его дальнейшие действия в нём. Осознание существования Божественной справедливости влечёт за собой верное понимание огромного количества процессов и явлений, происходящих вокруг нас.

Думаю, вы со мной согласитесь, что эгоизм и эгоцентризм западного мира свидетельствует о его бесчувствии к справедливости. Иначе как можно оценивать действия США и их европейских союзников, которые, используя сложившийся в последние 25 лет однополярный миропорядок, решают, какое государство, организацию или человека наказать. Прикрываясь разговорами о гуманизме, правах человека, борьбой с коррупцией и другими «общечеловеческими ценностями», они создают зоны политической нестабильности, где во время этнических чисток, межконфессиональной вражды, а затем и прямых бомбардировок от голода, болезней и других причин гибнут тысячи людей.

Страны «золотого миллиарда» не собираются делиться с миром технологиями, продовольствием, энергетическими и финансовыми ресурсами, а, напротив, стараются заполучить как можно дешевле природные ресурсы развивающихся стран. Достигнуть всемирной справедливости в однополярном мире невозможно. Однако усиление международной роли России и стран БРИКС, а также других международных организаций, не подконтрольных США и ЕЭС, способствовало бы созданию справедливого мироустройства.

Есть опыт мирного сосуществования двух политических систем на земле, сложившегося по результатам Второй мировой

войны. Конечно, мирное сосуществование было достаточно условным, но сложившаяся в результате войны международная обстановка способствовала крушению колониальной системы. Народы Африки, Индокитая, Ближнего Востока, Латинской Америки обрели независимость. Настоящей иконой стал Эрнест Че Гевара, который сказал: «Если у вас начинается дрожь негодования при каждой несправедливости, то вы мой товарищ». До сегодняшних дней команданте Че является самым популярным революционером и борцом за справедливость, и это говорит только о том, что мировая справедливость является потребностью народов всего мира.

В своё время СССР, строя заводы, делаясь технологиями и энергоресурсами, посылая своих специалистов в развивающиеся страны, обучая граждан этих стран, также способствовал строительству справедливого мироустройства. Сейчас на Россию смотрят с надеждой, мы подняли голову, мы становимся сильными и независимыми в принятии решений. Сегодня как никогда нужны более решительные действия президента для решения экономических проблем внутри страны. Решение социальных проблем невозможно без экономической модернизации страны. Экономически сильная и независимая, построившая социально справедливое общество Россия, безусловно, станет примером и моделью, к которой будут стремиться другие страны. Сейчас идёт борьба за умы и симпатии всего человечества. Либо будущий мир — общество греха и потребления, либо высокодуховное общество всеобщего благоденствия.

«Каким бы путём ни пошло человечество, не может быть всё сведено к чистогану, пошло-

сти и побрякушкам комфорта, и за защиту человеческого достоинства можно пожертвовать жизнью», — говорил Че Гевара.

Ольга БОНДАРЕВА,

*член брянского
отделения*

Изборского клуба:

— Погибнуть за правое дело — всегда было почётно. Народные герои, в той или иной форме отстаивающие справедливость, надолго сохраняются в исторической памяти, им ставят монументы, их имена дают улицам и городам. Однако чувство справедливости, как всякое, впрочем, чувство, оказывается порой весьма коварным. Огромным искушением для человека, желающего устанавливать справедливость, являются суровость и безжалостность. На определённом этапе борьбы за справедливость можно обнаружить, что лозунг «Справедливость для всех» неявно подменяется заботой о справедливости для себя, т.е. под справедливостью скрывается забота о собственном благополучии.

Сегодняшние проблемы в нашей стране не в том, что мы не можем накормить бедных, а в том, что богатые не могут насытиться!

Нельзя не затронуть тему социальной обеспеченности разных слоёв населения нашей страны. Социальная несправедливость заключается в расслоении общества. Одним всё, другим ничего. Это когда вполне законно выплачиваются за счёт средств госбюджета зарплаты, пенсии и прочие выплаты федеральным служащим, чиновникам, судьям, прокурорам, в разы превышающие пенсии простого рабочего. В такой стране чиновник будет лишён совести, а человек обижен и оскорблён.

Вторым столпом несправедливости в современном обще-

стве является олигархат. Это те люди, которые в основном приближены к власти, имеют все преференции и блага страны. Их влияние на социальную систему и уровень жизни в государстве колоссально. При олигархах-капиталистах справедливости быть не может.

Владимир СОМОВ,

*доктор исторических
наук, профессор ННГУ*

*им. Лобачевского, член
нижегородского отделения
Изборского клуба:*

— Справедливость — понятие ценностное. Как писал А.А. Зиновьев, «никакой справедливости и несправедливости вообще нет! Есть лишь сознание справедливости или несправедливости происходящего». Справедливость — не средство, а цель. Одновременно — это мотивационный фактор для русского (советского) человека. Эмоции, вызванные осознанием справедливости, обеспечивают чувство социального комфорта, той атмосферы, в которой и ради которой хочется творить.

Характерно, что справедливость социальная, земная и Высшая, Божественная, — понятия взаимопроникновенные. «Бог не Тимошка — видит немножко», — говорят о ситуации, когда принцип воздаяния «по делам» с точки зрения земного бытия в той или иной форме реализуется.

Сущность осознания социальной справедливости связана с понятием вклада каждого в общее, значимое для всех дело. Поэтому неправильно и примитивно считать, что справедливость выражается в уравнительности распределения. Вклад каждого — разный, и воздаяние, как проявление справедливости, — для каждого своё. «Каждому — по труду» — принцип традиционно справедливый для русского человека.

«Не трудящийся да не ест» — так было записано в первой советской Конституции. Советская цивилизация — попытка реализовать этот принцип на практике. Власть большевиков воспринималась как справедливая, и поэтому она устояла в самые критические времена. И развалилась советская система тогда, когда этот принцип был нарушен и погран.

Российская традиция ценностного понимания справедливости выражена в пословицах, лозунгах, правовых принципах и хорошо заметна «по контрасту» с европейским пониманием: если на протестантском Западе социальное расслоение обосновывалось «божественным предопределением», то в России ключевой категорией социальной жизни признавались соборность, совместное делание, совместное спасение и жизнь по совести. Гитлеровскому лозунгу «Каждому — своё» противостоял наш лозунг «Каждому — по труду». На Западе обосновывалась доктрина «права сильного», в России считалась истинной максима «не в силе Бог, а в правде».

Таким образом, европейская и российская традиции понимания справедливости не просто разнятся, они оказываются взаимоисключающими. В отечественной традиции (при всех кризисных нюансах) прослеживается преемственность в понимании справедливости в период господства языческого мировоззрения, в период государственного православия и в период советского социализма. Его главная составляющая — воздаяние по труду (по делам), то есть в соответствии с личным вкладом каждого в **общее** дело. Нарушение этого принципа приводило к серьёзным социально-политическим конфликтам (восстаниям, революциям и т.д.).

Иран небесный и Россия небесная

*(пять часов бесед А. Проханова
с М. Ахмадинежадом)*

Я был удостоен высокой чести — недавний президент Ирана Махмуд Ахмадинежад пригласил меня к себе в гости. В его обществе я провёл около пяти часов. Сначала мы встречались у него в резиденции в Тегеране, а затем — дома, в кругу семьи. За время этих бесед я стремился понять, чем является иранская модель в управлении обществом и государством. Как религиозно-философские смыслы, создаваемые в недрах религиозно-духовного сообщества, возглавляемого духовным лидером Ирана, как эти смыслы пропитывают сознание и практику политических деятелей, в том числе и президента страны.

Во время наших бесед мы обсуждали мучительные проблемы современного мира и возможности взаимодействия России и Ирана в самом широком спектре современных явлений.

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Александр ПРОХАНОВ: Господин президент, когда все опасались израильских бомбардировок Тегерана и чуть ли не вторжения израильской армии, многие русские мечтали помочь Ирану напрямую — участвовать в сопротивлении. И я в моей газете опубликовал статью под названием «Я твой воин, Ахмадинежад». Сегодня времена не более лёгкие. Мир меняет кожу. Происходит острейшая, опаснейшая схватка. Как бы вы определили смысл и уровни этой схватки?

Махмуд АХМАДИНЕЖАД: Во имя Аллаха милостивого и милосердного!

Прежде всего, хочу сказать вам, господин Проханов: «Добро пожаловать!» Я очень рад нашей новой встрече. Два с половиной года тому назад в Москве мы виделись в кругу мыслителей России, и у меня очень хорошие воспоминания о той встрече. Вы как писатель, как исследователь дороги всем, все вас уважают. И у меня огромное уважение и расположение к вам. Я считаю, во многих основополагающих вопросах у нас единое с вами мнение.

Хочу выразить вам признательность за ваше доброе отношение к Ирану и к иранскому народу. Это говорит о вашем благородстве, о вашем достоинстве и о том, что мы с вами находимся на одном фронте, действуем в одном направлении.

Позвольте и я задам вам вопрос. Хочу заинтересоваться вашим здоровьем, как вы чувствуете себя?

А. П.: Я по-прежнему — ваш воин, господин Ахмадинежад.

М. А.: Вы великодушны. Мы все являемся воинами справедливости и правды.

Когда я узнал о том, что вы собираетесь в Иран, очень обрадовался. Я сказал, что является хорошая возможность поучиться

у вас. Потому что вы, господин Проханов, масштабная личность. Ваши слова очень влиятельны. Мы чувствуем значение ваших слов здесь, в Иране.

А. П.: Но когда вы, господин Ахмадинежад, произносили свои речи с трибуны ООН, я чувствовал, как сотрясаются мировые платформы. Это были грандиозные речи.

От ваших речей спящие просыпались, и мне казалось, что с трибуны говорит не политик, а поэт и пророк.

Я слышал ваше выступление здесь, в Тегеране, на форуме, посвящённом исламскому пробуждению. Выступал духовный лидер, и выступали вы. Меня поразило, что вы — политик и концептуалист — выступали, как поэт и религиозный философ. А духовный лидер выступал, как опытный политолог. Он говорил о тактике, стратегии революции. Поразило то, что вы словно бы взяли на себя функцию духовного проповедника, а он взял функцию архитектора революции.

М. А.: Я полагаю, когда любое лицо, будь то важное, сановное лицо или нет, затрагивает вопрос правды, начинают действовать три фактора. Во-первых, происходит некое пробуждение среди тех, кто, может быть, спал до этого. Это пробуждение происходит и среди сторонников правды, и среди противников.

Второе — все сторонники правды чувствуют, что в речах говорящего звучат и их мысли, и их представления о правде.

И третий фактор — происходит единение сторонников правды во всём мире. Это касается не только выступлений в ООН. Когда вы говорите, происходит то же самое. Но в ООН трибуна выше. Однако любой человек, говорящий о правде, производит подобное действие.

Полагаю, правда должна быть нашим критерием оценки окружающего мира. Многие

анализируют происходящее. Но важно, по каким критериям давать эту оценку. Потому что люди с разными критериями получают разные результаты. Современные властители, добившиеся власти над миром, по-своему видят мир. Но такой взгляд во многом является устаревшим, является продуктом прежнего мышления.

Нужно смотреть на мировые проблемы непременно с позиции правды и справедливости. А правда состоит в том, что смысл человеческой жизни — в непрерывном совершенствовании, в непрерывном приближении к справедливости. И в этом стремлении человек находится от рождения до смерти. Это и есть то, что я называю человечностью, — постоянное стремление к совершенству.

Но если к власти приходит несправедливый, злой человек, то представления о реальности такого человека будут искажёнными. Мы считаем, что если в какой-то точке мира совершается насилие в отношении одного человека, то насилие совершается против всего человечества. И там, где происходит насилие, кроме видимого, непосредственного эффекта этого действия, подвергается насилию и всё человечество. А когда удар наносят по человечеству, то каждый человек ломается, превращается в пыль.

Поэтому сопротивление насилию есть долг всех людей. Покойный имам Хомейни сказал о том, что в любой точке мира, где есть насилие, есть злые люди, там сражение, там сопротивление. Он сказал также, что, пока есть сопротивление злу, мы все существуем. То есть защита человечества и защита человеческих прав не имеет географических границ. Когда совершается насилие против людей, мы одинаково должны чувствовать это, сопереживать. И не важно, где эти люди — в Африке, в Китае, в России, в Соединённых Штатах Америки или в Иране.

На земле Палестины происходит насилие. Палестинский народ подвергается угнетению. Поэтому мы поддерживаем палестинское сопротивление.

Тот, кто защищает человечество, людей, он защищает и свою человечность. И тот, кто старается, чтобы судьба человечества была лучше, он ничего экстраординарного, особенного не делает, потому что он защищает и самого себя. Мы видим, что злые властители ищут в политике материальную выгоду, и достижение этих выгод лежит у них в основе всего. Но в основе всего лежит стремление человека к совершенству.

А. П.: В том восстании человечества, которое мы переживаем, в этой схватке сражаются несколько представлений о том, что такое мир, что такое человечество, что такое высшая сила Господня.

Существует такая категория, как «американская мечта». Она облечена в привлекательные формы, которые должны были бы сделать американскую мечту мечтой всего человечества. Существует «китайская мечта», и этот термин вошёл в политический документ Коммунистической партии Китая. Есть «русская мечта», и её формулированию я посвящаю все свои интеллектуальные, духовные силы. Как бы вы определили «иранскую мечту»?

М. А.: Я считаю, что нам следует постигать и изучать мечтания всех народов — американскую мечту, китайскую мечту, русскую мечту. Если в нескольких словах сказать, что такое иранская мечта, то это установление справедливости, дружбы, это уважение человеческого достоинства каждого. Возможно, и другие люди говорят подобные слова, стараются сделать свою политику привлекательной, в том числе и американское правительство. Но то, о чём мы говорим, и то, о чём говорят американцы, в корне отличается одно от другого. Это не значит, что никакого сходства между нами нет. Возможно, в некоторых толкованиях мы будем близки, в том числе и в области свободы, человечности и человеческого благородства. Но в глубинной сути мы различны.

Я полагаю, что все мировые беды возникают из-за того, что люди не проявляют по отношению друг к другу благородства и не уважают достоинство человека.

Давайте посмотрим, на какой основе строятся человеческие отношения в западной цивилизации. На первом месте — материальная выгода. Ещё эгоизм, личные интересы, ревность, конкуренция. Но в основе человеческой природы лежат не эгоизм, не себялюбие, не алчность. В основе человеческой природы лежат человеколюбие и стремление к совершенству. Но человечеству навязывается несвойственное ему представление о благе. Это и есть насилие.

Человеческая правдивость — это луч божественной правдивости в человеке. Человеческая правдивость — это чистота в восприятии другого, дружба, уважение и достоинство. Любые действия, которые совершает человек, или повышают человеческую сущность, или снижают. И поэтому тот, кто совершает насилие, очерняет свою человеческую сущ-

ность. А тот, кто любит другого и идёт на самопожертвование, на самоотверженность, повышает свою человеческую сущность.

Когда отношения между людьми будут основываться на высоком, на духовном, каким красивым будет мир! Именно это соответствует божественному замыслу, который изначально закладывается в человеческую сущность. Эта сущность есть во всех людях. Но некоторые убивают это качество, а некоторые воспитывают его, возвращают. Я полагаю, что движение Америки идёт в сторону уничтожения человеческой сущности. Иногда американцы провозглашают хорошие лозунги. А русло, по которому они движутся, — это убийства людей. В том направлении они идут.

Если кто-то оскорбляет людей, он не достоин называться человеком. Это мелкий, нецельный человек.

Миллиарды людей из-за насилия, которое распространяется по всему миру, не могут заботиться даже о самом себе, защитить себя. Более 1 млрд 200 млн людей в мире не имеют возможности есть даже один раз в сутки, поэтому им некогда думать о своём человеческом предназначении. Они — как нераскрывшиеся цветы, которые уничтожены в зародыше.

Ситуация в мире сегодня диктуется представлениями, которые формулируют американцы. Но это не значит, что такие представления — исключительно американские. И другие люди, вероятно, имеют такой взгляд на мир. Потому и результат такой. К тому же многие страны являются сателлитами Соединённых Штатов Америки.

А. П.: Я пытался исследовать русскую философскую мысль на протяжении тысячелетия русской истории. Внимательно читал русские волшебные сказки, читал труды русских религиозных философов, которые проповедовали смыслы государства, изучал труды коммунистических революционеров — Ленина и Сталина. И везде была одна и та же мечта — мечта о справедливости. Смысл русской истории — сотворение справедливого общества.

Одни считали, что это справедливость социальная, которая устанавливает гармонию между человеком и человеком. Другие полагали, что это справедливость национальная, которая устанавливает гармонию между народами, живущими в России. Третьи думали, что это боже-

ственная справедливость, которая устанавливает симфонию и гармонию всего существующего в мироздании, включая гармонию между звездой небесной и цветом полевым.

Но есть и точка зрения, что достижение такой справедливости на земле невозможно, и она, справедливость, возможна только в раю. Что само низведение рая на землю является огромной ошибкой, что это приводит к искажениям реальной человеческой истории. Мне кажется, это неверное мнение. И смысл человеческих поступков — это создание здесь, на земле, подобия идеального райского общества. К этому призывает молитва «Отче наш», которую Иисус завещал нам, христианам. Об этом говорит Коран, в котором слово «справедливость» является самым важным, ключевым словом

во всех сурах, во всех аятах. Но не является ли действительно стремление построить идеальное бытие на земле своего рода ересью или кощунством?

М. А.: То, что тысячелетняя мечта русского народа — это создание справедливости, действительно так. Я полагаю, что это всегда было и будет мечтой всех народов. В этом как раз все люди, все народы едины. Но здесь несколько моментов. Во-первых, что такое справедливость и как можно сотворить эту справедливость, как можно самим её создавать? Если говорить в общем и целом, то справедливость наступает тогда, когда любая вещь соответствует своему предназначению и все люди получают возможность развиваться и самосовершенствоваться.

Второй момент: справедливость — это исходная точка движения к самосовершенствованию. Справедливость — не конечная точка: человеческая жизнь, жизнь всех людей начинается с создания справедливости.

Приведу пример. Возьмём семена. Если мы будем сажать их в грунт, но без необходимых условий, что из этого выйдет? Для выращивания требуются соответствующие условия. Теперь допустим, что растение даёт плоды. Будут ли эти плоды хорошими? Или будут плохими? Чтобы плоды удались, нужны плодородный грунт, обилие воздуха, света, благоприятная температура. Это и будут справедливые условия для выращивания данной культуры.

И общественная справедливость — это необходимые условия для процветания человека. Когда создаются такие условия — это исходная точка, первый шаг.

Третий момент. Если мы говорим, что надо создавать рай на Земле, необходимо думать, какое у нас представление о рае. Потому что некоторые думают, что рай — это отвлеченное понятие, не связанное с земной реальностью. Это не так. Мы считаем, что рай на Земле уже существует. Те, у кого в сердце любовь к людям, тот живёт в центре рая. А когда такой человек умирает и отправляется на тот свет, он находит там самого себя, потому что встречает на том свете свою доброту и свою любовь. Рай создается нами — мы создаем рай.

И ад тоже. Так что можно именно на Земле создавать рай. И так будет. Рай будет создан на Земле. Если на Земле не будет рая, ставится под вопрос само творение человечества, философия творения. А ведь мы знаем, что Всевышний ничего непродуманного не являет. И люди сотворены для определённой цели.

Мир кончается без создания и проявления справедливости. Ведь кому нужен такой мир, где воюют, применяют насилие? Он не стоит того, чтобы его творить. Никакого творения в этом нет. Рай на Земле начинается тогда, когда создаётся справедливость.

Четвёртый момент. Справедливость появится только при участии всех людей. Красота справедливости наступает тогда, когда люди этого хотят. Справедливость не может быть навязана с помощью ракет, американских беспилотников. Это, напротив, убивает справедливость.

Пятый момент. Кто должен управлять справедливостью? Любому человеческому обществу нужен порядок и лидер, тот, кто берёт на себя роль наставника, руководителя этого общества для установления справедливости. Это просветлённые люди, которые действительно хотят справедливости. В них отсутствует всё античеловеческое. Иисус Христос потому мог установить справедливость, что в его личности не было эгоизма, себялюбия, тьмы. Он пожертвовал собой ради других. Жертва ради других — это и есть высшая справедливость. 12-й имам Махди — совершенный человек, который по присущим ему качествам уже достиг самосовершенства. Слабостей, свойственных обычным людям, у него нет. Именно такие личности, приходя, устанавливают справедливость.

Это не говорит о том, что другие люди не могут её создавать. Напротив, каждый человек в той степени, в какой он приблизился к справедливости, может эту справедливость творить. Однако люди нуждаются в полной справедливости, а не относительной. Кто может создавать полную справедливость? Тот, кто сам совершенен. То есть истинные люди могут создавать всеобъемлющую справедливость. Этого мнения придерживаются российский, иранский и другие народы. Это наша общая вера. Все ждут справедливого руководителя.

А. П.: Я помню вашу мысль о том, что человечество ждёт нового Мессиию.

М. А.: Установление справедливости — задача каждого человека. Я сказал, что всемирная справедливость наступит с появлением всеобъемлющих, наполненных, совершенных людей. Но само стремление к установлению справедливости есть всегда. И мы считаем, что установление справедливости определяется активностью человека. И насколько он способствует установлению справедливости,

Мы считаем, что рай на Земле уже существует. Те, у кого в сердце любовь к людям, тот живет в центре рая. А когда такой человек умирает и отправляется на тот свет, он находит там самого себя, потому что встречает на том свете свою доброту и свою любовь. Рай создаётся нами — мы создаем рай.

Рай на Земле начинается тогда, когда создаётся справедливость.

настолько же он человек, такова степень его совершенства.

Ожидание таких великих людей — это позитивные ожидания, положительные желания. Если мы думаем о том, что никогда не будет справедливости, никакого стимула к установлению справедливости не будет. Мы уверены в том, что такие личности придут и установят справедливость. А для этого надо и всем нам прикладывать свои силы.

Некоторые считают, что справедливость можно установить с помощью насилия и террора.

Но представления террористических групп, организаций о том, что за свои террористические действия они попадут в рай, ошибочны. Это дело шайтана, дело дьявола, плод великих заблуждений. В той степени, в какой люди стараются установить справедливость, в той же степени шайтан старается этому помешать.

Рай — это результат деятельности человека, продукт человеческого сердца. А тот, кто убивает детей, женщин, мужчин, совершает преступления, тот убивает самого себя, он не понимает истину.

Америка ради своей выгоды убивает людей и называет это защитой прав человека.

А. П.: Мы говорим, как два религиозных философа. Но вы — яркий, интенсивный политик. По интенсивности вас трудно с кем-нибудь сравнить. Политика — очень увлекательная, но иногда смертельно опасная деятельность. Что вас сделало политиком? Увлечённость кибернетикой, непрерывными движениями и схватками? Или у вас изначально была какая-то возвышенная политическая или моральная цель?

М. А.: Я не считаю себя политиком. Я — обыкновенный человек. Но в становлении личности любого человека взаимодействуют многие

факторы — исторические, наследственные, — происходящее в окружающем мире.

Самый действенный стимул для политика — это человеческая ответственность, которую кто-то более остро ощущает. Мы стараемся быть людьми. Стараемся достичь уровня, который благословляется Всевышним. Бог сотворил нас, чтобы мы двигались по пути, который позволяет стать человеком. И мы идём по пути совершенствования, по пути создания общественной справедливости. У аскетов, которые живут в лесу и в горах, человечность не развивается. Своей полноты, совершенства человек достигает, живя среди людей.

Я уже с юности был знаком с общественно-политическими вопросами. Остро их чувствовал. И моя семья тоже была к ним чувствительна. Мой покойный отец был очень восприимчив к общественной, политической жизни. Он вообще не воспринимал режим шаха, монархию, считал, что такой строй не обеспечивает человеческих потребностей и не имеет легитимности в управлении государством.

Сначала, ещё подростками, среди друзей мы говорили об этом, потом я поступил в университет, и круг общения расширился. Когда мы лучше узнали окружающий мир, стремление к справедливости усилилось. Мечта об установлении мировой общественной справедливости — это благородная мечта.

И важно, под каким углом зрения мы смотрим на окружающий мир. Полагаю, что если смотреть на окружающий мир через американские очки, то никакого развития не будет. Человек не обретёт самого себя, свою человечность. А если мы смотрим на мир с позиций человечности, представление будет совсем другим.

Возьмём понятие «власть». Если смотреть с человеческой позиции, то у Америки нет должной власти и силы — той силы, которой люди не в состоянии противостоять. Людские силы намного превышают американскую силу. Именно люди определяют, что будет завтра, а не ракеты, не самолёты и не бомбы.

Политика и действия политиков подчиняются теории вероятности. На сто процентов нельзя ничего предсказать. Даже самый сильный политик не сможет просчитать все варианты, самый опытный специалист не может предсказать событие на 100%. Потому что человеческие факторы очень изменчивы и разнообразны. Познание общества происходит на разных уровнях.

Одно познание — на основе получаемой извне информации. И другое познание — это

когда живёшь среди людей. Моя информация о российском народе, даже если я сто лет буду изучать Россию, не имеет никакого сравнения с вашей, потому что вы чувствуете страну всем своим существом.

Я, как обыкновенный человек, жил и живу среди иранского народа. Но у меня было и точное представление об иранском обществе. Я был уверен в том, что лозунг установления справедливости иранский народ обязательно поддержит. Этот лозунг приветствуется во всём мире. Но люди должны верить именно в честность оратора, того, кто проповедует такие истины. Люди поверили тому, о чём я говорил. И это божественный дар, который сердечно связал меня с иранским народом.

А. П.: Есть ещё одна категория оценки действительности. Эта категория называется «чудо». Без категории «чуда» нельзя понять русскую историю. Если следовать политологическим, экономическим и другим критериям, Россия не должна была существовать. Но на краю пропасти происходило прямое вмешательство Бога, и чудо спасало Россию. Это дает право полагать, что настоящим творцом истории является Господь. Конечно, выбирая для этого народы. Но иногда народы замирают в тупиках, где они бессильны что-либо сделать, и тогда наступает время чуда.

М. А.: Вы называете это чудом, а я говорю — божественная помощь. Вы говорите, что русский народ всегда искал справедливости и шёл на самоотвержения на этом пути. Да, если люди попадут в тяжёлые условия, конечно, божественная помощь придёт. А поскольку божественная помощь не оценивается обычными уравнениями, мы называем это чудом. Если народ в любой точке мира постигает человеческую ценность, стремится самосовершенствоваться, Бог ему помогает.

А. П.: Вы управляли Ираном в очень грозный период мировой и иранской истории. А что самое главное в ваших деяниях за время вашего правления? Что вам удалось сделать из намеченного и что не удалось?

М. А.: Если руководитель общества будет действовать в соответствии с волей народа, тогда произойдёт то чудо, о котором вы говорите. Я был частью народа, внутри народа. Я был продуктом воли иранского народа. У меня никакой партии не было, никакая политиче-

ская структура не поддерживала меня. И мы исходили только из народовластия и справедливости. К этому было стремление народа. И я не имел права делать что-либо, противоречащее народной воле.

Но в этом вопросе нужно планирование, конечно. И у нас ещё до создания правительства была программа действия и внутри Ирана, и на международной арене. Безусловно, нужно верить в Бога и верить в Божественную помощь. А когда проявляется воля всего народа — и Бог помогает.

В течение восьми лет моего правления изменились многие убеждения не только в Иране, но и во всём мире. Потому что, когда целый народ провозглашает лозунг правды, справедливости, другие это слушают и слышат.

Да, действительно, над Ираном нависала угроза, была опасность. В появлении этой угрозы мы видели мировой фактор, угроза появилась из-за неправильного миропорядка. И чтобы ликвидировать угрозу, надо было давить на существовавший мировой порядок. И под такой угрозой, под какой был иранский народ, был и палестинский, и российский, и другие народы. Мы думали, что все народы должны быть освобождены от нависшей

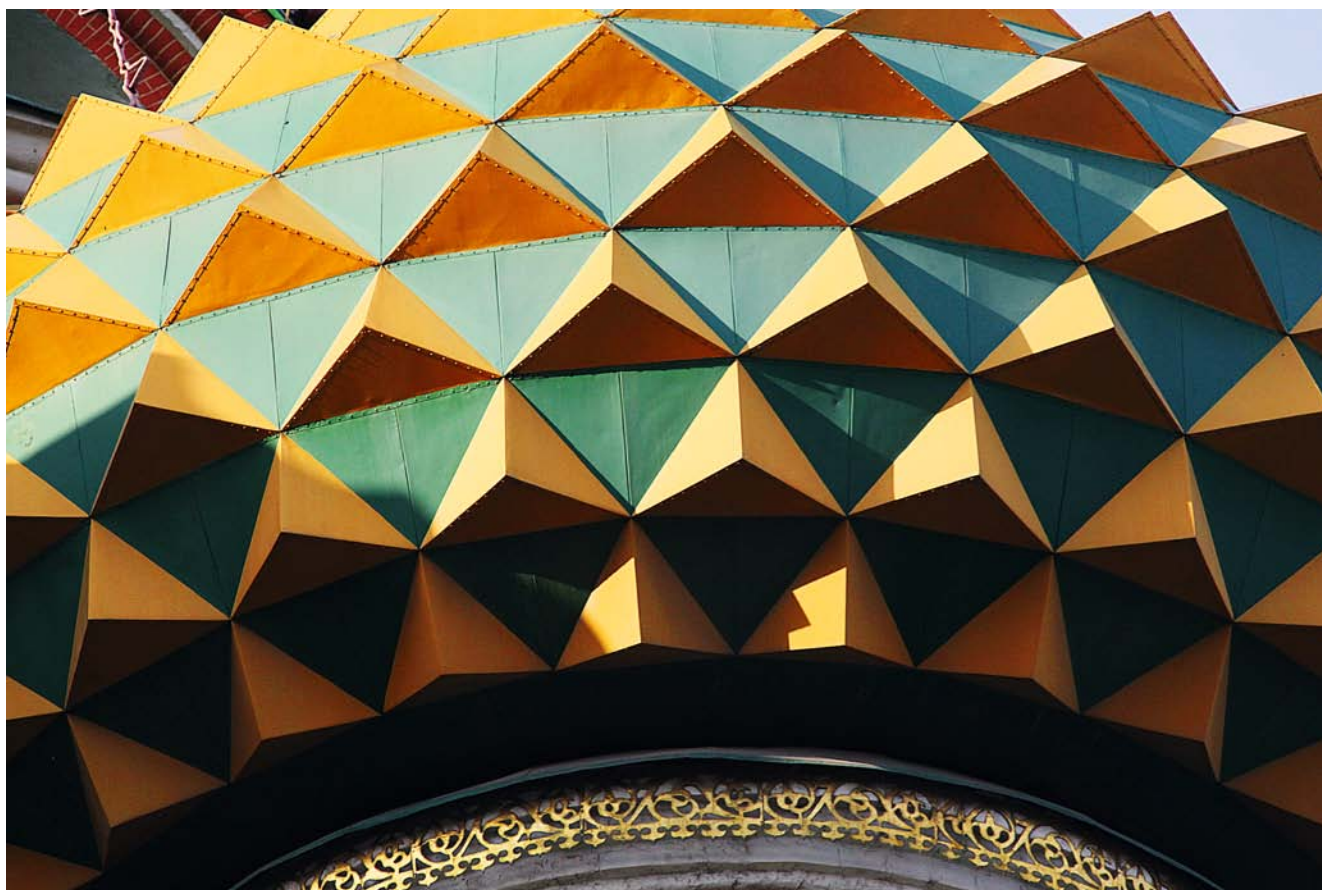
угрозы, не только иранский. Поэтому надо было оказывать давление на центр мирового порядка, мировой злой силы.

Может быть, впервые американские руководители чувствовали своё бессилие, потому что не знали, что делать. Но давить на них без народной поддержки было бы невозможно. Против существующего миропорядка надо направлять народную силу. Мы не применяли военную силу. Мы только говорили с народами. Сила народа, сила понимающих людей — главное.

А. П.: И сила слова.

М. А.: У вас, господин Проханов, никакого оружия нет, ваше оружие — ваше мышление. Это мощнее атомной бомбы. А противостоящая нам сила хочет, чтобы люди не думали. Или думали так, как этим силам хочется. Если мы сделаем так, чтобы люди смогли правильно думать, тогда все мировые уравнения изменятся. Поэтому мы старались, чтобы произошло единение народов. Это не организационное единство. Это единство, которое основано на чаяниях людей, на их мечтах.

Мы указали на 20 слабостей капитализма, которые распространяются на весь мир.

Центр этих слабостей — Соединённые Штаты Америки. Мы считаем и американский народ угнетённым народом. Это полное человеческое видение и никакой расовой, никакой географической границы не имеет.

Эти слабости представлялись как кнопки. И когда на эти кнопки нажимали, они дрожали. Как 11 сентября.

Необходимо было создать группу, которая определила бы истинные причины произошедшего. Потому что тогда американское правительство было и судьёй, и прокурором, и истцом. И под предлогом того события развязывало во всём мире военные действия.

Когда взорвали те башни, я сказал, что это искусственный, подстроенный теракт. Никакие «бойнги» не могут разрушить такие мощные здания, чтобы они к тому же так планомерно ру-

шились. Здесь нужен точный расчёт, под каждой несущей конструкцией нужно было устанавливать взрывные устройства. Я — инженер-строитель, преподаю в университете, как строить туннели. Мы знаем, как эти взрывные устройства работают и как происходят взрывы.

И ясно было, что во всём мире наступает новая политика. Надо было об этом говорить, сообщать миру, что наступает эра новой политики. Американский народ и другие народы уже убедились в том, что для них уготованы новые мировые преступления. Мы постарались привлечь другие государства, которые тоже ратуют за справедливость, исходят из справедливости.

В течение восьми лет мы развивали отношения с латиноамериканскими, африканскими, азиатскими странами. Иран и Россия также проводили встречи на высоком уровне. Мы взаимодействовали в вопросах координации стратегических целей по многим мировым проблемам. В том числе и по экономическим. Было завершено строительство Бушерской АЭС. Это очень положительная веха ирано-российского сотрудничества.

Высокими темпами продолжалось развитие иранского общества. В научно-информационных, экономических, общественных вопросах у нас произошло большое продвижение. В области ядерного, атомного проекта мы завершили то, что намечали. В области нанотехнологий, биотехнологий мы достигли нового уровня. В промышленном производстве произошли большие прорывы. В 2,5 раза мы увеличили производство цемента, металла и стали, электроэнергии — в 2 раза. Несмотря на экономические санкции, мы выполнили большие экономические проекты.

Западные санкции действуют тогда, когда мы изнутри слабы. Если чувствуем свою силу, то санкции никакого эффекта не имеют. Если в последнее время санкции и были более чувствительны, это из-за того, что некоторые некомпетентные люди вмешивались в дела. И несмотря на то, что американцы говорят, будто эти санкции были разрушительными, но против народной воли они были ничто. Некоторыми действиями можно было свести эти санкции к нулю. Такое возможно, когда и другие ключевые лица исходят из схожей позиции. Нужны были сильные, решительные люди.

Америка — американский строй — уже, можно сказать, падает в ущелье, саморазрушается быстрыми темпами. Даже если она будет оказывать давление на других, ничего

не изменится. Народы могут ей противостоять. Иран и Россия — это великие народы, которые имеют глубокие корни в истории. Один корреспондент в Соединённых Штатах Америки как-то негативно отозвался об Иране и задал вопрос: «Вы не боитесь израильских и американских санкций?» Я ответил: «Нет». — «Почему?» Я сказал, что Иран имеет несколько тысяч лет истории, он имеет глубокие корни. И Россия тоже. А у Америки какая история, сколько ей лет? Так что у неё очень непрочные корни, их уязвимость велика.

Если мы будем исходить из народной воли, источников сил для победы у нас много. Очень мощный человеческий потенциал, полезные ископаемые, хорошее географическое, региональное и международное положение. Мир — это мир конкуренции. И мы в состоянии создавать новые экономические структуры для мира.

Да и до какого времени мы должны подчиняться тому устройству, которое создано американцами? БРИКС — это структура, которая может разрушить американскую экономику. Несколько государств сообща в состоянии ослабить доллар, чтобы он не был господствующей валютой. И тогда никакой силы у Америки не будет. Американский строй сегодня стоит силой доллара. Если доллар будет расшатываться — будет раскачиваться вся Америка. Такое возможно. Но надо твёрдо решать этот вопрос. Когда человек твёрдо решит переплыть океан, он победит и страшные волны.

А. П.: Вы высказали много глубоких мыслей, которые созвучны русскому интеллектуальному обществу. Я сделаю всё, чтобы эти идеи в ближайшее время узнало наше общество.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

А. П.: Господин президент, размышляя о нашей прошлой беседе, я подумал, что большинство политиков говорят о технологии власти, а вы говорили о религиозно-философских мотивациях власти. Для меня это откровение.

М. А.: Во имя Аллаха милостивого и милосердного. Большинство политиков, господин Проханов, вынуждены заниматься технологиями, инженерией власти. Но этого недостаточно.

А. П.: Самый большой инженер — это Аллах. Сегодня позвольте задать вам несколько практических вопросов. В то время, когда

мир ждал нападения Израиля на Иран, когда Израиль грозил бомбардировками ядерных объектов Ирана, когда полагали, что в случае, если произойдет нападение на Иран, это — начало большой, может быть, и мировой войны, была ли такая вероятность реальной? Или это пропагандистские мифы, война нервов? И это был лишь большой израильский блеф?

М. А.: Мы, естественно, серьёзно относились к этим угрозам, однако их практическое воплощение считали не столь вероятным. Мы знали, что на нас мечтают напасть, чтобы бороться против революционных, прогрессивных идей, исходивших из Ирана. У израильской цивилизации никаких других средств для своего самосохранения, кроме оружия, бомб, нет. Потому они и не стремятся развивать духовное в человечестве, а просто хотят навязывать свои идеи любыми средствами.

Да, они мечтали и мечтают военными действиями уничтожить Иран. Но два обстоятельства не позволяют этого сделать. Во-первых, они боятся ответных ударов Ирана. Возможно, кто-то и начнёт войну. А закончить её он не всегда в состоянии, потому что окончание войны зависит не только от него. Иранцы способны отражать атаки, реагировать на угрозы и в краткосрочной, и в долгосрочной перспективе. В регионе есть и другие факторы, которые сразу начнут действовать в случае развязывания войны, нападения на нас.

Второе их затруднение — это реакция народов региона. Нападающие не смогут обосновать своё нападение и подготовить людей к таким атакам как к действиям неизбежным и приемлемым.

Вообще, идёт война, борьба между мышлениями: нашим и их. Жизнь показывает, что в этой войне, именно в смысловом сражении, мы побеждаем. Ведь американцы, когда действовали против нас, для своих атак использовали все мировые ресурсы. Тем не менее никакого массового народного движения против нас они не смогли сформировать. И руководители Исламской Республики Иран, несмотря на интенсивную информационную атаку со стороны Запада, являются самыми популярными и уважаемыми в мусульманских государствах деятелями.

Наши противники не смогли организовать народную силу, которая пошла бы на нас. Такой атаки не произошло. Но если они почувствуют, что Иран слаб, возможно, нападение состоится. Но вероятность ослабления Ирана низка.

А. П.: А если бы произошла такая атака, «Хезболла» выступила бы на стороне Ирана в Южном Ливане?

М. А.: Я полагаю, многие включились бы в эту войну, в том числе страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Даже в Китае есть народные силы, поддерживающие нас. Современная война не ограничивается парой ракет. Ведь настоящая война — это продолжение, ход войны. Возможно, они начнут. Но не в состоянии будут закончить. Так что это большой риск — начинать войну против Ирана.

А. П.: Думаю, когда американцы выступают против ядерной программы Ирана, они выступают, прежде всего, против иранской модели, которую вы предлагаете человечеству. И в сознании американских и израильских политиков причудливо переплелись представления об иранской ядерной программе и иранской модели. В этой связи насколько правдивы сведения о том, что Израиль и, по-видимому, США, осуществляли террористические акты против ваших учёных-ядерщиков? Где не помогают санкции, может быть, помогает снайперская винтовка?

М. А.: Это так. Это действительно так. Такими методами пользуются. Но несколькими террористическими актами нельзя добиться, чтобы народ сдал свои позиции. Если бы они имели дело с какой-нибудь отдельной партией или определённой группой, то их задача была бы легче. Но они имеют дело с целым народом. Им противостоит целый народ. И даже не один народ, а многие. Потому что многие народы думают, что дискриминация, которой подвергается Иран, ожидает и их. Но нет силы, которая могла бы противостоять всем народам.

А. П.: Однако были случаи нападения на иранских физиков?

М. А.: Да. Причём нападения вероятны и впредь. К сожалению, нападающие получают сведения через МАГАТЭ. МАГАТЭ настаивает на том, чтобы иметь полную информацию о наших ядерщиках. А мы знаем, насколько сильно влияние американцев и израильтян в МАГАТЭ. Но не думаю, что американцы, западники, с риском для себя начнут какую-то войну в пользу Израиля. Исторический период существования Израиля уже истёк. Это можно сравнить с почкой, которую пересаживают человеку, а она не приживается. В нашем регионе Израиль не прижился. Одно

время Запад обеспечивал свои интересы, развязывая войны. Были периоды, когда угрозы действовали. Сейчас эти методы не действенны. И обратный отсчёт исчезновения Израиля начался. Потому что Израиль, который может угрожать, но не может напасть, зачем вообще нужен Западу? Он же был создан именно для этих целей. А если он не в состоянии выполнять свои агрессивные функции, то начинают доминировать его внутренние проблемы. Например, нужно проводить дорогостоящие выборы, обеспечивать благосостояние народа. Но ведь все эти расходы покрывает Америка. И спрашивается, какие основания у нормального человека на Западе нести такие расходы? Там ради 10 долларов убивают человека. А с какой стати платить по счетам, которые не приносят никакой прибыли и даже не дают простого возврата вложенных средств? Потому, когда Киссинджер говорит, что в последующие десять лет Израиль исчезнет, это информация, а не прогноз. Историческая миссия Израиля исчерпана. И вряд ли западные государства станут воевать ради оживления человека, у которого идёт процесс отмирания.

А. П.: Они не будут воевать?

М. А.: Нет. Западные страны не развяжут войну. Но, возможно, они воспользуются другими способами, чтобы мучить людей, приносить им страдания. Не исключено, что процессы, которые сейчас происходят в секторе Газа, в Ливане, завтра начнутся в других местах нашего региона. Но эти процессы не приобретут мирового характера. У Запада нет средств, чтобы эту угрозу сделать всеобъемлющей.

Однако мы знаем, что за спиной американцев кроются сионисты. И война сионистов против человечества будет продолжаться.

А. П.: Несколько лет назад в Каире на берегу ночного Нила я сидел с представителями «Братьев-мусульман». Они уже практически пришли к власти. И я почувствовал их внутреннюю неуверенность, их незнание, что им сулит власть. Мне кажется, что они брали власть с дрожащими руками.

Проигрыш «Братьев-мусульман» в Египте, на мой взгляд, — это большая трагедия для всего исламского мира. Удивляет, почему у них не нашлось правильных советников и помощников, в частности, из Ирана. Ведь второй такой шанс «Братьям-мусульманам» и, может быть, всему исламскому миру, не представится. Здесь история сдела-

ла завиток и пошла как бы вспять. Почему они так бездарно проиграли?

М. А.: Этот вопрос надо, конечно, анализировать. Но сейчас в Египте правящая группа — тоже мусульмане. Какая разница между политикой «Братьев-мусульман» и нынешними руководителями? Те были просто более религиозными. В то время как египетский народ — не фанатичные мусульмане. Фанатизм определённых групп никогда не побеждает во всём обществе. А в Египте и христиане есть.

Победа «Братьев-мусульман» не была событием, которое поддержал весь народ Египта. Население Египта — 80 миллионов человек, в самом Каире более 16 миллионов. Некоторые из моих друзей видели всё своими глазами. На площади Тахрир было не более 250 тысяч человек, больше на эту площадь попросту не вмещается. И в то время, когда на площади Тахрир были шум и крики, остальное население жило своей спокойной жизнью. Если бы это было всенародное движение, тогда из 16 миллионов населения Каира как минимум 3–4 миллиона должны были собраться на площади.

У «Братьев-мусульман» были и тактические ошибки, в частности, у них не было точной информации — кто друг, а кто враг. Не было даже чёткой стратегии: они не знали, что надо делать. Не было ясного представления о своей стране и о положении в мире. Они очень поздно поняли, что надо исправить. И с самого начала «Братья-мусульмане» действовали противоречиво. Вы правильно сказали, что они дрожащими руками брали власть.

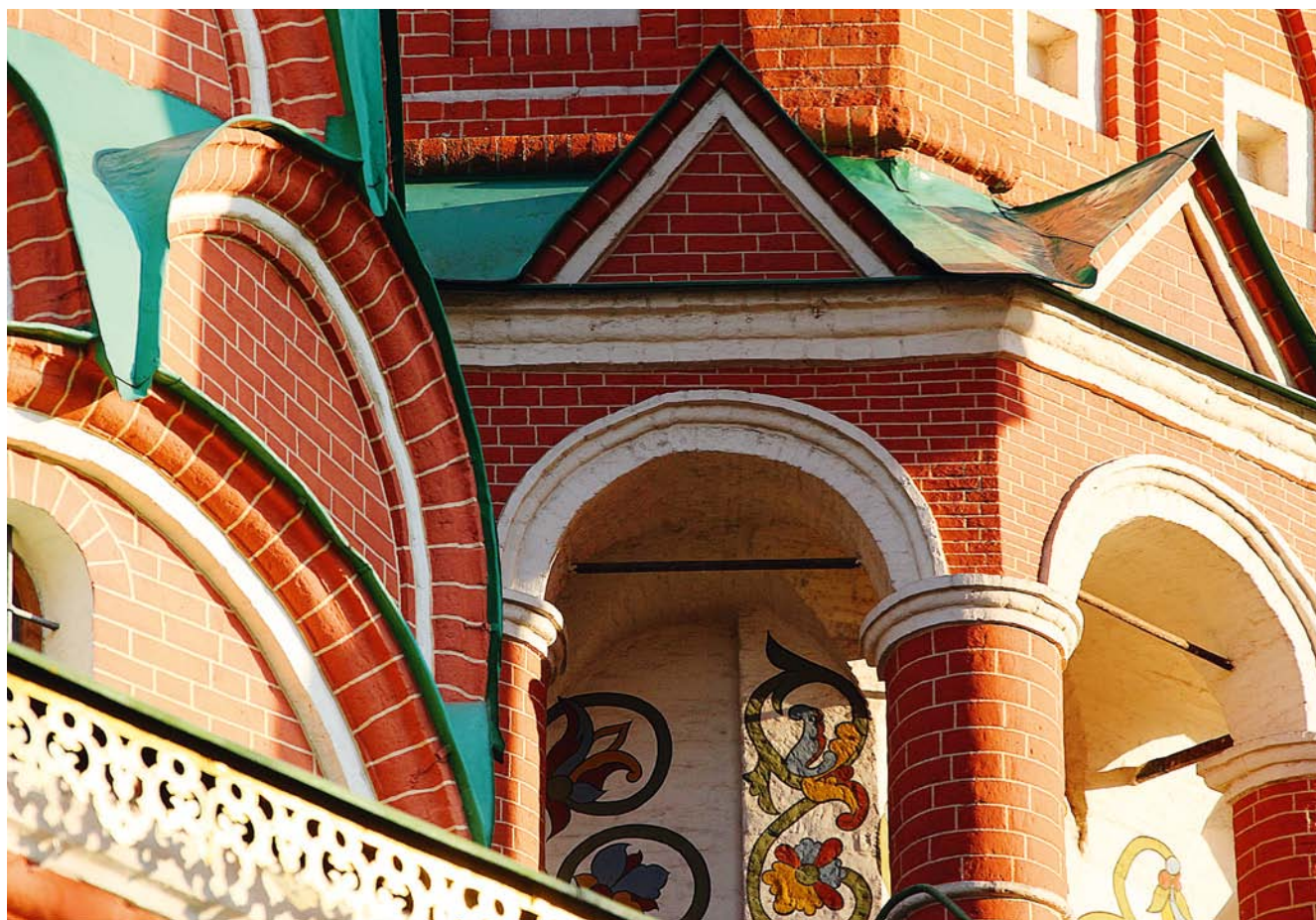
В Каире я долго говорил с господином Мурси. Он сказал: мы изменим тактику. Но было поздно: оппозиция уже собралась на площади. У военных в Египте очень сильные позиции, крепкие корни в египетском обществе, они популярны в народе. Так что без изменения мышления очень трудно проводить новую политику в Египте. Мы предполагали, что возможность военного переворота там вероятна. И я в Тегеране обратил внимание господина Мурси на это. Но всё-таки это произошло.

Мы не считаем, что это поражение мусульман, поражение ислама. Ни в коем случае! Потому что ислам не в этом заключается. Потерпела поражение определённая группа, к власти пришла другая.

Американцы способствовали и уходу Мубарака, и приходу Мурси. Звонит Мубараку Обама и говорит: «Уходи». А потом тот же Обама звонит и говорит: и Мурси должен уйти.

А. П.: Меня и многих близких мне людей тревожит возможность использования американцами уникальных технологий, связанных с «цветными революциями». Эти технологии ставят цели и достигают их, уничтожая режимы и государственные субъекты практически без применения оружия. С помощью этих дьявольских технологий был разрушен могущественный Советский Союз. С помощью этих технологий недавно совершён государственный переворот на Украине. Какая вероятность того, что американцы не используют эти технологии против Ирана? И есть ли у Ирана та политическая культура, которая позволила бы нейтрализовать эти дьявольские технологии?

М. А.: Американцы это сделают обязательно. С какой стати они не применяют то, что им выгодно и работает? Если они в состоянии нанести удар по Ирану, по России, по Китаю, по Индии, почему они воздержатся? Они считают нас препятствием, противниками, потому что не терпят никого, кроме самих себя, никакой силы не признают. Это дарвиновская мысль: чтобы существовать, надо уничтожать. Естественный отбор. Американцы как раз по такому принципу и действуют.

Что касается информационных технологий и соцсетей, мы никак не можем перекрыть им дорогу. Но как всё-таки противодействовать, как защищаться? Самая эффективная защита — это атака, нападение.

Мы должны совершенствовать свою цивилизацию, подниматься на ещё более высокий уровень. И мы этим сейчас занимаемся. Но в чём наш запас прочности, на что нам надо опираться? У нас только культурный, интеллектуальный запас. Только!

И если эффективно использовать благополучные факторы в каком-то сражении, сражение можно выиграть. Если неправильно использовать, возможен и крах, и поражение.

Во многом это зависит от руководства, от управления. Если руководитель своевременно действует, внимательно изучает вопросы и обдумывает, победа возможна. Если руководитель несвоевременно и необъективно оценивает свои сильные и слабые стороны, не обдумывает, не изучает, тогда возможно поражение.

Но если наши оппоненты захотят изменить международную политику Ирана и повернуть в другую сторону, они не смогут этого сделать. Сама история научила иранцев, каким образом противостоять мировому нападению, как выстоять.

Максимум, на что способны наши противники, — это изменение некоторых сторон внутренней политики Ирана. А на основы внешней политики Ирана они не смогут повлиять. К тому же иранский народ очень гибкий, приспосабливается к меняющимся обстоятельствам, степень маневрирования у него большая.

А. П.: Политика, что бы кто ни говорил, персонифицирована, политика несёт в себе черты первых лиц, осуществляющих эту политику. Политика Ирана за время ва-

шего правления была окрашена вашим темпераментом, вашими предпочтениями, вашей страстью и вашим мировоззрением. Вы общались с другими первыми лицами по разным направлениям. Были и психологические контакты: психологического противоборства или, наоборот, психологической конвергенции. А что такое современный европейский политик крупного масштаба? Что такое современный китайский политик? Русские политики? Какие психологические черты отличают их друг от друга?

М. А.: Может быть, ещё не пришло время истолковывать беседы с отдельными личностями. Но о чём-то можно сказать. Какой политик, какой руководитель может представлять культурное богатство и национальную власть своей страны? Тот, который исходит из народа и представляет народную волю. Но большинство руководителей имеют две основные проблемы. Во-первых, это сила управления и решимость в противостоянии трудностям. И второе — популярность среди народа. В Европе я практически никого не встречал, кто бы решил эти проблемы: вёл бы самостоятельную политику и был бы популярен именно среди людей.

Только Владимир Путин защищает российское, русское самосознание и может произвести коренные изменения. Он смог спасти Россию. Потому что Россия при прежнем руководителе была на стадии разрушения. Конечно, сыграло роль и то, что российский народ очень стойкий, волевой. Однако народ нуждается в человеке, который является представителем его воли.

В Европе такой личности нет. Политики там больше являются представителями денег, представителями соцсетей, кланов, партий. Но среди народа они не популярны. У них даже нет смелости общаться с простым народом.

В Соединённых Штатах Америки господин Обама на первом сроке своего президентства отчасти представлял народную волю. Народ действительно хотел изменений в обществе. Как «архитекторы» американской жизни пришли к решению выдвинуть господина Обаму — это другой вопрос. Но американский народ действительно хотел изменений и дал господину Обаме возможность их осуществить. Но тот не воспользовался этой возможностью — возможностью опираться на народную поддержку. А опирался на сионистское лобби, на сионистскую силу.

Скоро у него срок закончится. Но он не оставил исторической, долговечной памяти.

Опираясь на народную помощь, он мог бы системно изменять американское общество или хотя бы начать системную трансформацию. Но он сдал свои позиции. Он только дал палку в руки сионистов, чтобы они били других, говорили, что чернокожий президент не в состоянии управлять американским обществом. И сионисты, пока окончательно не дискредитируют, не сломят его, — не отстанут. Они извратили его принципы.

Какую роль играет Обама во всём мире сейчас и сама Америка — кто и что? Положительного следа Обама о себе в истории не оставляет. В то время как он мог бы обрести мировую репутацию.

Очень мало по-настоящему сильных политиков, поддерживаемых народом. В Латинской Америке некоторые руководители вышли из народа. Но чтобы повлиять на мировую ситуацию, привести к глобальным изменениям, они не имеют международного влияния. Сейчас в Венесуэле, Боливии, на Кубе, в Аргентине, Перу, Эквадоре хорошие руководители — они создали тесное сообщество. Но американское давление на них велико. И то, что они до сих пор действуют, — уже большое дело. Их деяния могут повлиять в будущем на международное положение. Это народные руководители, и они крепко стоят на ногах. Есть и в других государствах сильные руководители.

А. П.: Китай?

М. А.: У него отдельный счет, у Китая. Они стоят особняком. Управлять полуторамиллиардным населением — это великое дело. Совсем другой способ правления у них. И коллектив, который управляет Китаем, хорошо действует.

Неоднократно я говорил, если к нам будет проявлено уважение, если будет справедливое отношение, если признается наше право жить в нашей стране по нашим принципам, у нас никакого противоборства ни с кем не будет.

Если возвратиться к прошлому и подумать: нельзя ли было бы мудрее действовать, — конечно, можно было действовать и мудрее в некоторых вопросах. Я признаю некоторые свои просчёты. Но признание ошибок — это знак самосовершенствования человека. Если думать, что абсолютно всё делаешь правильно, не будет дальнейшего развития, прогресса.

В отношении Америки я считаю, что наши действия были правильными. А в отношении

наших восточных друзей — это обсуждаемый вопрос.

С приходом господина Обамы мы сказали, что, если наметятся коренные изменения в наших отношениях, мы только поприветствуем это. Если впервые за тридцать с лишним лет президент Ирана поздравил его, это хорошая возможность пойти на сближение. Но они не использовали эту возможность. А написать ему приветственное письмо — дорогого мне здесь стоило.

Но это была публичная дипломатия, разговор с американским обществом. Нам удалось склонить мнение американской публики на нашу сторону, удалось показать, что в американской политике народ никакой роли не играет и американская политика по отношению к Ирану — это неправильная политика. Мы вели откровенный разговор с отдельными группами Америки и сказали, что мы против политики американского правительства. Антиколонизаторская политика Ирана исходит из иранской истории. Естественно, борьба против непрерывной колониальной американской политики — это работа системная, она требует времени, это не разовое противостояние. Но надо сравнить, где мы находились 20 лет тому назад и где сейчас.

Однако связь между Ираном и другими государствами не говорит о том, что мы сторонники их действий, если те противозаконны. Мы взаимодействуем со многими европейскими государствами, но не поддерживаем их несправедливую политику.

Был большой шум в мире по поводу конференции по Холокосту. Но проведение такой конференции было инициативой народа, а не руководителей Ирана.

Американские евреи приезжают сюда, встречаются со мной, мы общаемся. Но понимать вопрос о Холокосте нужно. Ведь на основе Холокоста уже оккупирована Палестина. Многие европейские народы платят налоги, чтобы выплачивать ущерб. Происходят войны, кровопролитие, нападения. И чтобы урегулировать этот давний вопрос, надо изучать его корни. Эти вопросы нужно освещать, раскрыть колониаторскую политику, которая касается всего человечества.

Американцы устраивают провокации мирового масштаба. Возьмите «цветные революции», которые они проводят. Они создают сцену, разыгрывают на этой сцене комбинацию и эту комбинацию лжи распространяют по всему миру.

Но использовать Иран против других стран — особенно дружественных нам — они никогда не смогут. Народ не позволит этого.

К сожалению, в мире ощущается недостаток информации об Иране. Да и у России такая проблема существует. Но никто в современном мире не может сказать, что у него нет никаких проблем и он может спокойно спать. Для реализации правильных, благих инициатив нужно и правильное руководство. Но народ и правительство — как футбольная команда: один тренер делает команду чемпионом мира, а другой тренер может эту же команду привести к поражению. Но если у этой команды крепкая основа, она пройдет свой путь и останется на высоком уровне.

Идёт сражение. Сражение за обретение человеческого достоинства. Сражение за исправление, изменение мироустройства. Экономический порядок нужно реформировать. Опыт говорит, что это категория мечты, о которой стоит помечтать — и она исполнится. Американцы, например, никогда не отменят диктатуру доллара.

Однако если не прилагать усилия, успеха не будет. Надо, несмотря ни на что, стараться добиваться цели.

А. П.: Я хочу поблагодарить вас, господин президент, за удивительные встречи. Надеюсь на них и впредь. Я чувствую себя в долгу и воспользуюсь вашей откровенностью только на пользу Ирану и вам лично. Быть может, если не будет третьей мировой войны, мы встретимся летом в Москве. А если она будет, то чуть позже в Вашингтоне.

М. А.: Если будет третья мировая война, приезжайте в Иран, мы будем в вашем распоряжении.

А. П.: Я думаю, что вы уже и теперь в моём распоряжении.

М. А.: Дай бог, что никакой войны не будет. Дай бог, что американцы не пойдут на этот шаг, не изыщут возможностей для развязывания войны. А поскольку они всегда изнутри разрушают государства, вмешиваясь в их внутренние вопросы, нужно обращать внимание на внутреннюю ситуацию. Надо более серьёзно этим заниматься. Иначе видите, что на Украине произошло.

Но ваши мысли, ваше мышление, господин Проханов, не позволят, чтобы началась третья мировая война.

А. П.: Я с вами согласен, потому что интеллект и молитва сильнее автомата.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

А. П. Господин президент, я рад нашей новой встрече, очень благодарен вам за оказанную мне честь быть гостем в вашем доме.

М. А.: Вообще-то, господин Проханов, политических дебатов в домашних условиях мы никогда не ведём. Но мы очень сердечно относимся к вам, Александр Андреевич, считаем вас членом нашей семьи, поэтому решили встретиться в домашней обстановке.

А. П.: Мой семейный к вам вопрос, господин президент. Не кажется ли вам, что человек часто не слышит Господа Бога и потому ошибается. За это следует наказание. И народ иногда не слышит Господа Бога, народ тоже ошибается. Ведь народ очень наивен и непоследователен: то он обожает одного политика, которого зовут Ахмадинежад. То ему начинает нравиться другой политик. А Ахмадинежад, который всю жизнь положил на благо народа, оказывается несколько в стороне от него. Как вы относитесь к тому, что сначала народ вознёс вас, а потом вдруг почти отвернулся и стал поклоняться другим кумирам?

М. А.: В общих чертах то, что вы сказали о поведении народа, правильно. Но относительно моей персоны это не так. 8 лет я был президентом. По закону это максимальный срок пребывания на данном посту. Затем нужно избрать другого человека. А после вновь можно участвовать в выборах на пост президента.

Отношения между народом и мной и сейчас очень доверительны. Я свободно, в неформальной обстановке общаюсь с людьми на улицах. Буквально час назад возле нашего дома собрался народ, и мы около получаса разговаривали. Это не означает, что у меня нет никаких противников. Но их мало. А большинство хорошо ко мне относится.

Мировые политики в своей деятельности руководствуются логикой недостаточно высокого уровня. Мы в гордыне своей почти не замечаем роль Всевышнего в нашей жизни. А себе отводим значительную роль. Но величественнее, чем Всевышний, нет никого и ничего. Сам человек есть проявление божественной силы — необъятной и безграничной.

Мы уверены в том, что Всевышний управляет и помогает нам. Человечество движется по воле Господа. Это не означает, что люди не несут никакой ответственности за свои

действия, за своё решение вести себя правильно или неправильно. Люди проявляют свою волю: они принимают решения, действуют. Но человечество движется в сторону самосовершенствования под управлением Всевышнего.

А. П.: Правильно ли я вас понял, господин Ахмадинежад, что вы не оставляете мысли вновь баллотироваться в президенты? Именно так поступил Путин.

М. А.: Президентство — не основная цель для меня. Основное — это обязательства по отношению к обществу. Иногда выступления, в которых содержатся хорошие идеи, помогают прогрессу общества. А иногда молчание помогает этому. Иногда, когда вы у власти и у вас была определённая должность, полномочия, вы способствовали развитию общества. Иногда

больше помогаешь, когда просто даёшь советы. Самое главное — что ты сделал благого для человеческого существования: для самого себя и для других. Если это дало положительный результат, значит, человек выполнил свою задачу, оправдал народное доверие. Но избрание на этот пост зависит от желания народа. Тот, кто становится руководителем вопреки воле народа, не добивается успеха. Желание народа — это знак желания божественного. Порой, как в данном случае, божественная воля обнаруживается через народную волю. И не было случая, чтобы целый народ поддерживал злые дела, неверные назначения. Зло способно разъединять людей. А когда народ объединяется, это единение всегда направлено на положительные деяния. Это божественная воля. И она воплощается через людей.

Я полагаю, господин Проханов, нам с вами нужно провести обстоятельный диалог — часов на пять, — что такое Всевышний, что такое общество, что такое человечество. Я уверен, что у вас есть по этому поводу глубокие тезисы и мы могли бы обменяться мнениями.

А. П.: Вы извели то, что неведомо ни мне, ни моим друзьям. Вы вкусили верховную

власть — переживали уникальное чувство, которое редко даётся людям. Сама субстанция власти очень загадочна. А вы владеете этими переживаниями. Что такое власть для вас? Это наслаждение? Это бремя? Это возможность изменять мир?

М. А.: Слово «власть» в разных языках и разных литературах истолковывается по-разному. Я никогда не чувствовал, что я — властитель. Никогда. Всегда чувствовал, что на меня возложена ответственность, что я должен нести эту ответственность. У каждого человека два долга: один — перед самим собой: человек обязан самосовершенствоваться. Но чтобы дойти до самосовершенствования, надо служить народу. Потому второй долг — служить другим. Если человек старается служить воцарению справедливости — это возвышенная цель и в отношении себя, и в отношении других людей. Президентство, обретение власти — всего лишь краткая, ограниченная временем возможность достигать этих целей. А само по себе обладание должностями никакой ценности не имеет. Мы все — должники. Мы в долгу у своей человечности, а также в долгу у общественной человечности. Мы ещё многого не сделали из того, что в наших силах. Я ни-

когда не получал удовольствия, не испытывал наслаждения только лишь от того, что 8 лет был президентом. Но на этом посту у меня была возможность исправлять мировые взаимоотношения на благо человечества, на благо народов. Это не значит, что я дерзал в одиночку что-то исправить. У меня была цель — призывать других, вдохновлять и убеждать их и сообща исправлять. Потому что изменения происходят только при участии народа.

А. П.: А бывали в вашей политической практике мгновения, когда возникал какой-то тупик, когда вы чувствовали, что всё сходится в непробиваемую тёмную точку? И когда ваши личные усилия были недостаточны, когда вы чувствовали свою слабость и растерянность, небеса приходили на помощь? Были ли в вашей политической жизни моменты Откровения?

М. А.: Бывали трудные времена, но я никогда не чувствовал, что мы попали в тупик. Никакого тупика мы не видели. В последнем интервью на посту президента я сказал о том, что не было ни одной минуты, когда бы мы не знали, что надо делать дальше. Но другой вопрос: что вы хотите делать и для кого?

И откровение мы должны чувствовать не только в определённом временном отрезке, в те или иные жизненные моменты. Потому что откровение — оно постоянно, оно всегда с нами. Всё зависит от того, насколько мы испытываем это откровение, ощущаем его. Это как солнце. Когда мы стоим под лучами солнца, то чувствуем его тепло. Но если оказываемся в тени, тепла нет. Божественное откровение, связь между Богом и человеком — это постоянная связь.

Если вы обращаетесь за помощью к Богу ради воцарения справедливости, никогда не будет неудачи. Ибо Всевышний обещал, что в такие моменты поможет и направит. Это не значит, что Всевышний напрямую говорит: делай то-то и то-то. Но он направляет на правильный путь, даёт интеллектуальную силу человеку. А когда ты уверен, что Бог помогает, никакого отчаяния нет.

Но повторяю: мы должны знать, для каких целей работаем. И в любом случае мы должны действовать без личной выгоды. Личной выгоды здесь не должно быть никакой. Это касается и материальной выгоды, и обладания властью, и поиска публичности. Некоторые наслаждаются популярностью. Некоторые работают на приумножение своего богатства.

Если вы обращаетесь за помощью к Богу ради воцарения справедливости, никогда не будет неудачи. Ибо Всевышний обещал, что в такие моменты поможет и направит. Это не значит, что Всевышний напрямую говорит: делай то-то и то-то. Но он направляет на правильный путь, даёт интеллектуальную силу человеку. А когда ты уверен, что Бог помогает, никакого отчаяния нет.

А кто-то действует в рамках требований своей партии.

Если же люди прилагают усилия для реализации справедливости, значит, они во имя Всевышнего работают: с божественным наставлением и с божественной помощью. И потому мы никогда не чувствовали, что попали в тупик.

Но надо учесть, что и сатана делает своё дело. Возможно, сатана уже мобилизует злые силы, чтобы помешать вашим начинаниям. В таких случаях вы должны принимать более мудрые решения для реализации целей.

Допустим, страна окружена врагами и командир хочет прорвать кольцо. Тогда он должен идти на самопожертвование, на верную гибель. Это очень достойный выбор. И благородная цель. Так что надо исходить из того, какова цель. Если деятельность ведётся ради совершенствования общества, это отвечает историческим задачам человечества.

А. П.: Сатана, о котором вы говорите, то есть враг (а мы знаем, кто — большой сатана), он исследует, изучает иранское общество, знает Иран. Он ищет, куда нанести удар. Он думает, что, если Иран состоит из персидской части и азербайджанской, можно нанести удар в этот стык. Или он видит, что, может быть, теократическое государство Иран сталкивается с теми или иными светскими противоречиями и на этой почве возникает конфликт между духовным управлением страной и светскими тенденциями. Или он видит огромные богатства одних и бедность других. И на этом может сыграть.

Как вы расцениваете опасность того, что враг нанесет удары в уязвимые точки вашего общества? И как вы готовы противодействовать этим ударам?

М. А.: Естественно, враг делает своё дело, он бьёт во все уязвимые точки. Слабые стороны,

которые дьявол использует, — это зависть, это желание быть властителем, конфронтация между различными слоями общества... И конечно, никогда никакой политик не говорит: я завидую, я люблю власть, мне нравится быть у всех на виду... Политики говорят другие слова — те, которые нравятся людям. И тот, кто хочет работать во имя Всевышнего, должен быть предельно внимательным, осторожным, мобильным, очень точным, проницательным. Его решения должны быть мудрыми. Он должен видеть на километры, до горизонта и далее, чтобы заметить место нахождения врага. Нужно, чтобы он угадал долгосрочные планы противников — на 50, на 100 лет. Хотя человек и не проживает такую длинную жизнь.

И тот момент надо учесть, что эта борьба — историческая схватка. Это борьба между интеллектуалами, которые стремятся к самосовершенствованию, и дьявольскими силами. И борьба не заканчивается, потому что и дьявол, сатана тоже наносит удары. Схватка продолжается.

Побеждает тот, кто более дальновиден, более решителен, более умно справляется с задачами. Я уверенно хочу сказать, что в этой схватке мы побеждаем. Это, однако, не значит, что у сатаны не припасено интриги и он никакого удара не нанесёт. Но победителем становится тот, у кого бóльшая стойкость. Именно потому мы не обеспокоены будущим.

Есть также люди и группы, которые покидают арену борьбы и теряют свою репутацию. Поэтому им не суждено сыграть положительную роль в исторической битве.

Я говорил, что в мире происходит всеобщее пробуждение. И каждый политик должен исследовать течение событий: к чему мы приходим, к чему должны идти. Исследовать мышление, идеи, тенденции. И каково общее стремление — в каком направлении двигаться, каков вектор мировых взаимоотношений? Если можешь правильно ориентироваться в этих целях, угадывать и понимать направления, то успех гарантирован.

Нестойкие, слабые выходят из игры. Много случаев, когда люди, призванные играть роль в истории, никакого следа не оставили. А те, которые продолжали идти к цели, остаются в сердцах людей.

А. П.: Есть понятия — «герой короткой воли» и «герой длинной воли».

М. А.: Да, вы верно уловили мысль. А есть люди, которые в том и другом сражениях силь-

ны и выходят победителями. Но это зависит от исторической воли. Некоторые влияют на всю историю — это пророки, исторические герои. Но никакой пророк (кроме Соломона и Давида) в своё время не стал героем. Остальные, казалось, терпели поражение. Тем не менее пророки, которые даже потерпели поражение, влияют на общество и до настоящего времени. Они — герои человеческой истории.

Ситуация в мире меняется с высокой скоростью. Если мы будем рисовать кривые — для наглядности, — отражая действия и движения Америки, то увидим, что уже происходит обратная тенденция — снижение. Американская линия — кривая на схеме — уже идёт на спад. Ещё в 70-х годах многие государства гордились тем, что они являются последователями и сторонниками Соединённых Штатов. А сейчас и самые близкие друзья Америки ищут дружбы с другими странами. Сегодня уже если ты — сторонник американской политики, то это не знак доблести, гордиться здесь нечем. Сейчас уже противостояние Америке — знак доблести. Но американская администрация не имеет правильной аналитической оценки американского общества.

И основной их аргумент, который призван убедить всех, — это оружие. Да, было время, когда люди тратили много денег и времени, желая стать американцами. А сегодня Америка вынуждена распространять свой гегемонизм только палками и оружием, по-другому не получается. Но когда любая цивилизация ставит себя в центр всего и не хочет ни с кем считаться, то неизбежно прибегает к оружию для самосохранения.

А если посмотрим на мировые тенденции, то увидим, что всем народам больше импонирует противопоставлять себя Америке, её действиям, чем поддерживать американскую идею, американский вектор. Ещё 30–40 лет назад такого взгляда на Америку и такой её оценки народами мира не было.

Знаете, у нас, если у человека румяное лицо, говорят, что ему очень хорошо живётся. Потому что у нищего, у большого человека лицо бледное. И есть поговорка: чтобы ввести в заблуждение других, будто человек здоров и счастлив, он сам себе дает пощечину, бьёт по щекам. Так и Америка: вынуждена сама себя бить по щекам, чтобы мы думали, будто у неё все хорошо.

Я в Америке выступил с речью и сказал, что если в США будут проводиться действительно свободные выборы, партии, между

которыми и идёт основная борьба, никогда не победят. Можно провести опрос людей, и результат будет доказательством этого.

Там уже жёсткое, а не народное, управление. Две партии. А в действительности — это одна партия. Те, которые изображают из себя действующих политиков, они — никто. Управляют скрытые капиталисты. Все об этом знают. Но у народа выбора нет. И во многих странах такое положение или такая тенденция.

Я был в Швейцарии. Это благополучная европейская страна. Народ там больше удовлетворён работой властей, чем другие народы Европы. Корреспондент телевидения Швейцарии брал интервью у меня и сказал: швейцарский народ не поддерживает вас, вашу позицию, потому что вы выступаете против сионистского режима и против гегемонизма.

Я спросил: «Неужели? Думаю, всё наоборот. Ваш народ поддерживает меня. Если не верите, давайте с вашей камерой будем ходить по улицам и спрашивать людей, их мнение». Он не согласился. Я был готов, он — нет. Я не боялся узнать мнение людей, а он — боялся, хотя говорил от имени народа. На тот момент я всего два часа как пребывал в Швейцарии, но мои слова подтвердились в тот же день в гостинице.

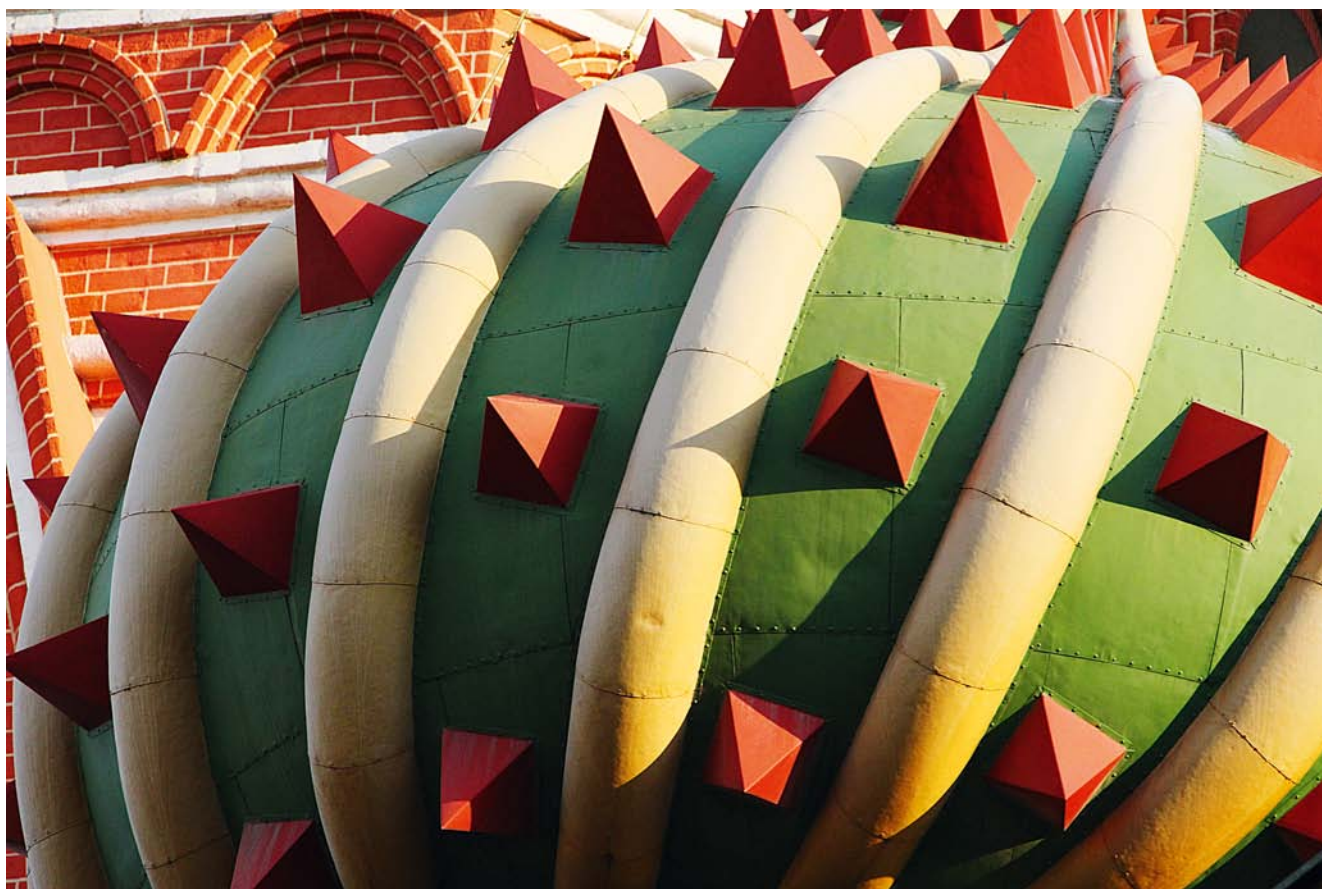
У нас была встреча с иранскими гражданами. Зал был переполнен, и не только иранцами. Были швейцарские граждане, они сами приехали, без приглашения, и говорили: «Мы — за вас, мы — на вашей стороне!» И после встречи охрана с трудом нас провела сквозь толпу. Есть снимки: люди обступили нас, хотят с нами общаться, выражая свою поддержку.

Мы должны доверять людям и спрашивать у них, а не говорить от их имени, попросту выдавая своё мнение за позицию народа.

Я уверен, что европейские народы, как и мы, ищут справедливости. Но они тоже — заложники: заложники прессы, заложники капитала. Так что власть — не в руках народа Европы. А попросту те, кто наверху, договариваются между собой, а те, кто внизу, подчиняются, потому что у них нет другого выхода.

И надо содействовать освобождению европейских народов, потому что большинство европейских руководителей совершают насилие над своими народами. Экономическая ситуация тяжела, у людей нет работы, зачастую им нечего есть, они голодны. Тем не менее платят налоги, и эти деньги попадают в карманы сионистов.

Хочу задать вопрос: каким образом народ должен выступить и выразить своё недоволь-

ство? Что должны делать народы Греции, Испании, Италии? Если бы был заведён журнал, где недовольные ситуацией люди могли бы оставлять записи, то мы бы увидели, что большинство выступает против действий и решений своих правительств. Нужны патриоты во власти, которые любят свой народ. Таких руководителей в Европе мало — не больше, чем пальцев на одной руке. В мире, конечно, побольше. Мы уже говорили с вами о некоторых. Есть свободолюбивые руководители, но экономическая и политическая мировая система давит их. А народам — всем народам — надо доверять таким руководителям и уважать их.

Нет сомнений, что спасение России, выход её из затруднительной ситуации происходит потому, что народ доверяет лидеру. Россия была на спаде, был риск краха, серьёзных конфликтов. Правильной власти надо доверять.

С этим взглядом можно подходить и к противникам. Иногда можно любить и противника. Порой человек вынужден вести борьбу с ним, потому сражается в надежде переориентировать противника, который заблуждался, и повести его в правильном направлении. Это не борьба ради личной выгоды. Это сражение человечности против дьявола.

Обо всём этом говорит и русская литература, и иранская литература — от древних времён и до нынешних дней. Это есть во всех произведениях культуры, направленных на гуманизм.

Посмотрите, к чему идёт мир. Я не предсказатель. Не могу предвидеть всё. Но на основе изучения тенденций могу дать свою оценку: меньше чем через 10 лет вся геополитическая ситуация преобразится. Поскольку американская гегемония разрушится, расклад сил изменится. Это не значит, что независимость государств будет утеряна. Но те правительства, которые продолжают своё существование с помощью Америки, рухнут. Некоторые гораздо раньше. Мы видим, какие события происходят. Доллар тоже находится в поле этого же уравнения, расклада сил.

И мы должны ускорить этот процесс. Мы — это все те люди, которые недовольны несправедливой мировой системой. Это те люди, которые хотят создать более человеческое, справедливое общество. А перед ними барьер — Соединённые Штаты Америки. Америка должна убрать прочь свои руки, которые лезут в карманы других стран, и жить в своём доме, за свой счёт.

А. П.: Президент Путин на протяжении своей карьеры несколько раз говорил, кем он является для России. В самом начале он говорил: я не вождь, я не лидер, я — менеджер, которого пригласил народ, чтобы управлять государством в отведённый для этого срок. Этим он ничем не отличался от традиционных европейских лидеров. В конце своего второго срока он как-то почти пожаловался, сказав: моя работа и моя роль напоминает раба на галерах. Видимо, он очень устал, и это вырвалось, как стон. А в прошлом году на одной пресс-конференции я спросил его: «Владимир Владимирович, а что такое для вас Россия? Каков проект «Россия», который вы носите в себе?» И он воскликнул: «Россия — это не проект! Это судьба!» Он отождествил себя с судьбой России. И тогда мне показалось, что возник новый Путин. И народ, почувствовав нового Путина, отождествил себя с президентом.

А что для вас Иран? Иран для вашей судьбы, вашей персоны, для вашего рождения и вашей смерти.

М. А.: Иран — всё. Не географический Иран, не политический Иран, не территория Ирана. А это мысли Ирана, иранская человечность, справедливость Ирана, братство Ирана и Иран, который противостоит гегемонизму и насилию. Иран для меня — там, где есть любой народ, который ищет справедливости. И потому Иран — это весь мир.

А. П.: Грандиозная мысль, потрясающая религиозная философия Ирана.

М. А.: Настоящие люди по-другому и не мыслят. И вы тоже так считаете. Нет примера, чтобы какой-нибудь народ старался отделиться от других, изолироваться и при этом обрёл бы счастье. Потому что счастье — это судьба всего человечества. И мы все сообща должны обрести это счастье. Все. А если кто-нибудь отделяет себя от других и говорит, что счастлив, это не счастье. Чтобы обрести счастье, надо быть всем вместе.

А. П. Значит, всё земное человечество в своём совершенствовании в конечном итоге соединяется и сходится в раю?

М. А.: Безусловно.

А. П.: И в этом смысле Иран — это рай?

М. А.: Мы любим Иран именно за эти особенности, а не за территорию, которая является иранской землёй. Как мы любим и другие

народы. Мы не можем не любить их. Возможно ли, чтобы люди не любили других людей? А политические границы — это не человеческие проекты и установки, а управленческие. В самом человечестве нет границ. И в человеке тоже никакой границы нет.

А. П.: Русские философы и богословы говорят: есть Россия земная, и есть Россия небесная. И есть Иран земной и Иран небесный. И Иран небесный полностью совпадает с Россией небесной. Может быть, это понимание и является залогом земного сближения России и Ирана?

М. А.: Конечно.

А. П.: Может быть, нас будут сближать не нефтяные потребности, не железные дороги и самолётные трассы, не поставки С-300 или иранской нефти в Россию, а сближать будут представления о всемирности наших божественных целей?

М. А.: Да. Никакого единства, никакого единения без этого не будет. Потому что земные блага ссорят людей, приводят к разобщению. И наша задача: земные идеалы возвысить до небесных. И это будет способствовать объединению наших сил. Если каждый ищет лишь свою выгоду, никакого единства не будет.

А когда наши идеалы возвышенны, тогда и наступает справедливость, равновесие и равенство в мире. Когда никто не будет обманывать другого, чтобы получить больше выгоды. Справедливость. Справедливость всеохватная, когда все получают благо. Когда никто не лезет в чужие карманы. Надо уважать права и достоинство каждого.

А. П.: Хотелось бы встретиться с вами, дорогой Ахмадинежад, в раю и продолжить нашу беседу.

М. А.: Дай бог. Нет никакого сомнения, что наши небесные сердца — это отражениерая. Видите, как мы дружески беседуем. Нет никакого ощущения, что один обманывает другого, лукавит, что он неискренен. Мы доверяем друг другу, между нами взаимное уважение. Рай — только на небесах. Здесь — отражениерая. Наши идеалы, о которых мы говорим, это Олимп, вершина горы, наш ориентир.

А. П.: Вы — счастливый отец?

М. А.: Да, спасибо. Когда ты — счастливый отец, это Божья милость. Божья милость всем: и мне, и вам, и другим. Всевышний всех любит.

Суфийский путь К СПРАВЕДЛИВОСТИ

Авторский доклад Изборскому клубу

Справедливость имеет два важнейших смысловых компонента. Прежде всего, это высшее должностование, причём, безусловно, — высшее по сравнению именно с данной конкретной ситуацией. Например, оценивая результат сложной борьбы двух неоднозначных сил, мы говорим: «Это — справедливо!», имея в виду, что именно так и должно было произойти в соответствии с неким высшим принципом. Если же в этот момент нас спросят: «А в чём же заключается высший смысл справедливости?» — то, скорее всего, ответа, блестящего и ясного по своей убедительности, не получится.

Но справедливость — это и точное исполнение закона или законов. Мы говорим «это справедливый приговор», имея в виду, что такое решение соответствует духу и букве определённых законов. Речь не идёт о безукоризненности самих этих законов. На первый план выступает жёсткое требование римского права: независимо от того, хорош или плох закон, в любом случае он должен выполняться.

При этом вполне конкретный субъект определяет, чаще интуитивно, наличие или отсутствие такого высшего должностования. И он же, этот человек, оценивает — адекватно или ошибаясь — соответствие некоего действия, некоего поступка определённому закону.

НЕ СПРАШИВАЙТЕ «КТО!»

Отсюда вытекают два принципиальных вопроса. Во-первых, кто это или что это за субъект, который иногда способен принимать справедливые решения, но порой может вообще забыть о духе справедливости в бурных пнистых жизненных стремнинах?

Но гораздо важнее то, как этот потенциальный субъект будет определять меру справедливости по отношению к самому себе. Может ли он и каким образом проявлять справедливость к самому себе? Ведь только действительно правильно используя справедливость и как основополагающий ценностной критерий, и как цель по отношению к самому себе, только в этом случае он может претендовать на то, чтобы быть действительно справедливым по отношению к другим.

Во всех великих религиях и духовных культурах одним из ключевых требований к своим последователям, выраженным прямо или косвенно, является принцип «познай самого себя!». Причём это не столько этическое или психологическое требование. Императив

«познай самого себя!» — важнейший компонент и веры, и знания, поскольку в себе имманентно содержит важнейший постулат бытия и мышления: «Только абсолютная реальность — всегда едина!»

Но ведь на самом деле ни один мудрец в человеческой истории так и не осмелился честно сказать: «Я сделал это! Я познал самого себя!» Скорее приходили к совершенно другому выводу: «Это невозможно!» или «Я знаю, что я ничего не знаю, вот последняя правда, открытая мной».

Итак, оказывается, что познать самого себя невозможно. Абсолютно. Это действительно весьма нетривиальное противоречие. С одной стороны, нескончаемый призыв из глубин тысячелетий «познай самого себя!», а с другой — абсолютная невозможность сделать это.

Вот здесь начинается надличностная мистика справедливости.

Но вернёмся пока к субъекту, человеку, точнее даже только к одному из его аспектов — телесному организму, обыкновенному физическому телу.

Утверждают, что это существо состоит из огромного количества молекул: 278 умноженных на 10 в 23-й степени. При этом каждая молекула обладает своим специфическим сознанием. Но как сопрягается сознание каждой молекулы и сознание всей этой невообразимой совокупности молекул с тем «сознанием человека», каким он сам себя считает, воспринимает?

При этом «сознание» есть именно «сознание», то есть «знание, которое взаимодействует, сопрягается» с кем-то или с чем-то.

Далее рациональная наука подсчитала, что обычный восьмидесяти- или семидесятикилограммовый человеческий организм состоит от 50 до 80, по оценкам различных методик, триллионов клеток. В цифрах это будет выглядеть так: от 50 000 000 000 000 до 80 000 000 000 000 клеток.

Опять-таки каждая клетка обладает собственным индивидуальным сознанием. И вновь тот же интересный вопрос: а как соотносится сознание клетки данного субъекта и всё сознание именно этого человеческого организма? А они каким-то образом соотносятся, и не только соотносятся... Ведь сознание — это «со-знание». При этом вглядываться в эту незаметную клетку необходимо без всякого намека на высокомерие! Каждая данная клетка неким образом «знает» об этом «своём целостном человеческом организме».

На основе такой информации по одной такой клетке можно, в принципе, клонировать, восстановить физический облик этого человека даже через миллионы лет.

С другой стороны, вот он, «человек, который (якобы) звучит гордо», и пятьдесят триллионов его потенциальных копий внутри него, о которых он не имеет никаких представлений! Возможно, ему даже пришлось держать в руках когда-то учебник цитологии, но он же не чувствует, не ощущает, не слышит, не знает ничего конкретного именно о своих собственных пятидесяти или восьмидесяти триллионах сознающих клеток. И он совершенно не думает о справедливости по отношению к ним!

Клетки, неким образом, в соответствии с некоей программой, объединяясь, формируют определённые органы или части тела, каждая из которых так же обладает неким своим уникальным типом сознания.

Далее оказывается, что вот этот восьмидесятикилограммовый субъект вмещает также примерно 90 триллионов бактерий общим весом примерно два килограмма. И каждая такая бактерия — каждая! — также имеет своё неповторимое со-знание! А как здесь со справедливостью!

А можно ведь спуститься ещё глубже, в страшную бездну микрокосма, и обнаружить в человеке неисчислимое количество атомов, электронов, протонов. Рациональная наука утверждает, что взрослый человек состоит из 7 октиллионов атомов. Плюс в нём скрывается неисчислимое количество атомов, электронов, протонов, которые также имеют свои специфические формы со-знания. Во всяком случае, количество гипотез с соответствующими доказательствами растёт.

А ещё глубже — уровень элементарных частиц, здесь вопрос по поводу их количества в человеческом организме вообще становится бессмысленным. Тем не менее один из самых революционных выводов квантовой теории (что предсказывалось, кстати, ещё Лениным) заключается в том, что каждая квантовая частица имеет нечто, «подобное сознанию». А может быть, и то, что выше человеческого сознания, поскольку каждая такая частица связана со всей Вселенной.

Следовательно, вся эта физическая, в принципе исчисляемая реальность есть нечто Живое, поскольку обладает «со-знанием». Причём такое «со-знание» есть принципиально иное по сравнению с человеческим, которое

в контексте хотя бы квантовой механики уже вряд ли можно считать высшим и эталонным.

...Да здравствуют глупые вопросы! Искренняя спонтанная глупость всегда содержит в себе революционный потенциал действия — «иди туда, не знаю куда; принеси то, не знаю что!». Потому-то Иванушка-дурачок — это всё ещё не раскрытый образ истинного революционера!

Итак, вот он на первый взгляд глупейший вопрос: а из чего же в основном состоит этот обыкновенный человеческий организм? Да, там есть элементарные частицы, атомы, электроны, протоны, клетки, молекулы, бактерии и т.д. И, наверное, ещё масса чего.

Но оказывается, что человеческое тело прежде всего пусто; в нём господствует таинственная, мистическая Пустота. На уровне элементарных частиц доминирует пустота. Атомы (так же как электроны и протоны) существуют в грандиозной межатомной пустоте. Клетки объединяет межклеточная пустота...

Причём эта пустота не просто синоним безвещного пространства, она не есть некое иное пространство, она не пространственна в принципе...

Спиралевидная ДНК клетки была открыта сравнительно недавно — в начале 50-х годов XX века. И в тот период умные биологи были твёрдо уверены, что именно в этом компоненте клетки спрятана программа будущего развития организма. В 90-е годы разразилась новая сенсация: оказалось, что на 95 процентов ДНК пуста, а остальные пять процентов содержат некую программу только белкового развития организма. Естественно, по-прежнему всё это непонятно, но одна из наиболее красивых версий заключается в том, что на самом деле ДНК представляет собой специфическую антенну, особый локатор для ориентировки в этой странной «пустоте». Причём именно из этой «пустоты», через эту антенну неким образом воспринимается порциями программа развития всего целостного организма.

Каждую секунду в человеческом организме происходит от 120 до 150 тысяч различных химических, биохимических, биологических процессов. А я уже не говорю о мириадах процессов на более глубоких уровнях. Но как эффективно, как гармонично, как справедливо управляются кем-то эти мириады!

Итак, даже по отношению к «человеческому телу», оказывается, ничего нельзя сказать более или менее определённого, поскольку этот организм представляет собой колоссаль-

ную суперсложность. И конечно, сам по себе, отделённый от всего остального, он никакой не субъект.

Но ведь помимо тела человек есть и нечто духовное. Например, у него есть душа, которая неким образом способна управлять биологическим организмом. Но вот здесь также возникает любопытный парадокс! С одной стороны, тело, которое представляет собой сплошную, тотальную процессуальность, имеет имя собственное — Иван Иванович Иванов или Хаджи Мурат. С другой же стороны, душа, как нечто гораздо более интимное и уникальное, своего имени не имеет. Точнее говоря, никто не задает себе суперпровокационный вопрос: «А как же зовут мою неповторимую душу, которая по идее-то важнее моего же временного тела?»

Суфии знают ответ на этот вопрос. Физическая и химико-биологическая сверхсложность материального организма человека — это всего лишь вершина айсберга по сравнению с его духовной, будем так называть, сложностью. Например, только так называемая душа, своего рода нижний компонент духовной сущности, имеет в суфизме как минимум три оболочки, три феноменальных проявления,

осознание которых требует определённого уровня безупречного личностного сакрального совершенства.

Вот эта постоянно усложняющаяся процессуальная сложность человеческого субъекта делает абсолютно невозможным гуманистический принцип «познай самого себя!». А следовательно, повисает в Пустоте требование справедливости к самому себе как основе справедливости вообще.

«ЭТО СЛАДКАЯ, СТРАННАЯ, СКРЫТАЯ РЕАЛЬНОСТЬ!»

В суфизме нет никакого макрокосма и микрокосма. Точнее, нет никакой абсолютной разделённости на макрокосм и микрокосм. Есть одна только Реальность. И в этой суфийской реальности сознание (или вся палитра возможных форм сознания) совершенно неотделимо от бытия, неотделимо от феноменального. То есть суфийская реальность представляет собой единство т. н. субъективного и т. н. объективного.

Меня, тебя, нас окружает известное. Это известное определил и постоянно определяю я сам, ты, мы, они сквозь призму собственной

культуры, внутри которой мы находимся, а точнее, сквозь призму устойчивых культурных шаблонов, пленниками которых являемся. Эти культурные стереотипы воспринимаются мной, тобой, нами как мои (твои, наши) личностные убеждения, к которым привыкли и которые неотделимы от моей (твоей, наших) подсознательных формул самоидентификации. Мне (как и тебе, и нам) нужен некий комфорт повторяемости в своём существовании: моя личностная жизнь может быть личностной и именно моей только в известном и предсказуемом мире. Я в этом убежден. И ты тоже. И мы тоже. И они тоже. На этой недоказуемой убеждённости строится обычный, повторяемый сколько угодно сложный социум.

Окружающий мир предсказуем именно потому, что я вижу его некую повторяемость. Хотя, может, и не вижу, но меня так убедили. И тебя тоже. И нас тоже.

И я себя считаю (а ты — себя) частью этой предсказуемости и повторяемости. Я убеждён в этом. Как и ты.

Вот этот предсказуемый, повторяющийся мир суфии называют Известное, которое как-то странно расположено в этой физической трёхмерной действительности. Мои психологические эмоциональные феномены и особенности я привык воспринимать как части, элементы физического бытия. Во-первых, она, эта действительность, прекрасно, как мне кажется (нам, им), известна, ибо многократно повторялась и повторяется. А во-вторых, поскольку мое привычное «я», как мне кажется, уже привыкло к такой повторяемости. Или его заставили это сделать. Что, впрочем, одно и то же.

Итак, известное есть, прежде всего, привычное, повторяемое, предсказуемое и комфортное для сложившейся системы моих убеждений.

...Представим, что мир Известного — как известного мне, моей референтной группе, обществу, культуре, человечеству, — есть шестиэтажный дом. В многочисленных комнатах и комнатках, закоулках, подвальных помещениях, мансардах и чердаках этого дома хра-

няться бесконечные книги, папки, программы с надписью «Известное».

Но этот дом — Известное — расположен и находится на планете, которая называется Неизвестное. Фактически он окружён и пронизан со всех сторон ошеломляющей действительностью Неизвестного. Это чудовищный парадокс (для меня и для тебя)! Как часто я говорю не задумываясь: «Это — известно, а это — неизвестно», словно они сопоставимы. Но в действительности Известное не противостоит и не способно противостоять миру Неизвестного. Хотя бы из-за разницы в масштабах.

Каждая вещь, каждый человек, каждый компонент человека есть одновременно и компонент Известного, и Неизвестного. Вот это исключительно важно, подчёркивает живой суфизм.

Например, каждую секунду мой телесный организм в совокупности получает около 400 млрд бит информации. Но каждую секунду мой мозг сознательно воспринимает всего лишь две тысячи бит. Две тысячи бит информации есть Известное. Четыреста миллиардов (без этих двух тысяч) — есть Неизвестное. Но поток один и тот же. А кто ж управляет таким огромным массивом информации — 400 000 000 000 бит информации?

Мое биологическое тело состоит из триллионов клеток. Каждая клетка обладает своим индивидуальным сознанием и имеет огромное множество рецепторов. Мое тело, как я вижу его в зеркале и насколько я знаю из курса анатомии, это Известное. Триллионы каким-то образом взаимодействующих сознаний клеток тела есть Неизвестное.

Человек пронизан 84 тысячами энергетических каналов. Это Неизвестное. Но именно эти энергетические каналы обеспечивают функционирование человеческого организму, так как он воспринимается в нашем культурном пространстве — в мире Известного.

Любая вещь, любой человек есть результат воздействия, работы Неизвестного, той действительности, которую мы не знаем, но неотъемлемой частью которой являемся.

Миры элементарных частиц, атомов, клеток, молекул, океана, Земли, галактик, «чёрных дыр», Вселенной — это Неизвестное.

Отсюда следует крайне важное следствие. События, феномены, явления и всё остальное, с чем мы сталкивались, сталкиваемся и будем сталкиваться в этой трёхмерной физической реальности, имеют некое смысловое содержание, которое вытекает из их принадлежности

Две тысячи бит информации есть Известное. Четыреста миллиардов (без этих двух тысяч) — есть Неизвестное. Но поток один и тот же. А кто ж управляет таким огромным массивом информации — 400 000 000 000 бит информации?

к миру Известного. Но у них есть и второй, гораздо более объёмный, важный и скрытый смысл, связанный с тем, что все эти знакомые нам процессы и явления — одновременно и неотъемлемая часть мира Неизвестного.

Если предположить, что человечество будет существовать неограниченное количество времени, например, миллиарды лет (хотя это даже теоретически невозможно, но тем не менее...), то Известное, конечно, возрастет, и возрастет существенно. Это будет, например, уже не шестизэтажный дом, а целый микрорайон или даже городок таких ярких домиков, объединяемых иллюминацией Известное.

Но даже и в таком оптимистическом случае Неизвестное по-прежнему останется сумрачной, странной планетой Неизвестности, а Известное будет непонимающе и испуганно прятаться в своих уютных домиках и микрорайонах.

...Ты чувствуешь Неизвестное, которое окружает тебя? Ты вдыхаешь Неизвестное, которое повсюду? Ты отдаёшь ему дань величайшего уважения своей смиренностью или тупо ведёшь себя как горделивый пуп чего-то ещё более пупистого? Ты преклоняешься перед Неизвестным? И ты знаешь, как это делать? А может, ты любишь Неизвестное? А Оно тебя любит или презирает?.. Но мир Известного и мир Неизвестного, в свою очередь, насквозь пронизан, пропитан миром Тайны.

Мир Тайны (сирр) — это бесконечная совокупность принципиально иных миров, например, миров различных измерений: четырёхмерного, пятимерного, шестимерного и т.д. И мир Сирра кардинально отличается от миров Известного и Неизвестного.

Но почему мир Тайны просто не назвать продолжением мира Неизвестного?

Мир Неизвестного, в принципе, может быть выражен через грамматические структуры трёхмерного языка, иногда, правда, с большим трудом. Но мир Тайны требует принципиально других типов ощущений и чувств, других форм мышления и сознания, а соответственно и других языков выражения.

Далее, мир Неизвестного для нас всё равно остаётся некоей повторяемой действительностью. (Хотя это, может, и не так, но люди привыкли так считать.) Именно поэтому действительность Неизвестного — это то, что вмещается или способно вместиться в наши модели и картины мира, это то, что в принципе верифицируемо, то, что может быть смоделировано.

Мир Тайны — нечто совершенно иное: здесь каждый момент настолько уникален, что продолжительная во времени картина действительности просто невозможна. Хотя бы потому, что время в человеческом понимании здесь отсутствует: каждый миг действительности мира Тайны неповторим. То же самое, кстати, присутствует и в мирах Известного и Неизвестного. Но там есть время и пространство как ключевые предпосылки мышления людей (как доказывал это великий и во многом непонятый Иммануил Кант), а потому и возникает иллюзия устойчивости, повторяемости и т. д.

Наконец, между мирами Известного и Неизвестного нет границы, поскольку Известное часть реальности Неизвестного. Но между миром Тайны и миром Неизвестного существует странная пограничная полоса, странная и страшная граница, действительно драматический переход.

Прорыв к началу осознания мира Тайны требует революционного разрыва системы известных рациональных парадигм, радикального выхода из дихотомий «есть — нет», «объективное — субъективное», «материя — сознание», «знаю — не знаю».

Мышление, сознание, выстроенное на принципе «знаю — не знаю», действует только в мирах Известного и Неизвестного. Потому здесь и присутствует трагический, как считают суфии, разрыв между «знаю» и «есть». На этом уровне «знание» не есть «бытие».

Реальность Тайны требует принципиально другого типа сознания, где переживание, осознание феномена «я знаю» одновременно означает «я есть». Но точнее здесь даже ещё более сложная формула — «я знаю» — «знаю» — «есть» — «я есть».

Но может быть и другой вдохновляющий образ, который используют некоторые суфийские мастера. «Я есть тайна и законно занимаю своё место в мире Тайны. Я есть тайна, в которой заключены мириады других тайн, каждая из которых тоже «я». Я как тайна есть отражение света, есть свет, есть путь света».

Если Известное — это шестизэтажный аккуратный домик, Неизвестное по масштабам подобно планете Земля, то мир Тайны по своим грандиозным масштабам представляет собой условный шар, охватывающий всю галактику.

Опять-таки мир или реальность Тайны нельзя представлять как «где-то», как нечто, отчуждённое от миров Известного и Неизвестного. Мир Тайны он «здесь и сейчас», он каждый момент пропитывает Известное и Неизвестное, постоянно воздействует на миры Известного и Неизвестного, непрерывно включая в себя и Известное, и Неизвестное как некие неотъемлемые аспекты, как некие обязательные компоненты себя.

Следовательно, все феномены и явления, с которыми человек может встретиться в своей земной жизни, несут в себе, помимо потаённого смысла, смыслового содержания, связанного с мирами Известного и Неизвестного, ещё и ту суть, которую мы образно называем миром Тайны.

Но есть ещё мир Скрытого (Хафи), то, что есть нечто, что иное даже по отношению к реальности Тайны.

Мир Хафи есть та, ещё более высокая реальность, о которой физический человек, оставаясь существом материального мира, способен только догадываться, что такая Реальность возможна. И больше ничего.

Если мир Известного условно сравним с отдельным домом, мир Неизвестного подобен нашей планете, мир Тайны охватывает шар, сопоставимый с нашей галактикой, то мир Хафи — это условный шар, вмещающий всю мегагалактику, всю Вселенную.

Реальность Хафи как система более высокого порядка опять-таки не только включает в себя миры Известного, Неизвестного и Тайны, но и каждый миг пронизывает их. И не только пронизывает их, но и управляет ими.

Но классический суфизм исходит из того, что даже реальность Хафи отнюдь не охватывает Всё, весь Абсолют. Есть такие уровни Иного, о которых человек, оставаясь именно земным существом, никак и ничего не может ни сказать, ни помыслить, ни ощутить, ни вообразить. Великий суфийский шейх Джалалетдин Руми и одновременно один из лучших поэтов в истории человечества указывает на это следующими строками: «В Коране семь смыслов. Один — открыт верующим, другой — святым, третий — Пророку, четвёртый — Богу. Но есть ещё три уровня!»

РАСКРЫВАЮЩИЙСЯ В БЕЗМОЛВИИ БУТОН

Единственная действительная точка бытия для суфийского мастера, где в неразрывное одно сливается и так называемое субъективное, и так называемое объективное, — это миг, момент, «здесь и сейчас». Эта та максимально креативная точка, где соединено Известное, Неизвестное, Тайна, Хафи и Иное и где всегда начинается мистический путь.

В человеке воплощены и отражаются миры Известного, Неизвестного, Тайны, Скрытого, Иного. Но можно и сказать, что человек состоит из Известного, Неизвестного, Тайны, Хафи и Иного.

...Только суфийский мастер знает, почему во время азана именно четыре раза, а не три, пять или семь, провозглашается «Аллаху Акбар!» — «Бог превыше всего!».

Сама формула «Аллаху Акбар!» есть выражение высшей метафизической, креативной формулы страха перед Всевышним как воплощением этой грандиозной, всеохватной, но каждый момент креативной сложности. Страх не животного, не физиологического, не парализующего, а магического и вдохнов-

ляющего в этой величественной, таинственной, неповторимой Реальности.

«Аллаху Акбар!» — Всевышний всегда выше обыденной, профанической действительности, выше привычных, банальных, повторяемых обликов, стереотипов и образов физического мира. Всевышний всегда выше мира Известного!

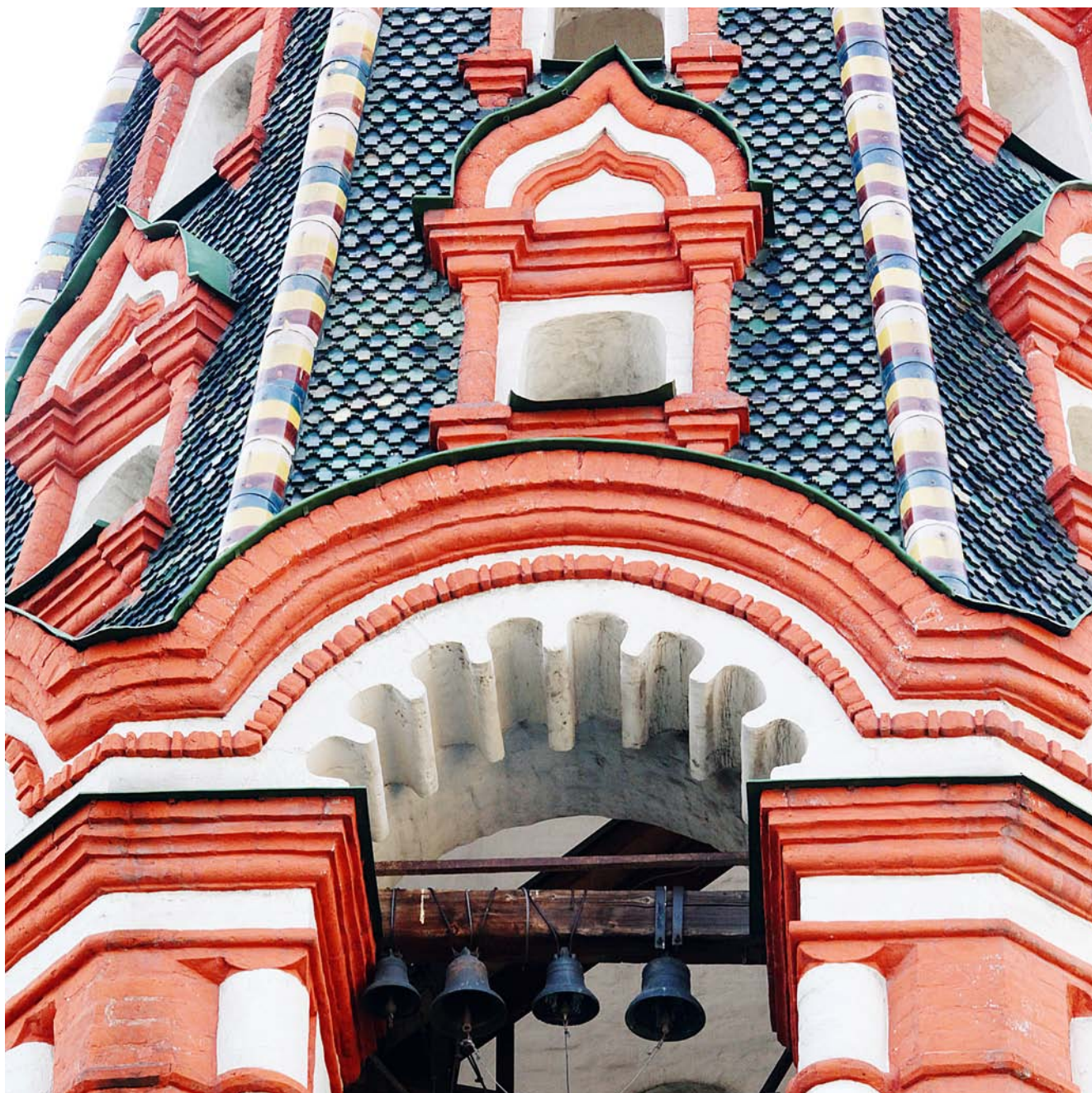
«Аллаху Акбар!» — Всевышний всегда выше мира Неизвестного. Мир Неизвестного, как и мир Известного, — от Всевышнего. И потому всё в этой реальности Неизвестного есть отражение Его творческой воли, мощи и силы, которые каждый момент творят, объедают и пронизывают мир Неизвестного.

«Аллаху Акбар!» — Всевышний превыше и мира Тайны, который всегда навсегда остаётся Тайной для земного человека. Но и мир Тайны — от Всемогущего, который этот мир, как и мир Неизвестного, постоянно, каждый миг творит, воспроизводит именно как живую реальность.

«Аллаху Акбар!» — Всевышний превыше даже мира Хафи, о котором мы ничего не можем сказать, кроме того, что он также от Всемогущего.

Таким образом, четырёхкратное провозглашение «Аллаху Акбар!» в начале азана как каж-

додневного пятикратного призыва к намазу через восстановление, культивирование и развитие постоянного взаимодействия, диалога внутри сознания верующего со Всевышним имеет для суфия несколько взаимосвязанных глубинных смысловых пластов осознания. Потому что ему необходимо «вспомнить», «осознать», «вновь пережить», «знать» те собственные сущности более высокого порядка, которые в своей целостности соответствуют единству, целостности единственной, живой Реальности. Но как?

...И вновь только намекает суфийский шейх и великий поэт Санаи: «Сам по себе человек

не может познать Аллаха. Его субстанция познаётся посредством Его самого».

Для суфия важнейший аспект личного смысла справедливости — достигнуть способности ощутить, осознать «требование мига, требование момента». Прорваться к такому мигу означает внезапно преодолеть ограничения, бремя профанического времени, неожиданно достигнуть «вечного Настоящего». Но это и выход за границы обыденного пространства, достижение надпространственной Пустоты, где только и возможно мистическое превращение суфия в магического субъекта этой Реальности.

Один из важнейших постулатов суфизма заключается в том, что Всевышний каждый миг заново воссоздает всю Реальность. Поэтому действительный суфий обязан, прежде всего, воспринимать, ощущать и переживать окружающие миры, осознавать их как непрерывное, постоянно продолжающееся сакральное творчество.

Всевышний не только создал всё, но и продолжает создавать это безграничное Всё в «бесконечном Настоящем»!

Это центральное «требование момента» включает в себя необходимость участия суфия в со-творении, развитии Реальности. Именно как ключевая личностная реакция на «требование момента», суфий не только должен осознавать себя неотъемлемой частью Всего, всей этой мистической Реальности, компонентом Большой Работы, но и посредством своей воли обязан культивировать такое осознание.

Вот тогда, в рамках этого «требования момента», способен появиться или, точнее, проявиться действительный субъект *р*, истинное «я», которое неотделимо от Него. «Я», которое в первую очередь не субстанционально, а процессуально. Такое «Я» возникает и совершенствуется как единственная эффективная реакция на «требование момента».

Поскольку для суфия Реальность — это всегда живая единая реальность, а не иллюзия, не майя, не сон и не сновидение, то в каждом «требовании мига» он обязан уловить, приоткрыть, как бы увидеть и ощутить некую свою и только свою уникальную задачу, которую он должен выполнить именно «здесь и сейчас». Причём такая задача не параноидальная выдумка, не галлюцинация отчуждённой, изолированной личности, а нечто существующее, динамичное, максимально пластичное, всплывающее каждый миг для данного человека в контексте всей этой реальности. Именно на это указывают суфию слова Корана: «Воистину, в сотворении небес и земли, в смене ночи и дня, в сотворении корабля, который плавает по морю с товарами полезными, в дожде, который посылает Господь с неба, а потом оживляет влагою землю иссохшую и расселяет на ней животных всяческих, в смене ветров, в облаках, покорных воле Аллаха, между небом и землёй плывущих, — во всём этом знамения для людей разумеющих» (2:164).

Смысловая точка личностной жизни заключается в необходимости найти, осознать эту свою неповторимую цель, связанную именно

с этим моментом Реальности, и с предельной ответственностью и тщательностью реализовать ее. Пророк Мухаммад говорил: «В сердце каждого человека лежит один, свой путь к Всевышнему». Саади с глубочайшей сокровенностью писал: «Каждая душа сотворена для определённой цели, и свет этой цели горит в душе». Джелалетдин Руми твёрдо и бескомпромиссно требовал: «Ты пришёл в этот мир ради определённой задачи, и в этом состоит твоё назначение. Если ты его не выполнишь, ты не сделал ничего».

Суфии считают, что душа человека знала эту цель до того, как облачилась в нечто, именуемое человеческой личиной. Память об этой цели стирается в момент рождения, поэтому новорождённые часто плачут именно от боли такой утраты. Не случайно ведь одно из значений арабского слова «инсан» (человек) — забывший.

Но ошибиться на пути поиска своей жизненной задачи опасно. Цель, которую Всевышний назначает человеческому духу и которая творчески проявляется в каждом миге «именно здесь», — это не та одномерная цель, которую может сформулировать себе телесный человек в этом трёхмерном жизненном пространстве. Суфизм исходит из того, что сакральная цель внутреннего человека — это не что-то жёстко запрограммированное, а нечто очень пластичное, креативное, живое, раскрывающееся постепенно и проявляющееся в каждом моменте по-своему.

Истинный суфий жив именно для того, что составляет конечную ценность данного момента времени в данном месте. И в каждый такой миг он обязан осознанно посвящать себя требованиям именно этого момента, «требованиям неповторимого мига». Это и есть высшая форма справедливости по отношению к самому себе. Одновременно это некий фокус, призма восприятия абсолютной справедливости.

Что необходимо, прежде всего, чтобы ощутить и почувствовать «требование мига»? Важнейшая предпосылка для точного восприятия и эффективной реакции на «требование момента» — иметь способность «быть осознающим», иметь потенциал осознания.

Но что означает эта «способность осознать»?

Великий суфийский шейх Баязид Бистами часто говорил своим мюридам: «Будьте осознающими!»

— Но что есть осознанность? — спрашивали они.

Одно из 99 Священных имён Аллаха — Аделъ (Справедливый). То есть справедливость есть важнейший атрибут Всевышнего. Поэтому в применении к человеку можно сказать: «Как только ты начал искать Справедливость, ты уже нашел Его. Как только ты пришёл к выводу, что нашёл Справедливость, ты Его потерял!» Быть справедливым для суфия — это уметь объединять, соединять, интегрировать «внутреннее» и «внешнее» для максимально эффективного выполнения своего долга.

Однажды он повёл их на реку, которая текла в глубоком и узком ущелье, между скалистыми берегами которой был перекинут узкий, качающийся мостик.

— Чтобы понять, что такое осознанность, вам придётся перейти по этому мосту на ту сторону, — сказал Бистами.

Когда они подошли вплотную к мостику и увидели, что он очень узкий и шаткий, ученики в страхе воскликнули:

— Но это очень опасно, мост такой узкий, что туда помещается только стопа.

Шейх ответил:

— Но ведь этого вполне достаточно! Вы же можете пройти по полоске, шириной в стопу, по земле. Почему бы не пройти по такой полоске, висящей над пропастью?

Несколько человек попытались, но, испугавшись, вернулись назад. Тогда старый Баязид сам пошёл по мосту. Некоторые мюриды последовали за ним. Достигнув другой стороны ущелья, те, кто следовал за ним, упали на колени, возблагодарили Всевышнего и воскликнули:

— О, величайший шейх, теперь мы знаем, что такое осознанность. Опасность была так велика, что мы не могли позволить себе быть рассеянными, не сконцентрированными. Обстоятельства заставили каждый миг быть бдительными, осознающими.

Бистами преподавал здесь три важных урока.

Во-первых, быть осознающим означает быть каждый момент внимательным и бдительным. Каждый миг несёт в себе свои собственные вызовы и возможности именно для тебя. Пропустив их, ты пропускаешь их навсегда.

Во-вторых, быть осознающим предполагает превращение в неотъемлемый компонент всей окружающей живой Реальности: ты одновременно становишься этой речкой в глубоком ущелье, шатающимся мостиком, парящим в небесах орлом, камнем, который срывается в пропасть...

В-третьих, внезапно почувствовать, вдохнуть, ощутить Его живое, родное присутствие — это и есть быть осознающим.

Такое осознание не нуждается в какой-либо внешней верификации — оно само по себе предельно ясно и самоочевидно. Например, осознание красоты молнии нельзя обосновать т. н. «объективными, рациональными данными». Спонтанная красота молнии просто выше всех таких искусственных попыток и непоправимо тускнеет, гибнет под гнетом обыденных слов.

Принцип осознания, в конечном счёте, требует, чтобы суфии на опасном и вдохновляющем жизненном пути испытаний при каждом шаге ощущал, ведёт ли его этот шаг от Всевышнего или к Всевышнему.

Ключевое смысловое «требование момента» кроется в начале осознанного поиска. Поскольку каждый миг абсолютно креативен, то и императив креативности должен доминировать в поиске и выявлении «требования момента».

Важнейшее указание для суфиев здесь скрыто в шахаде (символ веры в исламе): осознанное озвучивание формулы: «Нет божества, кроме Бога!» В мире Известного люди постоянно создают и воспроизводят огромное количество различных божеств: деньги, слава, различные образы прошлого и будущего, политическая власть, еда, культурные ценности, собственные книги, искусство, стили и вещи и т. д. и т. п. Наиболее частым критерием такого обожествления является время, которое, в конечном счёте, тратится на это обмысливание, культивирование, жертвоприношения собственному «божеству». Если этим божеством, например, становятся деньги, то прозелит должен большую часть своего жизненного времени — прямо или осознанно — думать об этом божестве, рассчитывать, как увеличить и сохранить деньги, размышлять над тем, чем он может пожертвовать ради них и т. д.

Постоянный, непрерывный, осознанный поиск Бога среди легиона божеств — это и есть главная предпосылка внутреннего развития суфия. Пророк Мухаммад говорил: «Тот, кто найдёт истинное значение этих слов (нет божества, кроме Бога!), тому будет уготован

рай!» В нашей реальности глубочайший тайный смысл скрыт именно в сущности процесса.

В данном случае важно то, что шахада «Нет божества, кроме Бога!» — это указание на необходимость непрерывного, но осознанного поиска Абсолютного Бога. Отсюда и вытекает знаменитый суфийский принцип: «Как только ты начал искать Его, ты уже нашел Его. Как только ты посчитал, что нашел Его, то ты потерял Его».

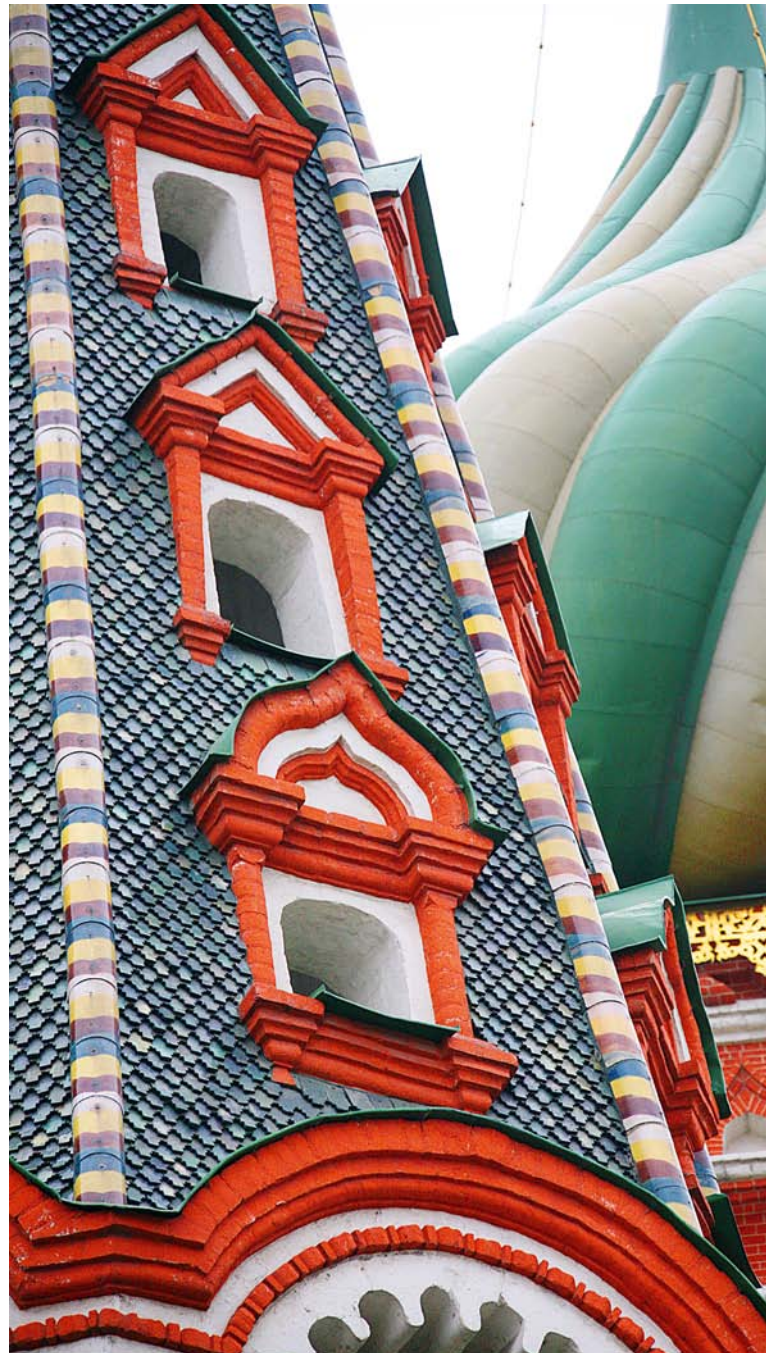
Одно из 99 Священных имён Аллаха — Адель (Справедливый). То есть справедливость есть важнейший атрибут Всевышнего. Поэтому в применении к человеку можно сказать: «Как только ты начал искать Справедливость, ты уже нашел Его. Как только ты пришел к выводу, что нашёл Справедливость, ты Его потерял»!

Быть справедливым для суфия — это уметь объединять, соединять, интегрировать «внутреннее» и «внешнее» для максимально эффективного выполнения своего долга, для реализации своей неповторимой, единственной цели. А потому потерять способность осознавать требования «именно данного момента и в данном месте» — такой же фатальный риск и драматическая угроза для суфия, как для других «быть проклятым» или расстаться с жизнью.

«УЧИТЬСЯ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ТОМУ, КАК УЧИТЬСЯ!»

Итак, для суфия «знать требование момента» означает действительно быть в этом миге, стать частью этого момента, оказаться вплетённым, сопряжённым со сверхсложной, пластичной реальностью. Это очень точно выразил шах Идрис: «Главное не то, что вы знаете, но то, когда вы это знаете; не то, как много вы знаете, а то, как вы пользуетесь этим знанием; не то, что вы думаете, будто знаете, а то, что вы знаете на самом деле».

Таинственное знание-бытие — вот что способно соединить тебя с Ним в точке «требования момента», здесь и сейчас. Поэтому в суфизме знание не является и не может являться суммой как угодно большого объёма дискретной информации о частных вещах. Знание — это гармоническая целостность восприятия этой вот конкретной реальности в неразрывной связи с познанием Всевышнего, Который одновременно через это знание пристально вглядывается в твою способность безупречно выполнить своё жизненное предназначение.

Для суфия знание есть целостная система открытых и скрытых, но всегда взаимосвязанных смыслов, посредством которых, явным или загадочным образом, и оказывается возможным постоянный поток указаний и знамений Всевышнего, которые суфийские шейхи называли «достоверным знанием».

Далее, для суфия знание — это не столько то, что он получает и чем обладает, сколько то, что и как он применяет. Полученное суфием знание как конкретная проявленность «сознания» включает в себя категорическую необходимость его использования для вы-

полнения личностного долга, эффективной реализации личностной работы для достижения справедливости как гармонии реальности. Одновременно выполнение этого личностного долга, реализация этой неповторимой, глубоко индивидуальной задачи является компонентом некоего более высокого Плана.

Соответственно, знание, целенаправленно полученное данным суфием, сохраняет тайную связь со всем бытием. И если это знание не используется ради выполнения определённой задачи, которая в любом случае должна быть решена, то тогда могут последовать самые драматические и непредсказуемые последствия. Посланник Аллаха часто говорил: «Человек не станет знающим, пока он не будет применять свои знания на практике». Ещё более жёстко и однозначно он высказался в другом хадисе: «В День Страшного Суда самому суро-

вому наказанию будет подвергнут знающий, который не воспользовался своим знанием».

А потому и продолжают суфийские мастера настойчиво предупреждать из странного прошлого, скрывающегося в настоящем: «Вы должны использовать своё знание, в противном случае оно будет использовано против вас».

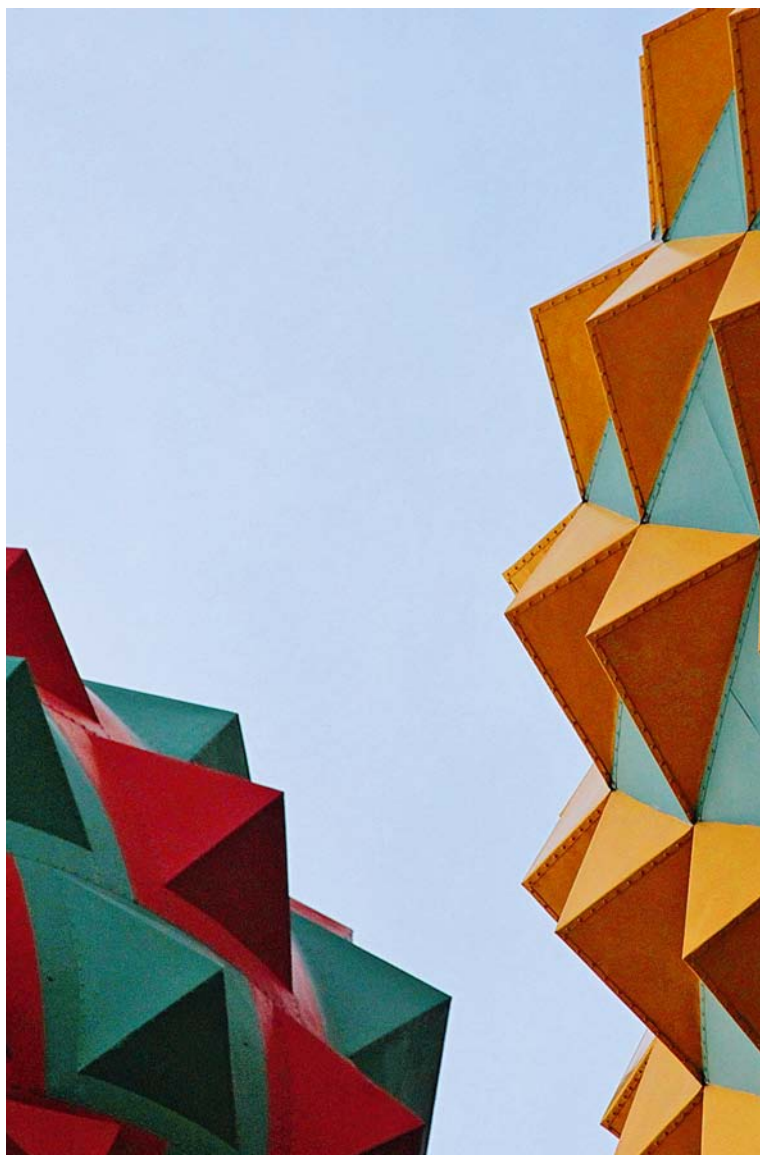
Если же есть сомнения, колебания по поводу того, как использовать знание, если не вполне ясны и понятны «требования данного момента», тогда суфий использует это знание для поиска сути справедливости именно «здесь и сейчас».

Ещё раз повторю, что для суфия знание и бытие никак не отчуждены и не могут противостоять друг другу. В определённых ситуациях знание (как со-знание) и есть реальность, а бытие есть знание. В классическом арабском языке, который представляет собой наиболее математизированный язык в мире, слова «знание» и «мир» именно как бытие являются однокоренными.

Великие шейхи суфизма выделяют три вида познания: познание чего-то; получение знания от чего-то; познание чего-то, находясь внутри этого. Именно в этом последнем случае «знать» и «быть» становятся не просто взаимосвязанными, но и практически неотделимыми друг от друга.

Соответственно действительное знание не отчуждено от суфия, поскольку оно есть часть его личной силы, часть его конечного жизненного смысла, вне зависимости от того, понимают ли это окружающие или нет. И эта личная сила проявляется, прежде всего, в его способности быть смиренным, терпеливым, предельно внимательным и бдительным к динамической, очень часто парадоксальной драматургии той ситуации, в которую он вовлечен именно «здесь и сейчас».

«Познание чего-то, находясь внутри этого» кардинально трансформирует суфия. Такая духовная трансформация — результат «самого достоверного знания», которое идёт от Всевышнего. В суфизме личностное самопознание возможно только в одном случае, когда оно связано, переплетено, неотделимо с познанием Всевышнего. Коран предупреждает: «Не уподобляйтесь тем, кто забыл Аллаха и кого Он заставил забыть самого себя» (59:19). То есть, забывая Бога, человек неминуемо драматическим образом забывает, предаёт и самого себя, свою личность, свою неповторимость, свой уникальный смысл индивидуальной жизни, превращаясь в бешеного, заводного буратино.

Действительный драматизм заключается в том, что суфий только как земное существо объективно не способен познать Всевышнего, который — это величайшая истина! — и одновременно абсолютно трансцендентен, и в то же время абсолютно имманентен человеку. Суфизм считает, что такое познание Всевышнего возможно только в одном-единственном случае, когда сам Бог предоставляет такую возможность, когда сам Всемогущий даёт «самое достоверное знание». Когда же Он даёт такое знание? Только тогда, когда через со-знание этого человека разворачивается самосознание Бога.

Поэтому высший опыт и знание становятся доступными для подготовленного человека в точном соответствии с тем, чего он стоит с его духовными способностями и насколько он это заслужил. Знание ничего не даёт суфию до тех пор, пока он не отдаст всё Знанию. Суфийские шейхи предупреждают: «Никто и ничто не сможет встать между вами и знанием, если вы соответствуете знанию. Но любой человек и любая вещь могут заслонить его от вас, если вы не подходите знанию».

Только тогда, когда в процессе развёртывания со-знания вскрываются всё новые и новые аспекты единства скрытого и явленного, только тогда практический результат может претендовать на статус действительного «знания». Поскольку Всемогущий каждый миг креативен, то только креативное воображение способно вести к знанию.

Тысячу лет тому назад великий Шаб-Парак говорил: «О человек! Если бы ты только знал, как много ложных вымыслов воображения были ближе к Истине, чем тщательные заключения осторожных». С этим перекликаются слова Нильса Бора, сказанные уже в первой половине XX века, в начальный период определения квантовых контуров действительности: «Ваши идеи недостаточно безумны, чтобы выразить реальность».

Непоколебимое стремление к знанию, воля к знанию есть признак не только действительно-го знания, но и неотъемлемый компонент Веры.

Однажды некий молодой человек пришёл к известному суфийскому шейху и спросил его:

— Что мне сделать, чтобы стать знающим?

Тот ничего не сказал. Несколько дней подряд юноша упорно ходил за Мастером, настойчиво повторяя свой вопрос.

Наконец шейх жестом пригласил его следовать за ним. Он привёл молодого человека к глубокой реке, схватил его за плечи и с не-

ожиданной для его возраста силой погрузил в воду, невзирая на отчаянные попытки юноши вырваться.

Наконец Мастер освободил его и, когда юноша отдышался и пришел в себя, спросил:

— Когда ты был под водой, чего ты желал больше всего?

Без каких-либо колебаний тот ответил:

— Воздуха! Воздуха! Я хотел только воздуха!

— А не предпочел бы ты, взамен воздуха, — богатства, удовольствий, славы, любви, могущества, власти? — допытывался шейх.

— Нет, я жаждал только воздуха и думал только о воздухе, — последовал немедленный и искренний ответ.

— Чтобы стать поистине Знающим, — сказал Мастер, — ты должен так же сильно желать знания, как только что жаждал воздуха. Ты должен бороться за знание каждый миг, отказываясь от всех прочих удовольствий и наслаждений. Знание, и днем и ночью, должно быть единственной целью твоего устремления. Вот тогда, возможно, Он изберёт тебя.

А потом он добавил: «Мудрость начинается тогда, когда осознаёшь, что должен учиться всему, чему можешь научиться ради какой-то цели, даже если пока не знаешь ценности этой цели».

Знание требует воли, и без знания невозможна вера. Суфий в принципе не может сказать так, как сказал Тертуллиан: «Верую, даже если это абсурдно».

Одного суфийского мастера спросили: «Видишь ли ты Аллаха, когда поклоняешься Ему?» Тот ответил: «Я не поклоняюсь тому, кого не вижу». Его спросили: «Каким образом ты видишь Его?» Он ответил: «Сердцем. Его не познать чувствами. Он несравним с людьми. Его можно познать через Его знамения, о Его качествах мы узнаём по знакам. Аллах не посылает на Землю ничего такого, что не могло бы послужить уроком для Его рабов».

Суфий чаще всего начинает учить с того, что демонстрирует «здесь и сейчас», насколько креативно и пластично «требование момента», насколько требуемое действие отвечает скрытым критериям справедливости. И именно это становится непреодолимым барьером для людей, для человечества.

Некий дервиш подошел к группе людей, которые, ухватившись за верёвку, тянули из реки крокодила. Поскольку пресмыкающееся было ещё живо и могло на берегу кого-либо убить, знающий перерезал натянутую веревку. Эти люди его схватили и избивали, выкрикивая:

«Смотрите, разоделся суфием! Лицемер! Настоящие суфии делают только добро!».

Через некоторое время этот же суфий по-встречался с группой дервишей, полагавших, что именно с помощью действия они достигнут «сущности». Он же им сказал, что их «сущность» могла бы проявиться с помощью недеяния. Они его не поняли, им это не понравилось, и тогда его прогнали.

Затем он же попал туда, где мюриды занимались созерцанием. Суфий увидел, что им необходима деятельность, и тогда он сказал: «Сущность» проявляется через действие. Они последовали его указанию, пока один из них не навел своего друга, после чего, возвратившись, объявил всем: «Этот человек — обманщик и отступник. Прежде он учил, что «сущность» проявляется через недеяние», за что и был изгнан. Теперь он проповедует противоположный принцип». Так и эти люди выгнали знающего.

Он нашел ещё одну группу людей и сказал им: «Сущность» иногда проявляется в результате действия, а иногда в результате недеяния». Ему ответили: «Если бы вы просто призывали нас к действию, когда действие необходимо, мы бы так и делали. И если бы вы удерживали нас от действия, когда необходимо недеяние, мы бы так и поступали. В действительности же вы только запутываете нас и мешаєте сосредоточиться на чём-то одном. Давайте нам по одному правилу на каждый случай». Пришлось ему расстаться и с ними, чтобы вновь продолжать Путь в молчаливом одиночестве.

Эта обучающая суфийская притча говорит о трёх важнейших вещах, непосредственно связанных с восприятием и работой с принципом справедливости.

Во-первых, действительное знание всегда привязано к данной конкретной ситуации в данный конкретный момент. Поэтому и справедливость никогда не бывает абстрактной, она всегда предельно конкретна, привязана к «здесь и сейчас».

Великий суфийский шейх аль-Газали приводит в этой связи следующий рассказ. Пророк Муса (Моисей) во время разговора с Господом на горе Синай попросил Его: «О, Господи, покажи мне Твою Справедливость и Твоё Правосудие». И сказал ему Всевышний: «О, Муса, даже ты — серьёзный и отважный человек, — даже ты не сможешь стерпеть». Он ответил: «С Твоей помощью я смогу». Всевышний сказал: «Пойди к такому-то роднику, спрячься напро-

тив него и смотри...» Муса пошёл, поднялся на холм и спрятался там.

Вдруг появился всадник, спустился с коня, совершил омовение водой из родника и напился из него. Затем он достал из-за пояса кошелек, в котором была тысяча динаров, и, положив его рядом с собой, совершил намаз. Потом сел на коня и, забыв кошелек, уехал. После него пришёл мальчик, попил воды, взял кошелек и ушёл. Потом пришёл слепой старик, утолил свою жажду, совершил омовение и начал молитву. Тут всадник вспомнил о кошельке и вернулся к роднику, где увидел слепого старика и потребовал: «Я забыл здесь кошелек, в котором была тысяча золотых динаров, и никто, кроме тебя, сюда не приходил». Старик ответил: «Я слеп, как я мог видеть твой кошелек?» Всадник рассердился, обнажил меч и, ударив им, убил старика, но не нашел свой кошелек и ушёл восвояси.

И сказал Муса: «Господи, нет больше сил терпеть, и Ты, Справедливейший, объясни мне, что здесь происходит?» Спустился ангел Джибрил (Гавриил) и поведал: «Создатель говорит тебе: «Я ведаю сокровенное, знаю тайное и знаю то, чего ты не знаешь! Тот ребёнок, который взял кошелек, взял то, что принадлежит ему по праву. Отец ребёнка работал у этого всадника, и он должен был заплатить столько, сколько было в том кошельке. Он не отдал причитающееся ему, и отец ребенка умер, а сейчас его сын взял эти деньги вместо него. А тот слепой старик, до того как ослепнуть, убил отца всадника — теперь он отомстил за него, и каждый получил по заслугам. И Наша Справедливость и Правосудие точны, как ты сам видишь».

Во-вторых, суфийская обучающая традиция подчёркивает тесную и пластическую взаимосвязь реального знания и справедливости: личностные психологические убеждения, которые миллиарды заводных буратино принимают за якобы знание, вытекают из завышенного самомнения и чувства собственной важности. Об этом напоминает изящная притча Саади.

Один человек встретил другого, который был хорош собой, умён и эlegantен, и спросил его, кто он. Тот ответил: «Я — шайтан». «Этого не может быть, — воскликнул ошарашено первый, — ведь дьявол злой и безобразный». «Мой друг, — ответил шайтан, — ты наслушался моих клеветников».

В-третьих, наконец, суфийская притча указывает на постоянную и тесную связь между вниманием и справедливостью.

Есть ещё одна важная грань во взаимодействии знания и справедливости, о которой говорил пророк Иса: «Не излагайте мудрость среди тех, кто не заслужил её, ибо совершите несправедливость. И не лишайте её тех, кто достоин её, — поступите несправедливо с ними. Будьте словно добросовестный лекарь, который помещает снадобье в место пребывания недуга». Есть более краткая версия слов Иисуса: «Не мечите бисер перед свиньями!»

ЛУЧШЕЕ ИЗ СОЗДАННОГО ВСЕВЫШНИМ НА ЗЕМЛЕ — СПРАВЕДЛИВОСТЬ

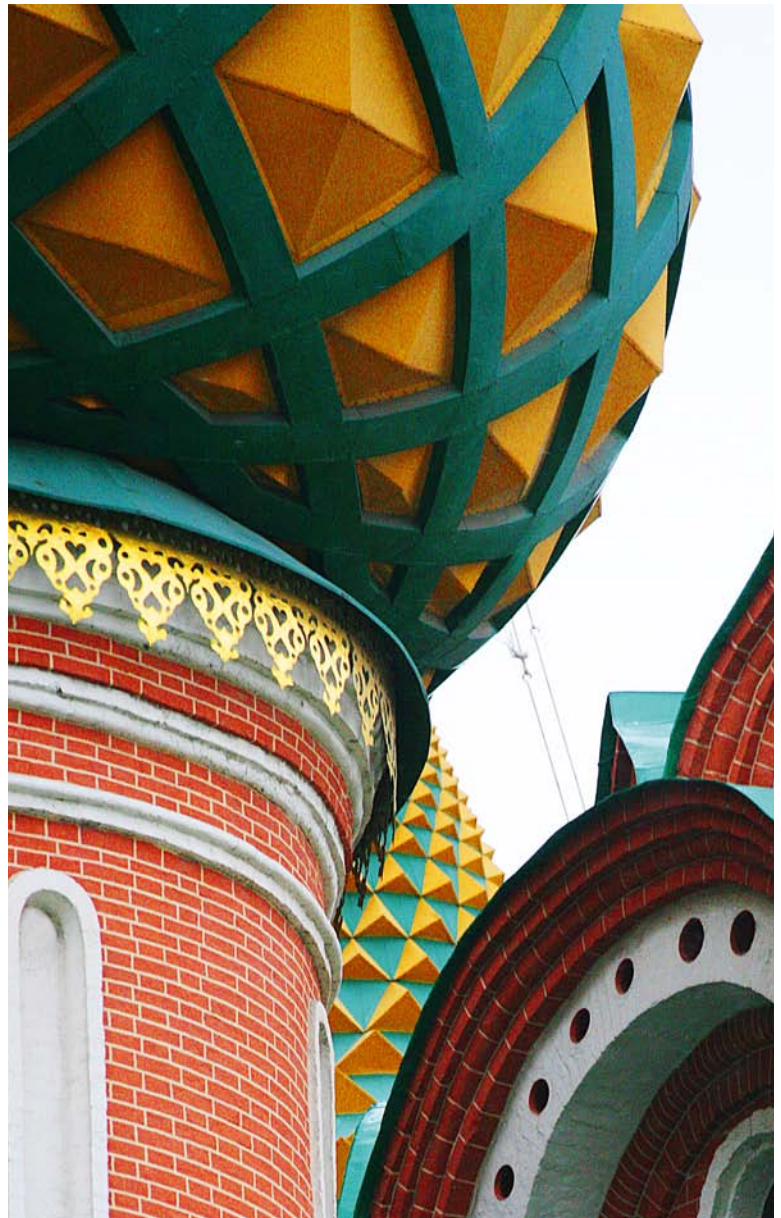
Нельзя научиться совершенствовать справедливость, нельзя стать справедливым по отношению к самому себе, находясь вне общества, вне людей. Суфий исходит из того, что и личностная, сакральная справедливость, и социальная справедливость могут быть достигнуты только в социуме.

Суфизм следует жёсткому общеисламскому предписанию, которое запрещает уход от социальных функций и социальных обязанностей, отказ от социальной ответственности. Пророк Мухаммад прямо требовал: «Мусульманин, который общается с людьми и терпит от них урон, лучше мусульманина, который не общается с ними и не терпит от них урона».

Таким образом, истинный суфий должен всегда стремиться жить именно в справедливом обществе. Ценность справедливости настолько высока в исламе, что Посланник Аллаха прямо говорил: «Мусульманину лучше жить в неисламском государстве, если оно справедливо, чем в несправедливом мусульманском государстве». Последний Пророк человечества гордился тем, что родился в период правления Хосрова Ануширвана — одного из самых справедливых правителей того периода.

Одним из существенных признаков деградации и упадка общества является потеря людьми и народами мужества перед наступлением несправедливости. А потому суфизм как действительно революционное течение исходит из того, что важнейшая социальная цель — созидание справедливого общества. Смысл социальной жизни для суфия — непрестанно сражаться против социальных мерзостей, социального зла, угнетения и тирании во всех проявлениях, постоянно бороться за справедливость — делом, словом, мыслью, примером...

Ключевая предпосылка такой социальной позиции в борьбе за справедливость в обще-

стве — осознание и ощущение личной социальной ответственности. Об этом говорит следующая суфийская притча.

Однажды некий хан встретил по дороге маджнуна (юродивого).

— Ты откуда идёшь? — спросил правитель.

— Из ада, — ответил, широко улыбаясь, маджнун.

— И что же ты делал там?

— Нужен был огонь, чтобы разжечь костер, и я решил спросить, не поделятся ли жители ада им со мной?

— Ну и как, получил огонь? — усмехнулся хан.

— Нет, тамошний правитель ответил, что у них нет огня. Я, конечно, спросил, как же так? На что хозяин ада ответил: «У нас нет

здесь огня. Каждый сюда приходит со своим собственным огнём».

Другая важная предпосылка достижения социальной справедливости — «великий джихад» — постоянная, бескомпромиссная внутренняя борьба со своими пороками и недостатками во имя самосовершенствования. Речь идёт, прежде всего, о борьбе с животным аспектом своей души, с ложным самосознанием, со своими глубоко скрытыми пороками и недостатками, с нагромождениями личностных иллюзий и предубеждений.

Суфийский мастер однажды сказал своему мюриду:

— В каждом человеке постоянно идёт внутренняя схватка, похожая на бой двух волков. Один волк — это зло: зависть, лицемерие, несправедливость, эгоизм, амбиции, ложь. Другой волк представляет добро: любовь, надежду, верность, справедливость, стремление к истине.

Мюрид задумался, а потом спросил:

— А какой волк в конце концов побеждает?

Шейх чуть заметно улыбнулся и ответил:

— Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь!

Из этого внутреннего зла, которое преграждает путь к справедливости, одним из самых сложных и опасных врагов являются неосознаваемое подражательство и автоматизм в поведении и мышлении, гипертрофированное самомнение, горделивое отношение к самому себе.

Однажды суфийский мастер шёл через лес, где рубили деревья. И вдруг он увидел огромное, не похожее на других своими формами и скрученностью, прекрасное изначальной природной мощью дерево. Он послал одного из своих мюридов узнать, почему это дерево не срубили.

— Оно бесполезно, — был ответ дровосеков, — из него ничего нельзя сделать.

Шейх воскликнул:

— Берите пример с этого великого дерева, пусть оно станет вам учителем. Взгляните, все эти соседние деревья погибли, они были прямые и стройные и очень гордились собой. И они кому-то понадобились, и их использовали. Ни при каких обстоятельствах не становитесь товаром, не становитесь вещью, иначе вас будут использовать, продавать и покупать.

В настоящей суфийской среде традиционно культивируется скептическое отношение к светской власти. Действительный суфий не только не имеет права принимать помощь от правителей и официальных властных структур, но даже садиться за один стол с предста-

вителями власти. Суфии считают, что именно «власть имущие» по определению являются главным препятствием для распространения справедливости на земле. Однако в суфийской культурной традиции тщательно сохраняются примеры справедливости правителей, которые остаются историческими образцами для подражания.

...Самарканд вошёл в состав государства, основанного в 1046 году Тамгач-ханом Ибрахимом. Сам хан был человеком образованным и стремился стоять на страже справедливости, защищая интересы и простого люда.

Однажды к нему на приём пришла делегация местных мясников, которые торговали мясом на городских рынках Самарканда. Они долго жаловались на жизнь и наконец попросили разрешения у хана поднять цены на мясо. А цены на основные продукты тогда регулировались в интересах справедливости, в интересах большинства населения. А в качестве добровольного взноса делегация мясников попросила принять в казну тысячу золотых динаров. Фактически это была взятка правителю. Хан молча вроде бы согласился.

Обрадованные мясники на следующий день рано утром выставили новые ценники. И тут глашатай зачитал указ правителя, которым он запрещал жителям Самарканда вообще покупать мясо. Торговцы начали терпеть катастрофические убытки. Наконец, новая делегация пришла к падишаху и, передав в казну две тысячи динаров, смиренно попросила разрешения вернуть старые цены. Хан так же молча согласился.

Классический суфизм строжайшим образом выступает за всестороннее равенство людей — независимо от имущественного или социального положения — перед законом. При этом суфии часто приводят выдающийся пример из жизни Пророка в Медине.

Некая женщина из знатного рода украла какую-то вещь и была задержана на месте преступления. За неё попытались заступиться (исходя, казалось бы, из самых благих пожеланий!) ближайшие сподвижники Пророка Мухаммада. И тогда он обратился к жителям города со страстной проповедью в защиту справедливости: «Ваших предшественников погубило то, что они отпускали знатных людей, когда те совершали кражу, и наказывали только простых и бедных людей. Клянусь Тем, в Чьей длани находится моя душа! Если Фатима, дочь Мухаммада, совершит кражу, я сам велю отрубить ей руку».

Мы — дети Святой Руси

*Беседуют председатель
Изборского клуба Александр ПРОХАНОВ
и глава ОВЦС Русской Православной Церкви
митрополит Волоколамский
ИЛАРИОН (Алфеев)*

Владыка, я благодарю вас за приглашение в вашу прекрасную обитель, в Данилов монастырь, и хочу принести вам свои извинения, если мои высказывания в прессе, связанные с вашей персоной, каким-то образом вас задели. Мне свойственна полемическая горячность, и я иногда задеваю своими высказываниями собеседников. Если это произошло, прошу меня простить.

— Бог простит, Александр Андреевич. Я никогда не воспринимаю болезненно высказывания лично в свой адрес. Ещё апостол Павел говорил: «Надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11:19). Разномыслие между христианами только на пользу, если дискуссия ведётся в цивилизованных рамках, если собеседники друг друга уважают, уважают право каждого на своё мнение. Притом что никаких компромиссов не может быть там, где задета истина.

— Пользуясь редкой возможностью поговорить с таким просвещённым иерархом, как вы, я бы хотел объясниться. Мне очень важно и быть понятым, и узнать, в какой степени вы разделяете мои представления.

Сегодняшнее наше общество — мучительное, несогласованное — всё время пульсирует, пребывает в состоянии невралгии. Эта невралгия во многом связана с существованием в обществе трёх огромных социально-исторических фрагментов. Первый — тот, что достался нам от советского прошлого, совсем недавнего, которое 1991 годом не перечёркнуто, а своим огромным массивом перешло в наше время. Второй фрагмент — тот, что жил в советском обществе и достался ему от дореволюционных, царских времен. Условно назовём его «белым фрагментом». И есть либеральный фрагмент, который победил в 1991-м году Советы, а в феврале 1917 года победил монархию. Тот загадочный, таинственный субстрат, который в какой-то момент появился в нашей истории и постоянно приводит к мутациям или деформациям общества.

Эти три фрагмента сегодня живут в одном государственном пространстве сложной и очень странной жизнью. Они то сталкиваются друг с другом, и на месте их столкновения возникают трещины и крошечья. То расходятся или заключают между собой временные альянсы. И по моему глубокому убеждению, связанный с Красной империей

фрагмент по многим параметрам очень близок к «белому» фрагменту, в недрах которого живёт церковно-монархическое мировоззрение. Соединение, заключение между ними стратегического соглашения очень важно для судьбы нашего будущего государства. И, напротив, изоляция либерального фрагмента (не истребление, а именно изоляция его) — чтобы он занимал то место, которое по праву должен занимать в нашем сложном обществе. Это место ведь невелико. Оно лишь кажется огромным, поскольку обладает колоссальной энергетикой. Отодвинуть его подальше от кремлёвских стен — в этом задача двух фрагментов.

Еще с 1991 года мне казалось, что вражду, Гражданскую войну, длящуюся между «белыми» и «красными», теперь, когда нет ни Белой империи, ни Красной империи, надо окончить. Понятно, что горечь, боль вполне естественны, потому что на исторических стыках пролилось такое количество крови, столько пролилось слез, было столько несчастий. И очень важно преодоление этого конфликта даже не на догматическом уровне, а на уровне общественных соглашений. — Я хотел бы с вами согласиться в том, что касается противостояния между «белыми» и «красными», его последствий и того, что это противостояние не должно длиться бесконечно. Действительно, Гражданская война трагическим образом повлияла на судьбу нашей Родины. И Гражданская война, которая длилась несколько лет в качестве полномасштабной войны, потом переросла в войну умов. И на каждом новом этапе развития нашей страны это противостояние так или иначе давало и продолжает давать о себе знать.

Не думаю, что примирения можно достичь путём замалчивания исторических фактов или путём вытеснения некоей третьей силы. То есть скажем: давайте мы, «красные» и «белые», сплотимся и совместными усилиями вытесним третью силу, которую вы, Александр Андреевич, назвали либералами. Во всяком случае, это, на мой взгляд, совершенно не относится к задачам Церкви.

Вы сказали, что есть такая задача, как защитить стены Кремля. Я согласен, что такая задача перед кем-то должна стоять. Но она не должна стоять перед Церковью. Церковь не может быть частью какого бы то ни было политического проекта. Церковь не может собою защищать какие бы то ни было стены, кроме церковных стен. И самое главное — это то, что Церковь

должна объединять всех. Если вы условно поделите наше общество на три сегмента, то Церковь не может себя ассоциировать ни с одним, ни с двумя, ни с тремя. Церковь должна быть открыта для всех, кроме тех, кто представляет взгляды человеконенавистнические, сатанинские. В этом Церковь ни на какие компромиссы идти не может. Но что касается политических ориентаций и симпатий, внутри Церкви существуют самые широкие возможности. И Церковь не может одних людей оттолкнуть, а с другими себя идентифицировать.

— **Это верно. В том и миссия Церкви — в примирении этих фрагментов. Если церковь столь широка, столь сильна и авторитетна, почему бы ей не распахнуть церковные ворота, чтобы в них вошли и те, и другие, а может быть, и Кремль со своими Спасскими воротами.**

— Церковные ворота уже распахнуты. И Церковь с любовью принимает всех. Церковь никогда не говорит, что эти люди наши, а те — не наши; вот этих, раз у них такие симпатии, мы готовы принять, а этих не готовы.

— **Владыка, но ведь Церковь, как мне кажется, это не только церковные иерархи или священнослужители, монахи. Но и я, грешный, являюсь Церковью. И мои переживания, мои состояния, мой внутренний разлом, мое мировоззренческое страдание — это тоже страдание Церкви в том виде, в каком она представлена во мне. Ведь Церковь, особенно в последние годы, вышла за церковные ограды, вышла в мир и понимает, что творится в миру. Она борется против аборт, борется против сексуальных извращений, борется против социального зла. А разве тот конфликт, о котором я говорю, в конечном счёте не является злом? Разве гражданская война в умах не может в любой момент превратиться в гражданскую войну, в поле боя, тем более что ее сейчас пытаются искусно провоцировать? Разве Церковь останется в стороне от назревающего конфликта?**

— Церковь не остается в стороне от конфликтов — в том плане, что Церковь людям сочувствует, и она людям помогает. Но Церковь остаётся в стороне от любых конфликтов в том плане, что она не ассоциирует себя с одной из сторон конфликта. И в этом уникальная роль Церкви. Она действительно играет примиряющую роль. И мы сейчас это видим не только на территории

нашей страны, но и на всём так называемом постсоветском пространстве Церковь, которая объединяет православных верующих разных стран, играет примиряющую роль. А в некоторых случаях именно Церковь остается едва ли не единственным связующим звеном между целыми народами, между частями одной семьи, которые оказались по разные стороны государственной границы. И что самое главное — между частями одной семьи, которые оказались по разные стороны идеологических границ. Думаю, в этом примиряющая сила Христа.

Если мы посмотрим на то, что говорил Христос, то увидим простые вещи. Например, Христос никогда не оспаривал существовавшие в его время социальные институты, он не предлагал никакую программу, будь то реформаторская или консервативная, касающаяся каких-то политических целей. Он действовал в рамках, которые на тот момент существовали. И Он людям говорил не о том, как устроить царство земное, а говорил о Царстве Небесном. Но Он в то же время никогда не говорил, что такое Царство Небесное. Он понятие Царства Небесного раскрывал через притчи. Люди слушали эти притчи, и каждый слышал что-то своё. А какой-то социальной реформаторской программы у Него не было. И сегодня наша Церковь стоит на тех же самых позициях.

Когда мы, в этом здании, писали «Основы социальной концепции» под руководством тогдашнего Председателя отдела внешних церковных связей, митрополита, нынешнего Святейшего Патриарха Кирилла, то у нас в одном зале сидели представители разных политических ориентаций: были и монархисты, и либералы, и «красные», и «белые». Много спорили, но в конце концов приходили к таким формулировкам, которые всех устраивали. И сегодня, 15 лет спустя, оказывается, что они всех в Церкви устраивают. И мы в том документе сказали, что Церковь не отдаёт предпочтения тому или иному политическому устройству. Церковь существовала, может существовать и будет существовать при самых разных политических режимах. И это в значительной степени предопределяет социальную позицию Церкви.

То есть Церковь не отделяет себя от общества, не отделяет от общественной дискуссии, она в лице своих представителей, как священнослужителей, так и мирян, может высказывать свою позицию. Люди же — как священнослужители, так и миряне — могут высказывать в этой дискуссии свою личную позицию. И христиане могут расходиться между собой по самым раз-

ным вопросам, касающимся политического устройства, политической борьбы. Но при этом всех объединяет Церковь. Церковь как единая мать, как единое духовное пространство, где в том числе и эти различия преодолеваются.

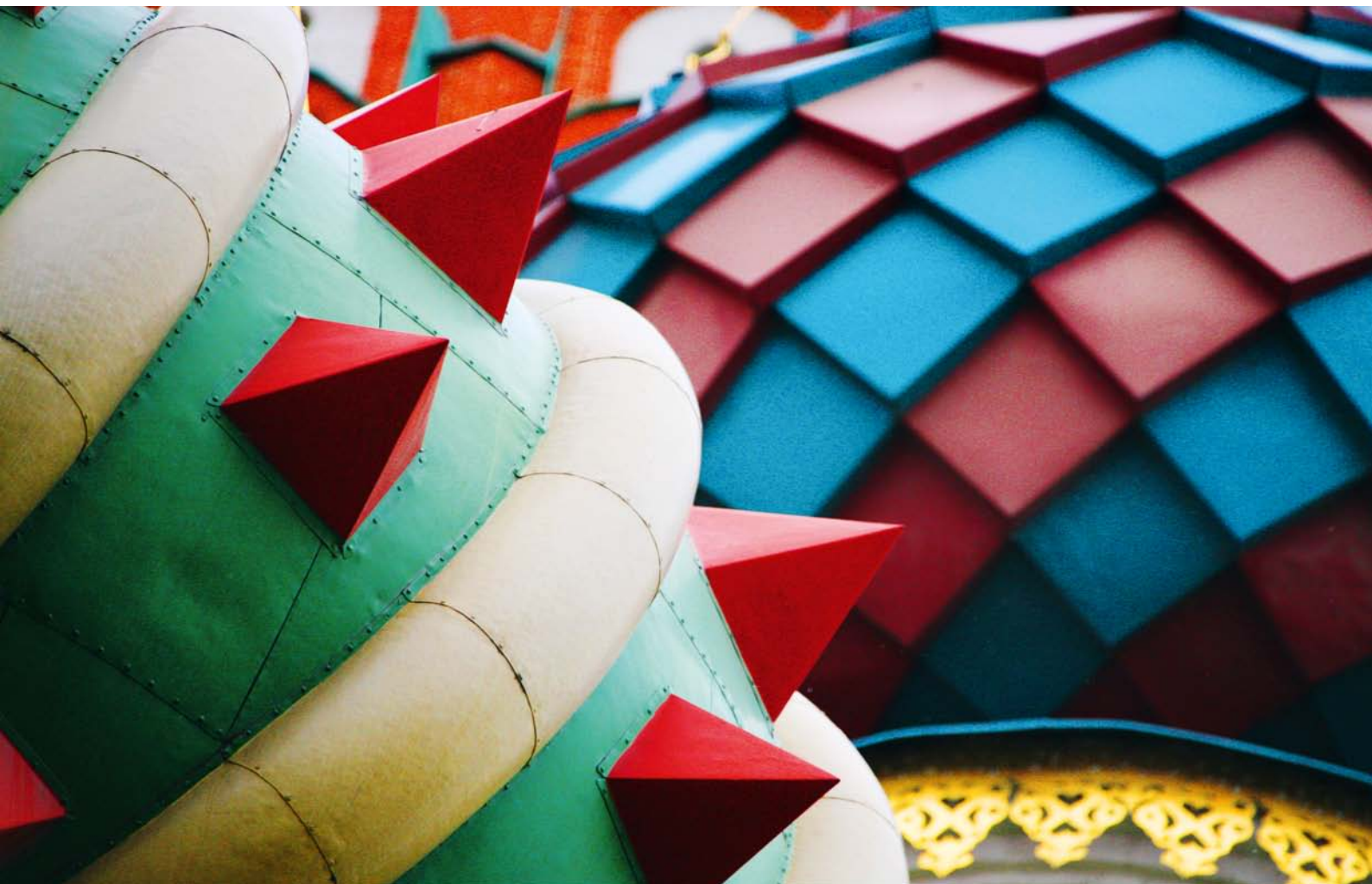
— Владыка, но разве Христос в своём отношении к богатству, например, косвенно не указывал на свои симпатии и антипатии? Разве он не указывал, каким бы он хотел видеть мир и человечество? Или в своей молитве «Отче наш», где говорится: «Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое» — сюда, к нам, в Данилов монастырь, разве он не стремился приготовить человечество к Царствию Небесному? И в этом смысле разве нет предпочтительных мироустройств? Разве нам безразлично, с каким укладом мы войдём в Царствие Небесное? И неужели всякий уклад обеспечивает нам вхождение в Царствие Небесное?

Однажды в Кремле отец Всеволод Чаплин, проходя мимо меня, сказал: «Очень

интересно ваше воззрение — православный социализм, монархический социализм». Я подумал, что в церковной среде тоже идут обсуждения, какие уклады более предпочтительны для приготовления народа к Царствию Небесному. Какие же это уклады? Какое отношение к богатству у сегодняшней Церкви?

— Христос не только косвенно, но и прямо обличал богатство. Он говорил такие вещи, которые людям — даже его ученикам — было трудно воспринять. Говорил, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19. 24). И если эти Его высказывания выстроить в ряд, то может создаться впечатление, что богатство как таковое является препятствием к спасению.

С другой стороны, у Христа была притча о неправедном управителе. Притча, которую многие по-разному понимают. Про одного мошенника. Его вызвал господин и сказал: «На тебя донесли, что ты нечестно работаешь, я тебя увольняю». И тот пошел по должникам своего господина

и сказал одному: «Ты сколько должен? Сто? Напиши пятьдесят». А другому: «Ты сколько должен? Сто? Напиши восемьдесят». И господин похвалил его за догадливость (Лк. 16. 1–8).

В этой притче Господь говорит: «Приобретайте себе друзей богатством неправедным» — буквально «мамоной неправды» (Лк. 16. 9). «Мамона неправды» — это как раз то материальное богатство, которое есть у каждого человека, вне зависимости от того, нажил он его праведно или неправедно. Господь говорит, что всё наше материальное благосостояние — это не наше собственное достояние, а это Его достояние. И поэтому если мы себе приобретаем друзей нашим богатством, то тем самым зарабатываем очки для Царствия Небесного.

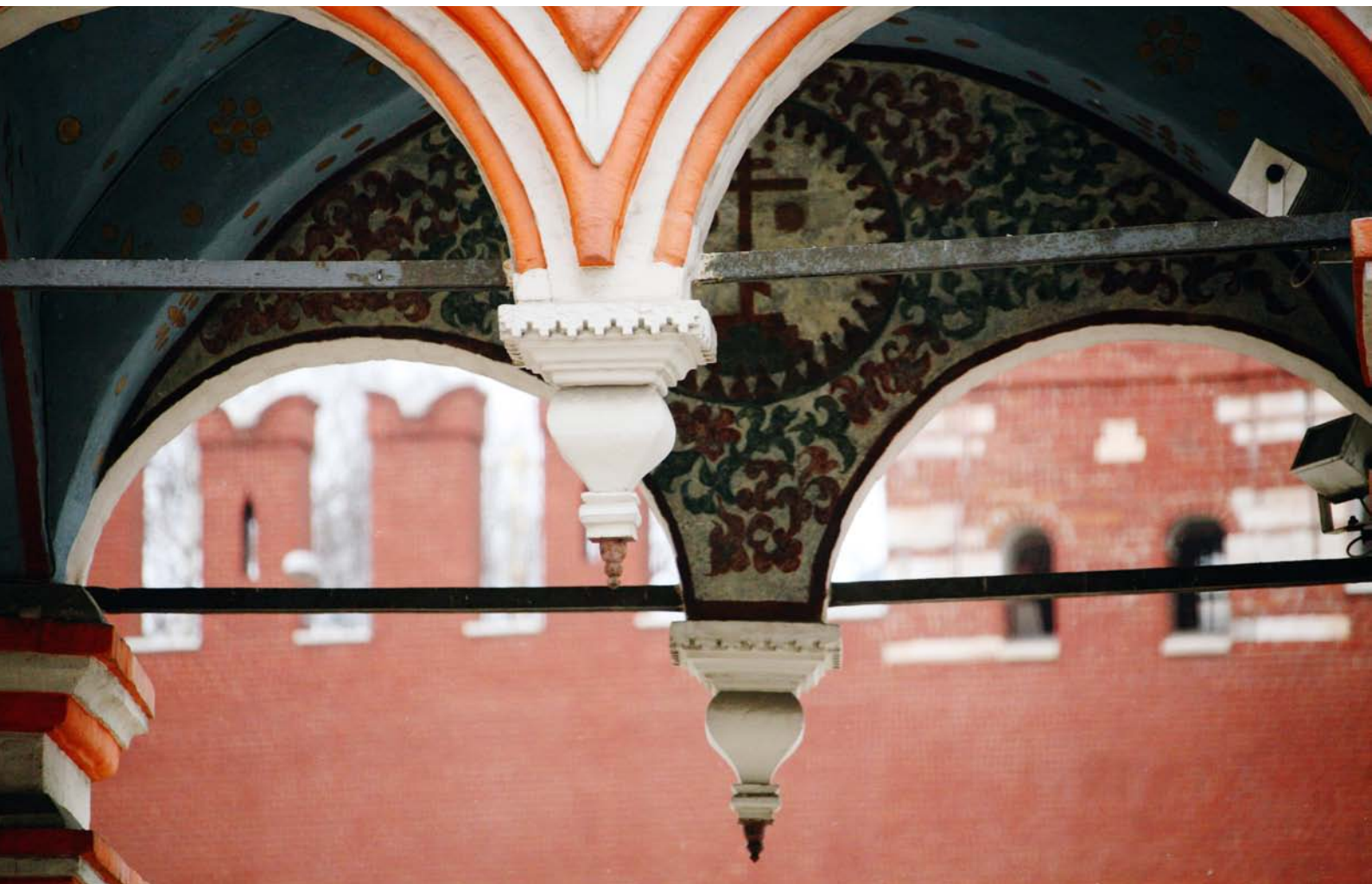
Таким образом, говоря очень жёсткие слова в адрес богатых, Господь в то же время оставляет игольное ушко, через которое богатый может проникнуть в Царствие Небесное.

Что касается предпочтительного политического устройства, то опять же в «Основах социальной концепции» говорится о том,

что исторически предпочтительной формой правления для народа Божьего была теократия. А уже появление монархии, появление земного царя было некоторой ступенью схождения вниз. И дальше идут какие-то другие ступени.

Если говорить о русской монархии, как она существовала до 1917 года, то совершенно очевидно, что лучшие представители Церкви монархию защищали. Защищали иногда своей жизнью, своей репутацией. Как, например, Филарет Московский, который всю свою жизнь защищал монархию, защищал царствующий дом, за что его Герцен критиковал в «Былом и думах». Или Иоанн Кронштадтский, который видел влияние революционеров, влияние нигилистов, влияние того же Толстого и очень жёстко против этого выступал, защищал монархию всеми силами.

Но когда монархия всё-таки пала вопреки позиции Церкви и, конечно, не по вине Церкви, тогда для Церкви встал вопрос: что делать дальше? И первая реакция на падение монархии была очень чёткой — это была реакция

патриарха Тихона, который анафематствовал большевиков за их злодеяния. Но очень скоро стало понятно, что большевики закрепились у власти надолго, Церкви придётся уживаться с новым режимом. И тот же самый патриарх Тихон в последние годы своей жизни делал иные заявления. По сути дела, он поставил Церковь на ту линию, что потом вёл митрополит Сергей, которую за рубежом назвали «сергианством».

Вы ещё спросили, какое политическое устройство более способствует тому, чтобы люди входили в Царствие Небесное. Это тоже большой вопрос. Во времена гонений на Церковь было столько новомучеников и исповедников, что за всю предшествующую историю не было. Но можем ли мы поставить это в заслугу режиму? Я не думаю. Это можно поставить в заслугу самим исповедникам, которые не щадили жизни, отдавали свою жизнь за Христа.

— Да, здесь много очень тонких и загадочных вещей. По-моему, в рассказах Павла Алеппского говорилось, что патриарх Никон мечтал о превращении всей России в монастырь. Что идеальной формой правления Никон считал монастырь — огромный, между трёх океанов, монастырь, возглавляемый, конечно, либо монархом-теократом, либо ими обоими: им и царём Алексеем Михайловичем. И Никон, как верховный выразитель церковных идеалов в то время, мечтал увидеть коммунистический монастырь, или православный коммунизм в ту пору, мистический коммунизм.

Вы говорите о том, что Церковь, угадав в большевиках правителей надолго, решила пойти с ними на компромисс, дабы уцелеть как институту и сберечься среди этих насильников и кровавых застенков. Но мне кажется, это политический взгляд на церковное решение, на церковную политику. Ведь если церковь — это Христос, а это так, мог бы Христос для того, чтобы уберечь себя от креста, вступить в компромисс с саддукеями и фарисеями? Является ли этот компромисс, сергианство, как вы его называете, Христовым компромиссом? Либо это всё-таки компромисс временный, политический, и не является ли он компромиссом в какой-то степени отказа от мученической смерти всех священномучеников и новомучеников предшествующих лет?

— Хочу обратить внимание, что я ни разу не употребил слово «компромисс». А сказал о том, что изменилась тактика Церкви в отношении

светской власти, что изменилась её позиция в отношении конкретного правительства, которое оказалось у власти.

Слово «компромисс» предполагает, наоборот, и некий компромисс с совестью, а для Церкви это бы означало, что она должна была чем-то жертвовать из своего вероучения, из своего, может быть, нравственного учения. Как сейчас некоторые христианские общины на Западе, на наш взгляд, идут на компромисс с совестью, когда в угоду либерализму начинают оправдывать разного рода греховные явления и даже подводить под это оправдание теологическую платформу.

Вот это действительно является компромиссом совести. Это то, на что Христос никогда бы не пошёл. Но когда к Петру подошли собиратели дидрахм (те, которые собирали сбор на храм) и спросили: «Не подаст ли ваш Учитель дидрахму?» — он отправил апостола на рыбалку, чтобы тот выловил рыбу и изо рта рыбы достал статир (Мф. 17. 24–27). Мы не знаем, произошло это или нет, но мы знаем, что Христос так ответил Петру. И когда спрашивали, позволительно ли подать кесарю, то Он, как всем известно, показал изображение кесаря на монете и сказал: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22. 21).

То, что тогда Церковь сделала в лице патриарха Тихона: она отдала кесарю кесарево. Кесарь был свергнут к тому времени, он был убит, уже был в числе новомучеников, хотя и не прославлен еще как исповедник. Но появилась новая власть, и, как говорит апостол Павел: «Нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13. 21). Это касается и тех людей, которые приходят к власти неправедным путём. Ведь мы знаем, допустим, что в истории Византийской империи были дворцовые перевороты, когда легитимный наследственный монарх свергался, появлялся какой-то человек неизвестно откуда, и с него начиналась новая династия. И Церковь это признавала. Церковь никогда не одобряла подобного рода способы захвата власти, но Церковь понимала, что если какая-то власть появилась и если она закрепились надолго, с ней надо выстраивать отношения. Если это было невозможно без компромиссов, тогда Церковь становилась мученицей, как это было в первые три века христианства, когда единственный компромисс, который от неё требовался, это принести жертву императору. И она не шла на этот компромисс. Из-за этого сотни тысяч людей шли на мученичество. И то же самое повторилось у нас в 20–30-е годы.

— Но когда вы говорите, что всякая власть от Бога, и это правда, то некоторая власть дается Богом для наказания?

— Совершенно верно.

— Для избавления от грехов, для вразумления. И, разговаривая с достаточно влиятельными и уважаемыми, почтенными представителями современной Церкви, включая и настоятелей известных монастырей, я слышал такой взгляд, что большевизм, такая страшная комета, что упала в русскую жизнь, — это было наказание за предшествующее неразумение народа, за убийство монарха — за это чудовищное злодеяние. За то, что Церковь, особенно в конце XIX — начале XX веков, как бы остыла, она была теплохладна, была ни горячей, ни холодной, как говорит Дух, который говорит церквям в Апокалипсисе. И если это так, если это было вразумление — страшное, грозное вразумление, то, с одной стороны, это действительно превращение остывшей, может быть, отчасти тучной, Церкви в одночасье через мученичество в Церковь огненную, воинствующую, наполненную страстотерпцами. А с другой стороны, если это та длань, через которую Господь творил вразумление, что же эту длань судить, коли по существу это продолжение длани божьей?

Но это взгляд. Такой взгляд, может быть, умом и можно понять, но это, конечно, очень трудно понять сердцем, видя те расстрельные рвы, мученичества распятых на Царских вратах священников. Или видеть само по себе страшное злодеяние, когда невинных целомудренных принцесс, царевен, царевича расстреляли... Это наша историческая драма. Мы её с вами, конечно, не разрешим в разговоре, но, поскольку мы её сформулировали и приблизились к ней с чистыми помыслами, с чистыми сердцами, уже само по себе это является достоянием и ценно.

Когда мы потеряли красную, коммунистическую идеологию, и в абсолютно враждебной, кислотной среде стало возрастать наше хрупкое, беспомощное, наивное, деидеологизированное государство, мне казалось, что этому государству необходима идеология. Государство должно заключить себя в идеологический кокон, который защитит его от других, враждебных идеологий. И я всё время искал эту идеологию. И победные, майские события вдруг озарили

меня, что идеологией нашего государства сегодняшнего — и вчерашнего, и позавчерашнего, и завтрашнего — является Победа, является религия, философия Победы.

Русское государство исповедует религию Победы. Потому что, во-первых, эта Победа позволила существовать Красной империи, Победа, которую пытались затмить, затоптать, осквернить в перестройку, в 90-е годы, она сбереглась до наших дней, и она, как чаша со святой водой, питает сегодняшнюю государственность. Это водопой, из которого мы сегодня пьём живительную влагу победы. Но ещё и потому, что сегодня, из XXI века, когда вернулось религиозное представление о всех событиях, Победе 1945 года даётся религиозное истолкование. Это религиозная победа, потому что во время войны решались проблемы не просто идеологические, геополитические и военные, а решались примерно те же проблемы, которые стояли перед человечеством 2000 лет назад, в Христовы времена. Когда на мир хлынула тьма такой силы, такой мощи и такой неодолимости, что эту тьму нельзя было победить проповедью или ударом копья, её можно было победить только Христовой жертвой. И Господь, чтобы остановить эту тьму, отдал на распятие своего любимого Сына. И тьму 1941 года, которая нахлынула на Советский Союз и на мир в целом, можно было остановить только колоссальной жертвой — 30 миллионами наших погибших. В каком-то смысле это было время, когда к нам, на землю, в нашу воюющую армию спустился Христос. И когда мы ездили в Сталинград на поминовение павших, у меня даже возникло четверостишие:

*Отягчённый трёхлинейкой,
Всю тебя, земля родная,
Бог в солдатской телогрейке,
Исходил, благословляя.*

Он летел вместе с Талалихиным в самолёте. Его мучили в гестапо. Его обливали с Карбышевым страшной ледяной водой. То есть победа — религиозна. Если это так, если эта победа религиозная и священная, то, признавая эту идеологию государства, государственность мгновенно абсорбируется в идеологию священного представления о себе и о своём мессианстве. И тогда, хотим мы этого или не хотим, происходит слияние

Церкви и государства. Только не на уровне институтов, а на уровне райских смыслов.

— Я думаю, что юбилей Победы, который мы отпраздновали, безусловно, является священным и неоспоримым для любого россиянина. Не могу представить себе человека, который считает себя сыном Русской земли и при этом как-либо оспаривал или умалял значимость Победы. Но давайте вернемся к тому, что ей предшествовало, вернемся к 2030-м годам.

У меня есть пятитомник, может быть, там сейчас уже и больше томов, но когда мне вручили это собрание, там было пять томов — списки людей, расстрелянных на Бутовском полигоне. Каждый том примерно на 400–500 страниц, заполненных фамилиями, именами, отчествами, датами рождения и смерти. Пять томов содержат просто списки, без биографий, без каких-либо сведений. И о многих из этих людей, может быть, никто никогда уже не узнает, кроме этой одной строчки, которая осталась в расстрельном списке. И ведь с каждым из них тоже был Христос. Христа так же расстреливали на Бутовском и других полигонах, которых было огромное количество. Его так же распинали на Соловках вместе с нашими новомучениками.

И пришлось нашему народу пройти сначала через одну Голгофу — через Голгофу массовых репрессий, а потом пройти через ещё одну Голгофу — ту, о которой вы сейчас сказали. Действительно, это было испытание для всего народа, и действительно ту жертву, которую наш народ принес, мы можем сравнить с Христовой жертвой. Потому что эта жертва была принесена в том числе и для нас, для нынешних поколений, которых бы не было, если бы наши отцы и деды не воевали.

Эта жертва была принесена и для других народов. Неизвестно, что стало бы с ними, если бы наш народ, в союзе с другими народами, не одержал эту победу. Но все-таки никто сейчас не будет отрицать, что вклад нашего народа был решающим.

И я ещё хотел бы вот о чём сказать. На наших глазах прошло удивительное шествие, когда люди шли с портретами своих отцов и дедов, матерей и бабушек, ветеранов и героев войны. «Бессмертный полк» мне напомнил пророчество Иезекииля о поле, на котором лежат мёртвые кости, и потом Дух через пророка эти кости воскрешает, и они становятся живыми людьми. Этот полк бессмертный прошёл перед нашими глазами. Но я подумал о том, что если бы подобного рода шествие было организовано с портретами людей, которые были репрессированы,

то, наверное, их было бы не меньше. И, с одной стороны, можно сказать — а зачем растревать старые раны? Зачем вообще говорить о том, что давно уже прошло, эти люди уже погибли, их не воскресить, давайте смотреть в будущее. Но, с другой стороны, ведь как история войны — это история практически каждой нашей семьи, так и история репрессий — это тоже история очень многих наших семей.

Оба моих дедушки воевали. Один погиб, другой выжил. И, конечно, для меня их память священна, потому что они мои предки, потому что они воевали за страну. Люди, которые сегодня выходят с портретами своих дедушек и бабушек, по крайней мере знают, что они

могут гордиться их памятью. А те, что были репрессированы? Да, некоторые из них были потом посмертно реабилитированы. А некоторые не были. И это та страница истории, которая ещё не перевернута.

— **Конечно.**

— Поэтому здесь требуется очень большая работа, направленная на исцеление памяти. Думаю, что эта работа должна вестись не путём замалчивания, а путём некоего общественного консенсуса, который у нас сейчас есть вокруг войны, вокруг Победы. Ведь в 90-е годы и это пытались расшатать. Но не получилось.

— Шествие по Москве с портретами — это был пасхальный крестный ход. Вы правильно говорите, что кости облеклись в плоть и шли в этом множестве. И шествие казалось таким плотным, огромным, потому что рядом с живыми шли воскрешённые из мёртвых. И в этом смысле Победа нами оценивается как огромный пасхальный триумф, пасхальное шествие. И, наверное, возвращение к убиенным, к невинно убиенным, необходимо. И такой ход тоже может быть...

Я, правда, думаю, что в этом шествии кто-то понесёт портрет Троцкого, Зиновьева. Не сомневаюсь, там обязательно будут люди, которые понесут портрет Блюмкина. Эти люди, которые потом были уничтожены Ягодой, эта плеяда начальников концлагерей ГУЛАГа, она же тоже была расстреляна. И эти люди будут в этом крестном ходу. А кто-то понесёт портрет Ягоды или Ежова. Может быть, с христианской точки зрения это и правильно, но с социальной это очень тяжело, потому что террор, который был, ужасен сам по себе.

Этот террор, наверное, начался с народовольцев, с убийства Александра II, и он длился, тянулся, увеличивался. Гражданская война, этот кровавый ком, она катилась вплоть до 1956, может быть, года. В этом томе расстрелянных, убитых невинно, наверняка и мои предки есть, мой разгромленный род.

А если бы ещё одновременно с этим томом был бы том, где бы было рассказано, какое количество заводов было построено в то время. И не для того построено, чтобы производить помаду или тампаксы, а для того, чтобы производить оружие Победы. И всё, что делалось в предвоенные годы Сталиным, это делалось не для того, чтобы утолить кровожадные инстинкты, изуверские представления о жизни и смерти, любоваться на эти рвы. Это сделано им в рамках представлений тех лет и того времени для того, чтобы в 1945 году Красное знамя развевалось над Рейхстагом. Там было много жестокого и ужасного, но что поделаешь, если это произошло.

И ведь в сталинском терроре было несколько терроров. Это не был один сплошной террор. Был террор против тех, кто когда-то устроил террор против казачества, против духовенства и крестьянства. Был террор против генералов, которые со-

ставили реальный заговор против Сталина. Заговор Тухачевского — это же не миф. Был террор против крестьянства. Раскулачивание тогда было нужно. Необходимо было собрать крестьянство в жестокие комья, выдавить часть людей из деревень на строительство заводов, рудников. А другую часть превратить в поставщиков зерна, чтобы страна во время войны не умерла от голода. Что она и сделала — не умерла от голода.

Была и волна чудовищного террора, связанная с технологиями страха, когда убивали для того, чтобы народ превратился в послушную пластилиновую массу, из которой можно было лепить.

Но была ещё и другая технология, Владыка, наряду с чудовищной, страшной технологией страха. Технология создания героев. Технология создания людей, которые потом бросались на амбразуру. Была технология формирования молодых людей, которые прошли войну, погибли на ней, выиграли ее, а после войны восстановили страну.

Потому этот самый сложный мир убиений и возрождений, воскресений, мне кажется, не решить политически. Не решить так, как мы хотим его решить: пустим «Бессмертный полк» победителей, убиенных на войне, потом «Бессмертный полк» невинно убиенных, потом пустим полк палачей, которые действовали во благо страны.

Мы живём в запутанной истории, и как в ней, Владыка, разобраться? Я думаю, то, что мы сейчас с вами говорим, это очень важный диалог. И мне кажется, когда мы с вами расстанемся после этой встречи, многие из тех, кто слушал ваши выступления, ваши поклонники, ваша паства, и те, кто читает мои книги, мою газету, они почувствуют себя ближе. В этом смысл.

— Я думаю, что в оценке политических событий всегда присутствует некий элемент субъективности. Как не бывает объективных историков, так, наверное, и невозможен вполне объективный взгляд на прошлое. Но есть определённые исторические факты, и есть интерпретации этих фактов. Есть личности, которые входят в историю с определёнными достижениями, и есть личности, которые входят в историю с определёнными преступлениями. А есть те, которые входят и с тем, и с другим.

Например, если мы возьмём царя Ирода, можем сказать, что у него были определённые достижения. Он храм перестроил, он имел другие успешные проекты. Но он был властолю-

Мы не должны игнорировать то, безусловно, полезное, доброе и значимое, что делалось во все периоды нашей истории, даже тогда, когда во главе страны стояли люди, совершавшие массовые преступления. И всё то, о чём вы сказали: достижения экономики, достижения, которые в конечном итоге позволили нам выиграть эту самую страшную войну в человеческой истории, — это всё имело место.

бивый, он своих родственников поумерщвлял, он умертвил вифлеемских младенцев. Но вот и скажем: время было сложное, ведь когда он умерщвлял вифлеемских младенцев, он опасался за свою царскую власть. Это можно тоже интерпретировать как борьбу за стабильность в государстве. Там, конечно, не было государства как такового, там уже всё было оккупировано, но тем не менее у этого царя была достаточно сильная централизованная власть.

Поэтому я думаю, что преступления, которые были совершены, нельзя оправдывать и не надо искать оправданий этим преступлениям. Мы не можем и не должны ни в коем случае очернять нашу историю. И мы не должны игнорировать то, безусловно, полезное, доброе и значимое, что делалось во все периоды нашей истории, даже тогда, когда во главе страны стояли люди, совершавшие массовые преступления. И всё то, о чём вы сказали: достижения экономики, достижения, которые в конечном итоге позволили нам выиграть эту самую страшную войну XX века и вообще самую страшную войну в человеческой истории, — это всё имело место.

Недавно я слышал спор в одной из наших телевизионных программ о том, была ли война выиграна вопреки Сталину или благодаря Сталину. Думаю, было бы неправильно и наивно утверждать, как это делают некоторые, что война была выиграна вопреки: вот был верховный главнокомандующий, который командовал не так, а тем не менее народ войну выиграл. Это взгляд, который очень трудно будет обосновать историческими фактами и данными. Но мы не должны преувеличивать значение одной личности в достижении Победы, потому что это был подвиг всего народа. И мы не должны приуменьшать последствия тех преступлений, которые им же были совершены до войны, которые повлекли массовую гибель людей и которые привели в конце концов к тому,

что война нам так дорого стоила и так долго длилась.

Опять же у истории нет сослагательного наклонения, мы сейчас не можем говорить: а вот если бы не были допущены такие-то ошибки, тогда война была бы короче, мы бы оказались в менее уязвимом положении. Это уже та тематика, по которой историки будут, видимо, всегда спорить и никогда друг с другом не согласятся. Но то, что были массовые репрессии, — это очевидный, установленный, в том числе на государственном уровне, неоднократно озвученный факт. То, что среди расстрелянных было огромное количество невинно убиенных, в том числе и наши новомученики, которых мы канонизировали и всех вместе, и многих по отдельности, — это тоже очевидный факт. И то, что нам придётся всем вместе со всем этим жить, жить со всей этой исторической памятью, — это тоже факт.

Поэтому мы должны изучать нашу историю, изучать жития и жизнеописания тех людей, которые тогда жили, которые страдали, были репрессированы, которые умерли за Родину на войне, тех неизвестных солдат, о которых мы ничего не знаем, кроме их имен, а некоторых и имён не знаем. И на этом наследии нашего прошлого должны строить наше будущее. Я думаю, что память тех людей, которые невинно погибли, так же, как и память тех людей, которые отдали свою жизнь за Родину, для всех нас священна.

— Я абсолютно согласен с вами. Но я подумал, что царь Ирод никогда бы не выиграл Великой Отечественной войны, потому что мы думаем о царе Ироде только в контексте избияния им вифлеемских младенцев, в контексте усекновения головы Иоанна Предтечи, и над царем Иродом висит проклятие. Он не мог выиграть в этой войне. Он мог породить чудовищное поражение иудейского народа.

Что же касается представлений о победных мучениках, ведь эти мученики из так называемого сталинского синодика, который тогда ещё, в «красное» время, был закреплён и канонизирован. Их там было не 30 миллионов, хотя все погибшие были мученики в какой-то степени, а их было полтора десятка, может быть. Так если эта война священна, если Победа — это коллективный Христос, может быть, этих мучеников можно канонизировать, как мы канонизировали новомучеников? Может быть, со време-

нем — не сегодня, не завтра — будет такая инициатива, которая прозвучит из народной, общественной среды, из военной, армейской среды? Чтобы когда-нибудь над головой Александра Матросова, изображённого на иконе, воссиял золотой нимб. Или 28 гвардейцев-панфиловцев, которые, обмотавшись гранатами, кидаются под танки, они все воссияют. Именно после переживаний 9 Мая мне хочется создать общественную группу, чтобы из недр XXI века с новым пониманием смыслов этой войны выступить с народной инициативой, предложить эти жертвы в качестве русских святых.

— Мы уходим достаточно далеко от изначальной темы, на которую собрались поговорить.

Но тут я должен сказать, что критерии для канонизации у Церкви отличаются от критериев для героизации, скажем, у историков, в обществе в целом. Потому что среди полководцев, среди власть имущих, среди благоверных князей было немало людей, которых Церковь канонизировала. Например, Фёдор Ушаков был канонизирован уже на нашей с вами памяти, и это было, безусловно, значимое событие для нашего флота, для нашей армии в целом. Но помимо его замечательных и выдающихся военных достижений был ещё очень важный критерий — это личная святость, его личное благочестие. И когда мы канонизируем новомучеников, тоже подходим к ним избирательно. Мы не канонизируем всех репрессированных подряд. Мы изучаем их дела, смотрим, как они вели себя на допросах. И бывает так, что дело одного репрессированного, которого рассматривают как кандидата на канонизацию, не выявляет каких-то серьёзных проблем, а в параллельных делах вдруг выясняется некая деталь, например, что он кого-то оговаривал или даже отрекался от веры. Поэтому процесс канонизации новомучеников был очень сложным, он не завершился, и хотя около полутора тысяч человек поимённо канонизировали, это лишь малая часть от общего числа.

— Мне показалось, Владыка, что наше сближение во время этого диалога объясняется тем, что мы с вами оба — наследники победителей и наследники репрессированных. Мы все — дети Святой Руси. Спасибо за встречу.

— Спасибо вам, Александр Андреевич. Я желаю вам успехов и хотел бы пожелать всему нашему обществу мира и согласия, в котором мы все так нуждаемся.

/ Епископ Городецкий и Ветлужский АВГУСТИН /

*Наша
справедливость*
**никого не
презирает
и не помнит зла**

В январе 2015 года к числу постоянных членов Изборского клуба присоединился известный православный миссионер епископ Августин (Анисимов). По просьбе журнала владыка произнес монолог, в котором поведал, как он понимает идею справедливости и в чём видит её актуальность. Предлагаем читателям запись этой беседы.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ НА РУСИ

950 лет наше население, живя на одной территории, на одном месте, ощущало справедливость как некий фундамент своего бытия. За 950 лет сформировались все векторы социальной жизни: данное население адаптировалось к той природной среде, в которой оно рождалось, жило, воспроизводило новое потомство, за это время сформировались сословия, сложилась государственность. Я употребляю слово «население» в разных его интерпретациях — как княжества, районы, области, в целом Русь, Киевская, Владимирская, Московская Русь, затем Россия. Все, кто жил на данной территории и в данном пространстве, усвоил устойчивое, свойственное русской культуре мировоззрение. Природная среда, в которой жили наши предки, уже задавала определённое представление о справедливости, потому что она была всегда одинакова: весна может задержаться на несколько дней, но весна наступит; зима есть зима, весна есть весна... Этот устойчивый круг природной среды формировал уникальный тип личности.

Устойчивым было православное начало. Крепкое основание — никаких колебаний, никаких отходов в сторону. Мы можем сегодня вспомнить о язычестве, и в какой-то степени в каждом народе есть к нему склонность. Но речь идёт о фундаментальном мировоззрении, из которого вытекала идеология. К этому мировоззрению принадлежали и власть, и все сословия. Не так чтобы просто положить руку на Библию, а в душе иметь что-то совсем другое, — нет, это были люди с определённым сложившимся мировоззрением. Мы можем убедиться в этом на примере международных и дипломатических отношений. Когда Александра Невского склоняли католики принять их веру или когда к Иоанну Грозному приходили западные миссионеры, мы видим, что личности наших государей были очень сильные, очень мощные, устойчивые в своих корнях.

ТРИ НАЧАЛА СПРАВЕДЛИВОСТИ

Сегодня мы можем сказать, что идея справедливости складывалась и воспроизводилась

на фундаменте трёх начал — это **православие, патриотизм и профессионализм.**

Первый фундамент, православие, — отношение с Богом через Церковь. Народ в своём миропонимании вывел совершенно удивительный, ёмкий вывод: «Без Бога не до порога».

Второй фундамент — это патриотизм, знание традиций, умение в них жить и готовность отдать за них жизнь, если им угрожает опасность. Традиции — это то, что было, есть и будет всегда в жизни народа, это то, что непоколебимо, что передаётся из поколения в поколение. Здесь и фольклор, и устойчивая культура обработки земли, отношение к пище в разные сезоны, на праздники и в пост, календари, которые не колеблются: церковный, природный календари, календарь, связанный с краеведением своей малой родины. Я называю всё это вместе православным российским укладом народной жизни. 950 лет непоколебимого уклада народной жизни на одной территории, в одних природных условиях — это потрясающий феномен традиции. И через это, на мой взгляд, и формировалась фундаментальная линия справедливости, её национального понимания.

Слово «справедливость» основывается на слове «прав». Мы правы в том, что имеем такое мировоззрение, такой уклад жизни. И уклад жизни сам показывал с очевидностью, что он правильный.

Мы говорим «победа» — и никто не обращает внимание на то, что в этом слове корень *беда*. Пришла беда (чума, холера) — или она нас уничтожит, или мы её победим. Фашистская чума пришла к нам, потому что у нас была своя справедливость, мы жили на своей территории, выстраивали свою социальную модель. Победа — преодоление беды, выход на новое качество. Мы сумели преодолеть беду. Победа в Великой Отечественной войне, которая была войной моторов, пороха, ракетных снарядов, высших научно-технических достижений, — это Великая Победа. Союзники не поддержали нас с самого начала войны, и на нас легла огромная нагрузка. Во время войны мы все становимся воинами, не важно, на передовой или в тылу. И тогда в 1941 году рождается исходя из национального чувства справедливости правильное обращение первого лица государственной власти к народу: братья и сёстры. Пришла беда — и мы теперь все братья и сёстры.

Поэтому, когда мы говорим о справедливости, мы должны видеть приоритеты — первым незыблемым нашим основанием является не идеология, а начало веры. Как говорит пророк Давид: если разрушено основание, что поделают праведники?

Патриотизм — это второе наше фундаментальное начало. И третье начало — профессионализм. Сегодня мы постоянно оперируем этим словом. А когда его не было? Разве Александр Невский не был профессионалом, если его в три года посвятили в воины? А разве наши крестьяне были не профессионалами? Наши врачи, учителя, учёные? Все они были профессионалами своего дела. Разве не должна быть профессионалом девушка, вступающая в брак? Она должна знать, что это такое — быть женой и матерью. В этом смысле она тоже профессионал. Все дети на Руси уже с трёх лет начинали заниматься каким-то делом, которое было принято в их словии, в их роде, на их территории.

Поэтому три начала, которые даёт нам справедливость, — это православие, патриотизм и профессионализм. Если убрать эти три начала из России, то на чём будет держаться справедливость?

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ГОСУДАРСТВО

Есть личная справедливость, а есть справедливость целого народа. Но вот появляется институт государства. И во главе этого института стоит государственная власть. Говоря о справедливости, задаём себе вопрос: каких начал придерживается государственная власть? Из чего она исходит, когда составляются законы? Из чего исходят у нас образование и здравоохранение? Молодёжная политика? Как складываются браки? Есть ли институт, который готовит для брачной и семейной жизни? Есть ли институт, который формирует патриотов, которые отдадут свою жизнь, если традиции их народа угрожает опасность?

В справедливости важнейшим моментом является качество государственной власти. Но, даже если во власти оказывались личности не самые желательные с точки зрения традиции народа, тем не менее, пока сам народ жил в рамках тех сословий, которым принадлежал, — земледельцы, ученые, рабочие и пр., — всё стояло на своих местах. Но затем свершилось «великое переселение» сословий в эпоху революции, когда крестьян стали переселять в принудительном порядке в города, когда смешались социальные группы, когда каждому человеку предложили свободу выбора своего сословия, — и это означало, что традиционная справедливость сломалась.

Троцкий говорил: мы никогда не простим Сталина за то, что он стал строить социализм в отдельно взятой стране. Сталин — это уникальная личность, которая имела всего лишь семинарское образование. И этот человек стал

автором военной доктрины, научной доктрины, культурной доктрины целой сверхдержавы. Шесть заповедей Моисея: чти отца и мать, не укради, не убей, не прелюбодействуй... — все эти заповеди так или иначе были реализованы в новом государстве, которое строил Сталин. Партия, взяв на себя функции Церкви, имела в своём уставе не просто некие размытые функции и цели, но вполне конкретные задачи. Партия, может быть, не формировала духовное начало, но она формировала нравственное начало в народе.

Потом в 40-е годы снова произошло обращение к Богу. Когда Илия, митрополит Гор Ливанских, передал волю Божью Сталину, сказав, что необходимо вокруг Москвы и Ленинграда обнести икону Божьей Матери, Сталин, не сомневаясь, это совершил. Наверное, в Германии бы на это никто и не обратил внимания, да и во Франции тоже. В Швеции — точно уж никто бы не придал этому значения. А мы — в России, у нас справедливость совершенно другая. Если мы живём без Бога, то это и не справедливость вовсе. И трое представителей нашей высшей иерархии: Сергей (Страгородский), митрополит и местоблюститель патриарший, Алексей (Симанский), митрополит Ленинградский, и Николай (Ярушевич), патриарший экзарх Украины, возглавлявший отдел внешних церковных связей, — напомнили Сталину: «А что остаётся? Победить можно только с крестным ходом». Ведь уже на 16 километров подошли немцы к Москве! 7 ноября по их справедливости, по справедливости фашистов, мог бы уже состояться парад немецких войск на Красной площади. А может быть, даже и парад союзных войск — потому что участвовали и итальянцы, и румыны, и все те, кого завоевали к этому времени немцы. Легко завоевали. Потому что это тоже другая справедливость — европейская.

И когда уже после великих битв по Москве вели колонны немецких солдат, которых взяли в плен, мы знаем, что наши женщины, родившиеся ещё до революции, подходили к этим немцам, тем, кто захотел разрушить нашу справедливость, вести на её месте свою справедливость, — они давали им хлеб. Где есть ещё такая справедливость?

Недавно, перед 9 Мая показывали фильм, где берлинские мальчики приходили к солдатам Красной армии и говорили: «Мы ненавидим Гитлера, он такой-сякой». И есть такое мнение, что эти мальчики хитрили, поскольку некоторое время назад эти же мальчики восхваляли Гитлера. А теперь стали говорить противоположное, чтобы

получить кусок хлеба, а ещё точнее — котелок каши, который опять-таки наша справедливость протягивала пищу тем, кто нас совсем недавно мечтал погубить. Тем, кто уничтожил 27 миллионов человек, не считая погибших на полях, у станков, на фабриках, на заводах. Наша справедливость никого не презирает. Она не помнит зла, наша справедливость. Это особый тип личности.

Так что же мы будем сегодня считать справедливостью для России? Может быть, нашу Конституцию? Сегодня многие считают, что она не до конца справедлива. И люди, которые составляли эту Конституцию, не ориентировались на объективные законы нашей природной среды и на объективный закон Бога. Не ориентировались они и на особенности нрава и духа в природе нашего человека. И мы знаем, как попирается эта Конституция.

При этом, конечно, нужно понимать, что в работе системы, в работе государственного аппарата, в работе ведомств и отраслей экономики справедливость проявляется главным образом как надёжный правопорядок и надёжная технология. В этом смысле профессиональная справедливость — это очень важно. Потому что если в машине не работает одно какое-то маленькое звено — вся машина не будет работать. В ней все детали и звенья должны быть чётко подогнаны друг к другу.

А как нам быть со справедливостью в человеческом обществе? Кто нам дал сегодня основания для социальной справедливости? Американцы? Те, кто сбросил на несчастный народ две атомные бомбы и снимал на камеры, как мучаются эти люди? Это что за справедливость? Или те, кто испытывал на вьетнамском народе, в том числе и на детях, все виды оружия на протяжении десятилетия? Это что за справедливость? Или те, кто повесил Саддама Хусейна, а через некоторое время сказал: «Мы ошиблись»? Это что за справедливость?

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НАУЧНАЯ ИСТИНА

Сегодня наука претендует на некую «истину». Мы видим сегодня научное образование, научное здравоохранение, мы видим присутствие науки в политике. Рядом с политическими деятелями сегодня есть люди науки, которые говорят: «Я провёл исследования и пришёл к такому и такому выводу». Но могут ли сегодня люди, называющие себя учёными, ведомства, называющие себя наукой, отрасли, скажем так, человеческого поведения, которые называют

себя научным сообществом, исходить из того, что они обладают последним словом истины?

Мы знаем, что наука многое нарушила в понимании справедливости и истины. Потому что правдой может быть только Божья правда. Когда нет правды природной среды и правды Божьей, то о какой справедливости мы можем говорить? И вот когда мы сегодня видим, что достижения науки идут в первую очередь в военную область, когда достижения науки сегодня разрушают природную среду, когда основой для функционирования научно-индустриальной цивилизации являются природные ресурсы, которые уже никогда не возобновятся, так называемые невозобновляемые ресурсы (нефть, газ, алмазы, вольфрам, молибден и т.д.), то можем ли мы сказать, что в научной справедливости есть правда? Думаю, что нет. Думаю, что без нравственности и без того духа, который несёт божественная справедливость, — ничего не получится.

И я опять вспомню об этих бомбах на Хиросиму и Нагасаки и о Вьетнаме как полигоне испытания высших научно-технических достижений, потому что всем ясно, что это воплощённая несправедливость.

ЛИЧНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЗАКОН ЛЮБВИ

Есть справедливость чисто человеческая, иногда даже эгоистическая справедливость: «Я так хочу!» Но это когда человек отдельно. А как же все, кто вокруг нас?

Вспоминаю, как моя мать говорила мне: «Придёт сегодня вечером отец и скажу ему, как ты себя вёл!» Я умолял свою мать, говоря: «Мама, только отцу ничего не говори!» Потому что отец и мать меня пальцем в своей жизни не тронули. Мой отец имел семь ранений и прошёл войну от начала до конца, участвовал в Ржевских сражениях. Он никогда не курил, не попробовал даже, что такое

никотин, это был удивительной чистоты человек. И огорчить родителей для меня было высшей несправедливостью, какая только могла быть.

Когда мы говорим о высшей справедливости, о подлинной справедливости, то мы вводим другое по отношению к эгоистическому представлению: «А прав ли я или не прав в своём поведении? Справедливо ли я поступаю?»

Ответом на этот вопрос может и должен стать закон любви. Что такое закон любви? Это служение одного человека другому, безответное, творческое и жертвенное. Это умение понимать другого человека, умение ценить другого человека. Это служение другому человеку — тем делом, тем профессиональным началом, которое тебе дано, а также и тем патриотическим началом, что в тебе есть. Но первым фундаментом является православие, которое и даёт нам высшую, от Бога, справедливость.

Христос, которого приговорили к смерти, — не отказывался от этого: «Если вы считаете, что так нужно со мной поступить, — ну что ж, поступайте!» Но когда его били по ланитам, когда наносили ему раны — он вопрошал их: «В чём я нарушил закон? Скажите мне, если я нарушил закон. Я всегда говорил всё в храмах открыто. Я никогда не говорил тайно. Если я нарушил закон в чём-то — скажите, в чём я нарушил. Но если нет, то как же вы, охранители закона, сами нарушаете закон?»

В чём выражается справедливость людей, которая не соизмеряется с высшей справедливостью и законом любви? В их эгоизме. Они хотят поступать «вот так». Они хотят своё поведение реализовать «вот таким образом». И их не волнует, какая у других справедливость. Мы видели вот этих девочек, которые пришли в храм и там, танцуя перед алтарем, показывали свою справедливость. И они через это выявили огромное количество людей, которые их поддерживали и говорили: «Они имеют право на такую вот справедливость!» А они зашли в святая святых и совершили нечто, что противоречит той справедливости, что совершается в храме, — из века в век, из тысячелетия в тысячелетие.

О НАЦИОНАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Так же и национальная справедливость без закона Бога — это очень опасная справедливость. Ведь каждая нация может считать: «Мы справедливы». Но мы знаем, что нация состоит из личностей. А вот когда национализм основан на фундаменте объективной религии, каковой является христианство, — тогда совершенно другое дело.

И тут мы обращаемся уже к Фёдору Михайловичу Достоевскому с его потрясающим симбиозом: «Русский — значит, христианин». Я многим людям говорю: «Смотрите, есть, например, имя существительное: американец, грузин, армянин, швед. А здесь — русский! Какой? Это — качество человека». Получается, это не просто этнос. Нужно еще войти в «состояние» русского. И многие немцы, которые жили в России, себя считали русскими. Или, например, удивительные художники, которые были евреями, говорили: «Да, я еврей, но я и счастливейший человек, потому что я принадлежу к русской культуре».

ЗАПРЕДЕЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ЖЕРТВЫ

Есть и ещё одна справедливость, но уже какого-то потрясающего, запредельного уровня.

Любимейший человек в Сербии — святитель Николай Сербский, святой человек. А теперь уже и не только в Сербии, но и в России. И вот, когда мы недавно были с Изборским клубом в Сербии, как только я упоминал имя святителя Николая Сербского — все приходили в такое удивительное, торжественное состояние.

И вот этому святителю Николаю ещё при его жизни один епископ задал вопрос: «Владыка, а за что так Бог наказал Россию, что в 17-м году произошла такая жестокая революция, которая унесла столько людей?» На что владыка Николай сказал: «А почему ты решил, что Бог наказал Россию и её народ?»

Вдруг — совершенно такой феноменальный подход, феноменальное толкование этих страшных событий. Святитель Николай сказал: «В мире накопилось к этому времени столько зла, что, может быть, мир уже не имел права на дальнейшее существование, и только русский народ, только Святая Русь могла взять на себя вот эту жертву за грехи всего человечества, которое уже уклонилось от пути Бога». То есть русский народ был отдан в жертву. Вот такая справедливость, совершенно другого характера, чем то, о чём мы обычно думаем!

И дальше святой старец добавил: «Да, много ещё предстоит ему перенести в этой земной жизни, но через эти скорби, через эти трагедии, через эти катастрофы, которые ему придётся перенести, русский народ выйдет ещё более святым и более чистым, чем был до 17-го года».

Вот такая участь в промысле Божиим нашего народа. И это — высшая справедливость!

Пройдя через такое очищение, через такую жертву, пройдя через такие невзгоды, пройдя

Идея справедливости давала нам сознание, что мы правильно живём. А правильно — это означает праведно живём на этой земле, потому что мы никогда никого не трогали, мы не отнимали ни у кого никаких земель, мы никого не делали своими рабами, мы не имели никаких колоний.

через очередную, сегодняшнюю ненависть к нам правителей мира, по крайней мере большинства из них, должно родиться в народе что-то новое.

Отрицать эту жертву, не принимать её во внимание могут только «порождения ехиднины», о которых говорится в Евангелии. Они, будучи злы, не могут, по слову Спасителя, говорить доброе, пока не совершат покаяние.

Я думаю, что должны сформироваться основания для вхождения вот в эту нашу объективную справедливость, которая всегда была для нас движущей силой. Идея справедливости давала нам сознание, что мы правильно живём. А правильно — это означает праведно живём на этой земле, потому что мы никогда никого не трогали, мы не отнимали ни у кого никаких земель, мы никого не делали своими рабами, мы не имели никаких колоний. И мы тем же узбекам, казахам, молдаванам, тем же прибалтийцам дали такую свободу, такую возможность реализовать себя, показать лучшие качества своего народа, которую им вряд ли кто ещё дал бы.

Да та же Украина — когда мы увидели эту Украину? Где она была на карте? И вдруг советская власть даёт ей самостоятельность, даёт ей язык и все атрибуты нации. И этот народ сегодня, безусловно, утратил меру справедливости. Сегодня они сбрасывают памятники того человека, который дал им эту свободу и дал им возможность этой самостоятельности, «самостийности».

Слово «справедливость» — это не только «правда». Здесь есть ещё и корень «веды», «ведать». А «ведать» — это «знать». Отсюда и древнее арийское слово «веды». Это больше, чем знание, это видение будущего, видение истины, которое мы, как правило, не можем осязать. Поэтому и высшая справедливость так трудна для человека.

Тема справедливости — удивительная тема, которая заслуживает внимания, особого объяснения и понимания. И вот что получилось из рассуждений об этой теме, об этом удивительном слове, к которому, возможно, с сегодняшнего дня я отнесусь с гораздо большим вниманием и пониманием.

Благодарю вас за приглашение к этой беседе.

/ Диакон Владимир ВАСИЛИК /

«Раздай имение свое...»

*(актуальность воззрений на социальную
справедливость и частную собственность
преподобного Симеона Нового Богослова)*

Достаточно трудно анализировать социальные взгляды святого отца, отрекшегося от мира и всецело посвятившего себя Богу. Однако из ряда высказываний преподобного Симеона Нового Богослова можно сделать весьма существенные выводы.

С одной стороны, преп. Симеон не сомневается в устоях Ромейской монархии и в законности общественного устройства. Но он подвергает нелицеприятной критике конкретных представителей социума. Особенной силы его обличения достигают в 58-м гимне «Общее наставление с обличением ко всем: царям, архиереям, священникам, монахам и мирянам».

*О, люди! Цари и все сильные мира,
Священники, архиереи, монахи
И люди всех званий, чинов и сословий,
Послушать меня не сочтите излишним,
Мой голос услышьте и слову внимайте,
Хоть я человек совершенно ничтожный.
Откройте мне уши сердец ваших, люди,
Услышьте, познайте, что Бог говорит вам —
Бог всех неприступный, един Вседержитель,
Предвечный, Который рукою содержит
Всю землю и всё, что на ней существует.*

Св. Симеон здесь достигает настоящей пророческой высоты и как бы продолжает служение древних пророков — Илии, Исаяи и Иеремии. Как и они, преподобный говорит от лица Самого Господа, «сотворшаго небо и землю». И темы его обличения во многом совпадают с пророческими. Это — не только нечестие, но и социальная неправда. Во-первых, он обращается к царям:

*Цари! Хорошо, что ведёте вы войны
С народами дикими, если при этом
Вы сами языческих дел не творите,
Обычаев, нравов, советов, решений,
В делах и словах если вы не отвергли
Меня, всех Царя и Владыку вселенной.
Но лучше б вам было блюсти Мое слово
И, строго храня все Мои повеленья,
В блаженнейшей бедности жить безмятежно!
Что пользы страну защищать вам от рабства,
Самим же всегда оставаться рабами
Страстей и пороков и бесов лукавых,
Своими делами себе уготовав
Огонь нестерпимый и вечную муку?
Все те хороши и дела, и поступки,
Что ради Меня человек совершает
И ради любви и из милости к ближним.*

*Но прежде себя пусть помилует каждый,
Слова Мои все соблюдать пусть стремится,
Всегда принося покаянье от сердца
Во всё, что, конечно, им сделано раньше,
И не возвращаясь к подобным поступкам.
Всегда пусть в словах пребывает Владыки,
В Моих повеленьях и строгих законах;
Пусть всё соблюдает он даже до смерти,
Ни словом одним, ни единой чертою
Из книг и Писаний не пренебрегая.
Вот это — Мне жертва, вот это — дары Мне,
И благоухание и приношение:
Без этого вы — всех язычников хуже!*

Может быть, эти стихи являются замаскированной критикой военной политики царя Василия II Болгаробойцы, которая характеризовалась чрезвычайной активностью и даже агрессивностью, но при этом была в основном направлена против христианских народов — грузин, армян и болгар. Понятно, что болгары нападали на пределы империи, но возмездие им со стороны Василия II трудно назвать адекватным, в особенности ослепление 14 000 пленных болгар после Беласицкой битвы 1014 г.

Однако, как кажется, его обличения всё же имеют в виду конкретного адресата. Скорее всего, это не император Василий II, имелся в виду его соправитель — Константин VIII (963–1028), который, не желая заниматься государственными делами, предавался всяческим удовольствиям и забавам, к чему был склонен по легкомыслию. Возможно, к нему относятся эти строки:

*Что пользы страну защищать вам от рабства,
Самим же всегда оставаться рабами
Страстей и пороков и бесов лукавых,
Своими делами себе уготовав
Огонь нестерпимый и вечную муку?*

Характерно, что внешнеполитический идеал преп. Симеона — умеренность и миролюбие.

*Но лучше б вам было блюсти Моё слово
И, строго храня все Мои повеленья,
В блаженнейшей бедности жить безмятежно!*

Речь здесь, безусловно, не идёт о необходимости царям отречься от престола и уходить в монахи или отказываться от защиты Ромейской империи. Речь здесь, очевидно, идёт о другом: о завоевательных войнах, приносивших богатую добычу и обогащавших как войско, так и царя, которому причиталась 1/6 часть добычи.

В противовес идее агрессивной войны как способа наживы преп. Симеон выдвигает идею честной и добровольной бедности, связанной с миром. Не исключено, что он являлся сторонником «покупки» мира путём выплаты денежных сумм варварам. В своём миролюбии он отражает известную традицию имперского миролюбия, выражавшуюся, в частности, и в творениях свят. Иоанна Златоуста, в «Послании св. патриарха Фотия к князю Борису», в письмах Николая Мистика и, наконец, в богослужебной поэзии.

В других местах преп. Симеон ещё более категоричен относительно завоевательной политики византийских императоров. В пятом огласительном слове, обращаясь от имени Христа к царям, он сатирически именуется их *κοσμοκράτορες* και *μωκοκράτορες* — «миродержцы и единодержцы»: «Почему вы не были подражателями Давиду и подобными ему? Или, может быть, вы считали себя более славными и богатыми, чем они, потому не захотели смириться перед Богом? Жалкие и несчастные, вы, будучи тленными и смертными, захотели стать единодержцами и миродержцами, *μωκοκράτορες* και *κοσμοκράτορες*. И если только находился кто-нибудь в другой стране, не же-

лающий вам подчиниться, вы превозносились над ним, как над вашим ничтожным рабом, и не выносили его подчинения, хотя и он был таким же, как и вы, рабом Божиим, и у вас не было никакого преимущества перед ним. А Мне, вашему Творцу и Владыке, вы не хотели подчиниться... Разве вы не слышали, как Я говорил: «Желающий у вас быть первым да будет самым последним рабом и служителем всех»? Как вы не боялись впасть в гордость от этой пустой славы и стать преступниками этой Моей заповеди? Но вы презрели Мои заповеди, как будто это были заповеди одного из отверженных и слабых...»

Как справедливо отмечает владыка Василий (Кривошеин), св. Симеон обвиняет царей в нарушении заповедей Господних, в гордости и властолюбии, в восстании на Бога и нежелании смириться перед Ним. Как опять-таки он верно замечает, слово *κοσμοκράτορες* невольно напоминает слова св. апостола Павла о «миродержцах тьмы века сего, духах злобы поднебесной» (Еф. 6, 16).

Отметим более важную вещь. Здесь, в принципе, отвергается вселенский проект Ромейской империи как единственной державы в мире, рядом с которым нельзя терпеть ни-

какого независимого государства, в лучшем случае рядом возможны вассальные владения. Эта идея согласно преп. Симеону связана с гордыней и является богопротивлением. Преп. Симеон ясно видел опасности этой теории: она подразумевала бесконечную войну: в идеале — до конца вселенной.

Что касается неправых «советов» и «решений», то, казалось бы, политика Василия Болгаробойцы была направлена на укрепление среднего слоя, и прежде всего — стратиотов, воинского ополчения и его имущественного обеспечения, прежде всего — недвижимостью. Характерна его новелла 996 года, которая отменяет срок исковой давности по поводу незаконно отторгнутых имений. Однако тем не менее в его правление вспыхивали восстания на окраинах империи: в Армении, в Италии и в других местах. Связаны они были с тяжёлым налоговым бременем и несправедливостями при его взимании¹. Возможно, что «неправые советы и решения» связаны с подавлением этих восстаний и той социальной несправедливостью, которую преп. Симеон видел в жизни.

Глубоки и значимы те мысли, которые преп. Симеон выражал относительно частной собственности и социального неравенства в «Девятом огласительном слове»: *«Существующие в мире деньги и имения являются общими для всех, как свет и этот воздух, которыми мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом всё является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор (τύραννος), разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила всё оградями и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. Эта бесстыдница утверждает, что она является владельницей всего этого, и спорит, что она*

не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было. С другой стороны, слуги и рабы этой тиранической страсти становятся не владельцами вещей и денег, полученных ими по наследству, но их дурными рабами и хранителями. И если они, взяв что-нибудь или даже всё из этих денег, из страха наказаний или в надежде получить сторицею, или склонённые несчастьями людей, подадут находящимся в лишениях и скудости, то разве можно считать их милостивыми или напитавшими Христа, или совершившими дело, достойное награды? И в коем случае, но, как я утверждаю, они должны каяться до самой смерти в том, что они столько времени удерживали (эти материальные блага) и лишали своих братьев пользоваться ими»².

С одной стороны, идея об общности материальных благ для всех людей присуща и античной мысли, в частности — стоической. С другой стороны, для монашеского и христианского сознания в целом она имеет твёрдую библейскую основу: «Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущие на ней» (Пс. 23, 1). Представление о том, что социальное и имущественное неравенство не является изначальным состоянием человека, а является результатом грехопадения, присуще и библейской, и святоотеческой традиции.

Особенно значимы слова св. Иоанна Златоуста. «Не потому вредно для вас богатство, что оно вооружает против вас разбойников и совершенно помрачает ум ваш, — говорил Златоуст, — но более всего потому, что делает вас пленниками бездушного имения, удаляет вас от служения Богу»³ ... Как отмечает о. Георгий Флоровский, здесь вскрывается противоречие: дух стяжания привязывает к вещам, а Бог научает презирать их и отречься⁴. «Не только попечение о снискании богатства вредно, но и излишняя заботливость о вещах самых нужных»⁵, — напоминает Златоуст. «Христос, показав всяческий вред от пристрастия к богатству, простирает своё повеление и дальше. И не только повелевает презирать богатство, но запрещает заботиться и о лучшей пище:

¹ Дашевский Д. Императоры Византии. М, 1996. С. 150.

² Огласительные слова. 9. Перевод даётся по изданию: «Архиепископ Василий Кривошеин. Преподобный Симеон Новый Богослов и его отношение к социально-политической действительности своего времени // Архиепископ Василий Кривошеин. Богословские труды. Нижний Новгород, 1996. С. 246–247.

³ Св. Иоанн Златоуст. Беседа 21 на Евангелие от Матфея (6, 24).

⁴ Прот. Георгий Флоровский. Византийские отцы IV в. Париж, 1933. С. 233.

⁵ Беседа 21 на Евангелие от Матфея. 2.

Преп. Симеон не требует отмены законов, оправдывающих социальное неравенство. Он делает больше: вынимает из-под них их духовную, нравственную основу, по сути дела, делегитимизирует их. Для него право собственности, священная корова современного мира, — не более чем бесстыдница и узурпатор, тиран, незаконно захвативший общее имущество.

«не пецытесе душею вашу, что ясти»⁶ ... Этим не исчерпывается вопрос: «Недостаточно презирать богатства, — говорит Златоуст, — а нужно и напитать нищих, а главное — последовать за Христом»... О. Георгий замечает далее: «Так вскрывается новое противоречие: мирскому пафосу стяжания, накопления, пафосу хранения вещественных благ противостоит евангельская заповедь: раздай нищим... В таком плане с особой яркостью открывается неправда мира, неправда социального неравенства: пред лицом нищеты и горя всякое богатство несправедливо и мертво, как свидетельство о жестокости сердца, о нелюбви»⁷.

Преп. Симеон не требует отмены законов, оправдывающих социальное неравенство. Он делает больше: вынимает из-под них их духовную, нравственную основу, по сути дела делегитимизирует их. Для него право собственности, священная корова современного мира, — не более чем бесстыдница и узурпатор, тиран, незаконно захвативший общее имущество. По сути дела, преп. Симеон объявляет безнравственным любое богатство, даже то, которым пользуются разумно и умеренно и часть его уделяют на нищих, и даже считает богатых благотворителей преступниками, потому что они столько времени скрывали то, что давно должны были раздать. В связи с этим вспоминается житие Алексия, человека Божия, который неузнанным нищим вернулся в дом своих богатых и благочестивых родителей и претерпел полуголодное существование на подачки своего отца Евфимиана, а от своих прежних слуг — поношения и унижения. Эта история показывает, что даже благочестивый богач не в силах преодолеть зловредные последствия богатства, в т. ч. духовную глухо-

ту и слепоту, и реально облегчить бедствия ближних.

Преп. Симеон дерзновенно бичует не только светских, но и духовных властителей. Особенно он обрушивается на коррупцию и симонию в Церкви:

*Кто мог бы сказать дерзновенно, что славу
Земную презрел и священство воспринял
Лишь ради небесной Божественной славы?
Кто только Христа возлюбил всей душою,
А золото всё и богатство отринул?
Кто скромно живёт и доволен немногим?
А кто никогда не присвоил чужого?
Кого же за взятки не мучает совесть?
И кто не старался при помощи взятки
Сам стать иереем и сделать другого,
Купив и продав благодать и священство?
Кто в сан не возвёл недостойного друга,
Ему пред достойным отдав предпочтение?
А кто не хотел бы епископским саном
Друзей наделить, чтоб в епархиях чуждых
Во всём обладать и влиять, и властью?
Но это обычным считается делом
И даже безгрешным у тех, кто вмешаться
Хотят непременно в дела всех епархий.*

К сожалению, коррупция была обычным делом в Константинопольском патриархате. Пятое правило VII Вселенского собора свидетельствует о вопиющей практике хвастовства покупкой должностей и сана и предписывает извергнуть и купившего сан, и поставившего его: «да отсечётся совсем от общения, яко Симон волхв Петром». По-видимому, к концу X — началу XI веков ситуация не улучшилась.

Св. Симеон отрицает за такими епископами действительность таинства евхаристии:

*Но Я говорю о епископах многих,
Чья жизнь не похожа на их назиданья,
И кто Мои страшные тайны не знают
И мнят, что Мой огненный хлеб они держат,
Но хлеб Мой они, как простой, презирают,
И думают, будто кусок они видят
И хлеб лишь едят, а невидимой славы
Моей совершенно увидеть не могут.
Итак, из епископов мало достойных.*

По мнению преп. Симеона, именно из-за коррупции епископат частично потерял свою благо-

⁶ Беседа 21 на Евангелие от Матфея. 2.

⁷ Прот. Георгий Флоровский. Византийские отцы IV в. С. 234.

датность, в частности, — право разрешать грехи: *«По прошествии времени достойные растворились среди недостойных, смешались с ними и скрылись под большинством, один у другого оспаривая первенство и притворяясь добродетельными ради председательского места. Ибо с тех пор, как воспринявшие престолы апостолов оказались плотскими, сластолюбивыми, славолубивыми и склонными к ересь, оставила их божественная благодать и власть эта (т. е. отпущения грехов) отнята от таковых. Поэтому, так как они оставили всё другое, что должны иметь священнодействующие, одно только требуется от них — хранить православие. Но, думаю, и это они не соблюдают, ибо не тот православный, кто не вносит новый догмат в Церковь Божию, но тот, кто имеет жизнь, согласную с правым*

*учением»*⁸. Поэтому, по мнению преп. Симеона, дар отпускать грехи перешёл к монашеству.

На этом фоне можно понять ещё более жёсткое высказывание преп. Симеона: *«Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, и сделать нас повинными вечному наказанию и осуждению»*⁹.

А теперь — ключевой вопрос: как это относится к нашему времени? Всякое историческое и богословское исследование не должно быть только удовлетворением любопытства исследователей или даже почтеннейшей публики. *Historia est magistra vitae* (История есть наставница жизни). И в наше время эти слова

⁸ Преп. Симеон. Послание об исповеди // Преподобный Симеон Новый Богослов. Преп. Никита Стифат. Аскетические сочинения. СПб. 2007. С. 87. Стоит отметить, что в известном смысле преп. Симеон прав: архиереи, особенно в Русской Православной Церкви, практически не исповедуют, и поэтому народ за редкими исключениями не воспринимает их как старцев и духовных руководителей. В них видят скорее возглавителей литургии и администраторов, реже — проповедников.

⁹ Огласительные слова. 9. См. Архиеп. Василий Кривошеин. Указ. соч. С. 246.

преп. Симеона, как и святителя Иоанна Златоуста, нужны как воздух.

Во-первых, его идеи общности имущества как Богом данного общего достояния. *«Существующие в мире деньги и имущества являются общими для всех, как свет и этот воздух, которыми мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом всё является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит».* Между тем сейчас эта идея (как и её носители) подвергается шельмованию и осмеянию. Более того, истребляются последние возможности для общего пользования природными ресурсами, данными нам Богом. Закон о земле, принятый в 2001 году, без преувеличения является преступным. Если ранее в российском законодательстве худо-бедно удерживалась прежняя социалистическая парадигма: «Земля принадлежит тому, кто её обрабатывает», — то теперь российское общество окончательно перешло на капиталистическую парадигму, основанную, в конечном счете, на римском праве: «Земля принадлежит тому, кто ее захватил либо оформил титул владения, и он может делать с ней всё, что хочет». Результаты подобного, с позволения сказать, правосознания катастрофичны. Почти окончательно разрушен продовольственный пояс, который некогда окружал Санкт-Петербург: земли сельскохозяйственного назначения щедро продаются и раздаются под коттеджи, деньги на которые зачастую получены преступным путем — через воровство, денежные махинации, наркоторговлю. О продовольственной безопасности говорить уже не приходится. Один из вопиющих случаев: земли Санкт-Петербургского института растениеводства в своё время собирались передать под частную застройку. Между тем для того, чтобы подготовить почву для опытных образцов, требуется минимум восемьдесят лет. Уничтожается почти столетний труд, и не только он: без постоянного пересеивания, без обновления погибнут уникальные коллекции семян, которые сотрудники института ценой своей жизни спасали в блокаду. Это — народная кровь, продовольственная безопасность России, её достояние. Более того — достояние всего человечества, сосредоточенный опыт сотни учёных и зеркало творческой премудрости и силы Творца. Но всё это ничтожно в глазах нескольких взяточников и нескольких десятков нуворишек. Они живут по бандитскому принципу: «Хочу жить и наслаждаться. На всех осталь-

ных и на всё — наплевать». Но их прикрывает принцип частной собственности — священная корова демократического миропорядка.

Что происходит с нашими недрами, которыми Бог благословил Россию? Раньше, в социалистические времена, доходов от их эксплуатации хватало на весь Союз, на социалистические страны, на страны третьего мира. После 1991 г. мы презрительно отбросили все обязательства и пред вторым и третьим миром, и пред собственными бывшими окраинами: «Нечего-де кормить и плодить нищету». И что же? Стали ли мы от этого богаче и счастливее? Да нет, нисколько. Разбогатело 8–10% населения, остальные стали ещё беднее, чем были при социализме. А отчего? Оттого, что прежняя государственная собственность на недра стала принадлежать реально олигархам (пусть и под стыдливым фиговым листком «аренды»). И в результате, отказавшись кормить бедных по Христовой заповеди, мы по-холуйски и холопски стали кормить богатых — нашу народную кровь, будущее наших детей позорно гнать на Запад для умножения здесь и там греха. «Для свинных причуд» капитализма. Российского и западного. А между тем отцы (а чаще теперь — матери) семейств зачастую не имеют возможности по-человечески содержать семью и вынуждены идти на тягчайший грех — аборт, детоубийство во чреве матери. Оттого, что кому-то хочется иметь лишнюю виллу на Лазурном Берегу или яхту. И в результате Россия тонет в детской крови, русский народ лишается своего будущего и навлекает на себя гнев Божий.

Надеюсь, из этих примеров и рассуждений понятно, почему преподобный Симеон считал частную собственность в конечном счёте порождением дьявола.

Подведём итоги. Преп. Симеон Новый Богослов, не выступая политически против государственных и общественных институтов, даёт им духовно-нравственную оценку с подлинно христианской точки зрения. Он бичует человеческую гордыню, немилосердие, стяжательство, жадность. Для него неприемлема агрессивная внешняя политика, прикрываемая доктриной всемирной империи. Частную собственность он, в конечном счёте, считает порождением дьявола и одной из причин коррупции в Церкви, в результате которой епископат частично утрачивает свою благодатность. И все эти мысли в высшей степени актуальны в наше злое, корыстное и лукавое время.

/ Олег ПЛАТОНОВ /

Духовная ось Русского мира

Уже в скифский период у древних славян зарождаются основы духовной цивилизации, прослеживаются поклонения добрым началам жизни, стремления к самоуправлению и общинности, нестяжательству, презрение к богатству. Греческий учёный Страбон отмечает характерные черты славян: добротолубие (любезность), справедливость и простоту.

Именно следование справедливости привело восточных славян к принятию христианства, ибо славяне ещё задолго до крещения фактически жили по заповедям Нового Завета. В понятии восточных славян справедливость — одна из семи человеческих добродетелей, сложное моральное понятие, означающее совершение поступков по правде, по совести, по закону.

В православном понимании справедливость — прежде всего совершенное следование заповедям Божиим. В «Изборнике 1076 г.» справедливость объясняется так: «Творящим добро воздай почёт, творящих зло наказывай. Не оправдывай виновного, даже если он и друг тебе, не обижай правого, даже если он и враг тебе». Справедливость в понятиях Святой Руси осуществляется не просто стремлением к справедливости, а любовью. Для того чтобы быть справедливым, надо быть самоотверженным, то есть как бы несправедливым к себе. В сборнике «Пчела» (к. XII — н. XIII) говорится: «Человек справедливый не тот, кто не обидит, а который мог бы обидеть и не захотел».

Это же понимание справедливости проводится у русских мыслителей и более позднего времени. «Справедливость в нравственном смысле, — пишет В. С. Соловьев, — есть некоторое самопожертвование; ограничение своих притязаний в пользу чужих прав. Справедливость не есть простое равенство, а равенство в исполнении должного».

«Справедливость — доблесть избранных натур, правдивость — долг каждого порядочного человека» (В. О. Ключевский). «Справедливость есть моральная уверенность. Следовать в физическом мире правилу — ничего лишнего — есть умеренность, в моральном — справедливость. Справедливость есть крайняя мера добродетели, к которой обязан всякий. Выше её — ступени к совершенству, ниже — порок» (Л. Н. Толстой).

Справедливость — главная среди добродетелей: она уравнивает все человеческие достоинства и формирует добродетель, которая в понятиях Руси — направленность разума и воли человека к добру, внутреннее желание творить добро. В православном сознании

обычно существует семь основных добродетелей — вера, надежда, любовь, мудрость, мужество, справедливость и воздержание. Добродетель ведёт к спасению и блаженству. Высшая добродетель — в полном самоотречении ради спасения ближних. «Не место может украсить добродетель, но добродетель место» («Пчела», XII–XIII вв.). «Беспорочность поставляет себе правилом не делать того другому, чего бы не пожелал себе. Добродетель распространяет это правило гораздо далее и велит делать то другим, чего бы пожелал себе» (Д. И. Фонвизин).

Справедливость — необходимое условие добротолубия — одного из основополагающих понятий русского мировоззрения. Основы добротолубия излагаются ещё в «Изборнике» 1076 г. Его составитель Иоанн Грешный вопрошает: «Что есть воля Божия, что требует Небесный Царь от земных людей?» И отвечает: милостыни и добра. Благочестив не тот, кто проводит время в постах и молитвах, но кто добродетелен в жизни, творит благо ближнему, праведная вера обязывает прежде всего служить людям. Это и есть милостыня Богу, исполнение его просьбы. Это противопоставление обрядовой стороны православия и его сущности несло в себе известный соблазн, бывший следствием языческого периода, когда те же самые идеи воплощались вне христианского обряда. Православие укрепило культ добротолубия, освятив и усилив лучшие черты русского народа.

В сборнике житейской мудрости «Пчела», одной из любимых книг русского человека с XII по XVIII в., идеи добротолубия занимают также главное место. Человек должен стремиться к совершению благих дел. Православный, не совершивший при жизни добра, умирает не только телом, но и душой. Пагубен не только грех, но и отсутствие добрых дел. Человек должен быть добродетельным и праведным, а не лукавым и злым, постоянно проводить границу между добром и злом, вытесняя зло, и таким образом он становится равным Богу (конечно, в моральном смысле).

На Руси православное христианство стало добротолубием, вобрав в себя все прежние народные взгляды на добро и зло и оптимистическую веру в добро и справедливость. Соединив нравственную силу дохристианских народных воззрений с мощью христианства, русское православие обрело невиданное нравственное могущество в сердцах и душах русских людей. Вера в Бога как в Добро и Справедливость

В понимании справедливости у русских обязательным условием, согласно которому она может осуществиться, претвориться в жизнь, является сочетание духовно-нравственных ценностей русского народа — жить по совести и правде. Причём юридические основания не являются главными в осуществлении справедливости.

и путь к Богу через Добро и Справедливость пронизывают русское национальное сознание, отражаясь, в частности, в сотнях народных пословиц и поговорок, посвященных теме добра: «Без добрых дел вера мертва пред Богом», «С Богом пойдёшь — к добру путь найдёшь», «Кто добро творит, тому Бог оплатит», «За добро Бог плательщик», «Кто добро творит, того Бог благословит», «Не хвались родителями, хвались добродетельми», «Богу — хвала, а добрым людям — честь и слава», «Не стоит город без святого, селение без праведника», «Добрым путём Бог правит», «Доброму Бог помогает», «Доброхотна деятеля любит Бог», «Добро добро покрывает», «Любящих и Бог любит», «Кто любит Бога, добра получит много».

Понятия добра и зла, что хорошо, что плохо, понятие справедливости составляют жизненный кодекс русского человека. «Жизнь дана на добрые дела», — говорит он. «Живи так, чтоб ни от Бога греха, ни от людей стыда», «Доброе дело и в воде не тает», «Доброе дело крепко», «Доброе дело навек», «Доброму делу не кайся», «Добро не умрёт, а зло пропадёт», «Добрые умирают, да дела их не пропадают», «Все любят добро, да не всех любит оно», «Все хвалят добро, да не всех хвалит оно», «Добро наживай, а худо избывай», «Доброго держись, а от худого удались», «К добру гребись, а от худы отпихивайся», «Доброго не бегай, а худого не делай», «За добро постоим, а на зло настоим», «Молись, да злых дел берегись», «Кто зла отлучится, тот никого не боится», «Отыди от зла и сотвори благо», «Сей добро, посыпай добром, жни добро, одевай добром», «Кто доброе творит, того зло не вредит», «Дей добро и жди добра», «Нам добро, никому зло — то законное житьё», «Нам добро — и всем таково — то законное житьё», «Люблю того, кто не обидит никого».

На Руси существовал настоящий культ доброго и справедливого человека. «В них вера крепка», — говорили о людях, делающих добро, поступающих справедливо.

«Доброму везде добро», «Праведен муж весь день ликует», «За доброго человека сто рук», «Добрый человек надёжнее каменного моста», «Добрый человек добру и учит», «Доброму человеку — что день, то и праздник», «Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу», «Добрый скорее дело сделает, чем сердитый», «Добрый человек в добре проживёт век», «Сам потерпи, а другого не обидь», «Лучше в обиде быть, нежели в обидчиках», «Лучше самому терпеть, чем других обижать», «Лучше мучиться, чем мучить», «С добрым жить хорошо», «С доброхотом всякому в охотку», «Доброму — добрая память», «Добрым путём Бог правит», «Доброму Бог помогает», «Добро Богу приятно, а Царю угодно», «Доброму ангелу небесные радуются», «Кто добро творит, тому Бог оплатит» (или «того Бог благословит»), «Кто добрых людей не слушает, тот Богу спорник», «Злой не верит, что есть добрые люди», «Тьма свету не любит — злой доброго не терпит», «Злому человеку не прибавит Бог веку», «Худо тому, кто добра не делает никому», «Кто за худым пойдёт, тот добра не найдёт», «За худом пойдёшь — не добро найдёшь».

В понимании справедливости у русских обязательным условием, согласно которому она может осуществиться, претвориться в жизнь, является сочетание духовно-нравственных ценностей русского народа — жить по совести и правде. Причём юридические основания не являются главными в осуществлении справедливости. Только совесть и правда могут обеспечить справедливость в жизни. Для осуществления справедливости в России XVIII в. Екатериной II были созданы совестные суды. Они судили не только на основании одних законов, но по «естественной справедливости». Им предписано было руководствоваться в своих решениях «человеколюбием, почтением к особе ближняго и отвращением к угнетению».

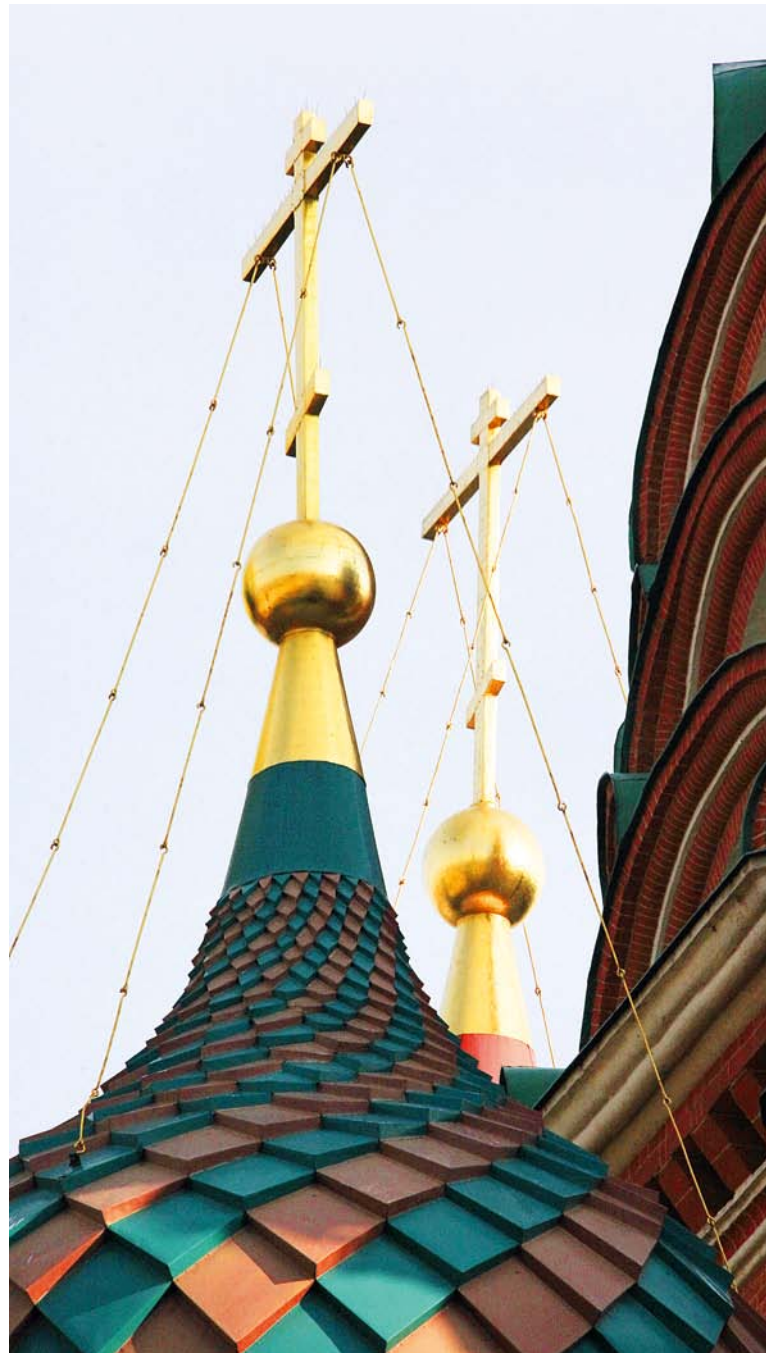
Совестные суды состояли из судьи и шести заседателей, по два от сословий: дворянского, городского и сельского; заседатели последних двух сословий не принимали участия в решении дел, касавшихся одних дворян. В совестный суд поступали: а) тяжбы, по которым сами спорящие обращались к разбирательству; б) переданные из других судебных мест уголовные дела, в которых усматривались смягчающие обстоятельства (преступления о безумных или малолетних и дела о колдовстве). Разбор гражданских дел в совестном суде имел примирительный характер; сначала судьи требовали от тяжущихся указания на средства

к примирению; если невозможно было их согласовать, им предлагали избрать посредников, по одному или по два от каждой стороны. Посредники присоединялись к совестному суду и вместе с ними изыскивались средства к примирению тяжущихся; если посредники были одного мнения, то совестный суд утверждал их соглашение, в противном случае предлагали им своё собственное мнение, а при несогласии посредников с этим мнением оно предлагалось самим тяжущимся; если они не мирились, их отсылали к обыкновенным гражданским судам. Апелляция приносилась высшему совестному суду только по делам уголовным. Совестные суды сохранялись в русском законодательстве до самого введения судебных уставов¹.

Причиной ликвидации совестных судов в России была либеральная реформа Александра II, переведшая законодательство России на новые рельсы. Западное законотворчество основывалось на формальном понимании справедливости (equity) и сводило её к категориям юридического права. Понятие же совести в соблюдении справедливости фактически не принимается в расчёт.

В России совесть наряду со стремлением к правде была важнейшим условием справедливости. Совесть — внутренний духовно-нравственный закон русского православного человека. Она является особой формой выражения таких основополагающих понятий православного христианства, как любовь к ближним, нестяжательство, добротолубие, правда и, конечно, справедливость. Совесть свидетельствует о богоподобии человека и необходимости исполнения заповедей Божьих. По словам премудрого Сираха, Бог положил око Своё на сердца людей (Сир. 17;7). Как внутреннее божественное состояние, совесть неподкупна, с ней нельзя договориться. После совершения дурного дела совесть немедленно мучает и карает человека, преступившего нравственный закон. «Совесть с молоточком, — говорят русские пословицы, — и постукивает, и подслушивает», «Совесть без зубов, а загрызёт», «Как ни мудри, а совесть не перемудришь», «За совесть и за честь хоть голову снести», «Береги платье снову, а честь смолоду», «Добрая совесть — глаз Божий», «Добрая совесть любит обличение», «Есть совесть, есть и стыд, а стыда нет, и совести нет», «В ком стыд, в том и совесть», «Пора и совесть знать».

О бессовестных людях в народе говорили: «У него совесть дырявое решето», «Заскоружлой совести не проймёшь», «У него совесть в кулаке», «Душа христианская, да совесть цыганская», «У него совесть, что розвальни: садись да катись (просторно)», «С его совестью и помирать не надо», «С его совестью жить хорошо, да умирать плохо».

В древнерусском сборнике конца XII — начала XIII вв. высказывается такая мысль:

¹ Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций. М., 1989. С. 525–527

«Спрошенный, что в жизни свободно от страха, ответит: чистая совесть», «В совести начертана норма святой, доброй и праведной жизни» (Феофан Затворник).

«Совесть есть власть духа и справедливости над инстинктом, однако без раздвоения их, ибо эта власть осуществляется теми корнями духа, которые живут в самом инстинкте: именно поэтому человек совершает совестный поступок с уверенностью в своей правоте, с интуитивной быстротой и инстинктивной страстной цельностью, что нередко воспринимается другими несовестными людьми как «безрассудство». Совесть и стремление к справедливости есть как бы глас Божий, цельно овладевший человеком, его инстинктом и его судьбою. Совесть есть голос целостной духовности человека, в которой инстинкт принял закон Божий как свой собственный, а дух приобрёл силу инстинктивного влечения. Совесть есть инстинктивная потребность в нравственном совершенстве и неколебимая воля к нему» (И.А. Ильин). «Совесть есть тот

высший закон всех живущих, который каждый сознаёт в себе не только признанием прав этого живущего, но и любовью к нему. Указания совести безошибочны, когда они требуют от нас не утверждения своей животной личности, а жертвы её. Если жизнь не приходится по совести, то одурманиванием совести сгибается по жизни. Берегись всего того, что не одобряется твоею совестью» (Л.Н. Толстой). «В идеале общественная совесть должна сказать: пусть погибнем мы все, если спасение наше зависит лишь от замученного ребенка — и не принять этого спасения» (Ф.М. Достоевский). «Под свободой совести обыкновенно разумеется свобода от совести» (В.О. Ключевский).

Но справедливости нет и без чувства правды. Правда, истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость — одно из высших понятий Руси. «Не в силе Бог, а в правде», — говорил русский человек, подразумевая под ней меру добра и справедливости, абсолютную истину души.

«Без веры Господь не избавит, без правды Господь не исправит», «Всякая неправда — грех», «Делай не ложью — всё выйдет по Божью», «И Мамай правды не съел», «Бог тому даёт, кто правдой живёт», «Кто правды ищет, того Бог сыщет», «Живи не ложью — будет по Божью», «Кто неправдой живет, того Бог убьёт», «Оправь Бог правого, выдай виноватого!», «За правого Бог и добрые люди», «Бог на правду призрит».

«В неправде Бог карает», «В правде Бог помогает, а в неправде запинаят (карает)», «В Боге нет неправды», «Вся неправда от лукавого», «Нечего Бога гневить, надо правду говорить».

«Бог правду видит», «Правда живёт у Бога, а кривда на земле».

«Правда груба, да Богу любя», «Правда гневна, да Богу мила».

Правда и добро связаны между собой. «В ком правды нет, в том добра мало», или другая пословица: «В ком добра нет, в том и правды мало».

«Лжей много, а правда одна», «Ложью как хошь верти, а правде путь один», «Правда глаза колет», «Правда уши дерет», «Правда рогатиной торчит».

«Правда на огне не горит, на воде не тонет», «Правда тяжелее золота, а на воде всплывает».

«Правда сама себя очистит», «Правда сама себя хвалит и величает», «Придёт пора, что правда скажется», «Правды некуда девать», «Правота — что лихота: всегда наружу выйдет».

«Правда шутики не любит», «С правдой не шути!», «С правдой шутить — что с огнём».

«Не ищи правды в других, коль её в тебе нет».

«Правда светлее солнца», «Правда чище ясного солнца», «Правда дороже золота», «Правда — свет разума», «Свет плоти — солнце, свет духа — истина», «Истина от земли, а правда с небеси».

«От правды некуда деваться», «Без правды не житьё, а вытьё», «Без правды житьё — вставши да за вытьё», «Без правды не живут люди, а только маются», «Без правды жить — с бела света бежать», «Без правды веку не изживёшь».

«Дело знай, а правду помни!», «Дело делай, а правды не забывай!».

«Доброе дело правду говорить смело», «Правда суда не боится», «Правда бессудна. На правду нет суда», «Правда из воды, из огня спасает».

«Правды не переспоришь», «Правда есть, так правда и будет», «Как ни хитри, а правды не перехитришь», «Правда прямо идёт, с нею не разминёшься, не обойти её, не объехать», «Правда, что шило — в мешке не утаишь», «Всё минется, одна правда останется».

Жизнь прожить следует только по-доброму, по правде, по справедливости. Народная мудрость проводит эту мысль постоянно. А.Н. Афанасьев в предисловии ко 2-му изд. «Народных русских сказок» (1873) отмечает: «...всегда сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды. Она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою, например, сказка о правде и кривде задает практический вопрос: как лучше жить — правдою или кривдою? Выведены два лица, из которых каждый держится противоположного мнения: правдивый и криводушный. Правдивый — терпелив, любит труд, без ропота подвергается несчастия, которое обрушилось на него по злобе криводушного, а впоследствии, когда выпадают на его долю и почести, и богатство, он забывает обиду, какую причинил ему криводушный, вспоминает, что некогда они были товарищами, и готов помочь ему. Но чувство нравственное требует для своего успокоения полного торжества правды — и криводушный погибает жертвою собственных расчётов».

«Основная болезнь народная, — писал в своё время Ф.М. Достоевский, — жажда правды, но неутолённая». С конца XVII в. на глазах у простого русского человека рушили его основы, глумились над его святынями. Он видел непонимание и враждебность к нему со стороны «господ» и так называемой интеллигенции.

Русский человек понимал, что по отношению к нему творится несправедливость, неправда, но в душе остро верил в торжество справедливости и правды.

«Правда — воздух, без которого нельзя дышать» (И.С. Тургенев). «Никакой туман не устоит против лучей правды» (Ф.М. Достоевский). «Правда, хотя бы и жестоко выраженная, не должна быть страшна никому» (Н.И. Пирогов). «Только правда, как бы она ни была тяжела, — легка» (А.А. Блок).

«Правда — это победа совести в человеке, общая совесть людей. Не всякая сила стоит за правду, но всякая правда заявляет о себе силой. Правда приближается к человеку в чувстве силы и является в момент решения бороться: бороться за правду, стоять за правду, но всегда правда о себе докладывает силой. Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется. Правды надо держаться — истину надо искать» (М.М. Пришвин).

В понятиях Святой Руси право, закон должны носить прежде всего нравственный, а не формальный характер, соответствовать правде и справедливости. Нравственный закон считался выше закона писаного, формального. Но и формальный закон зачастую отождествлялся со словом «правда», стремясь, по-видимому, подчеркнуть, что идеалом исполнения закона является правда. Слово «правда» вошло в название первого русского сборника законов «Русская Правда»..

Как справедливо отмечал И.Л. Солоневич, русский склад мышления ставит человека, человечность, душу выше закона и закону отводит только то место, какое ему и надлежит занимать: место правил уличного движения. Когда закон вступает в противоречие с человечностью и справедливостью — русское сознание отказывает ему в повиновении.

В народном сознании понятие «закон» противопоставляется понятиям «правда» и «справедливость», причём в таком же духе, как в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Формальному закону противостоит жизнь по душе, по правде.

«Хотя бы все законы пропали, только бы люди правдой жили», — говорит народная пословица. «Все бы законы потонули, да и судей бы перетопили».

Правда — это нравственные принципы, по которым живет народ, закон — это нечто навязанное ему со стороны и не всегда справедливое для него. Закон, сочинённый правя-

щим классом для простых людей, — средство их утеснения. Он провоцирует грех, обиду и преступления.

Народные пословицы так и говорят: «Не будь закона, не стало б и греха», «Где закон, там и обида», «Где закон, там и преступление», «Закон, что дышло, куда пошел, туда и вышло», или: «Закон — дышло, куда захочешь, туда и воротишь», «Закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет».

Впрочем, русские люди понимали, что законы нужны и полезны, но не уважали их потому, что они служили средством их утеснения.

«Законы святы, да законники супостаты», «Не бойся закона — бойся судьи», «Законы — миротворцы, да законники — крючкотворцы». В общем — «Кто законы пишет, тот их и ломает», «Что мне законы, были бы судьи знакомы».

Многие русские отношения регулировались не правом, а *совестью* и обычаем (прежде всего жизнь крестьянской *общины*). Русское правосознание было ориентировано на жизнь по совести, а не по формальным правилам. «Никогда русский человек не верил и не будет верить в возможности устройства жизни на юридических началах» (*Л. А. Тихомиров*). Этим он отличался от западного человека. «Европейское правосознание формально, чёрство и уравнительно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо», — писал *И. А. Ильин*. Для западного обывателя любой преступник — злодей, а для русского человека — жертва обстоятельств.

Наказанный по суду преступник в народном сознании — несчастный, ему сочувствуют, ему нужно помогать милостью.

«Несчастному милость творить — с Господом Богом говорить», «Милость — подпора правосудию», «Милость и на суде хвалится».

Правосознание совести вовсе не означало анархии в народной жизни. В России сложились достаточно жёсткие и строгие нормы поведения в среде коренных русских людей, прежде всего крестьян, которые регулировались не юридическими установлениями, а силой общественного мнения. Пренебрежение законом в XVIII–XIX вв., неверие в него среди простых людей объяснялось тем, что они чувствовали в нём навязанную извне силу, противоречащую традиции и обычаю.

Отсутствие правосознания совести в западных странах, диктатура формального закона

приводит к иному пониманию справедливости. В западных странах и по сей день господствует понимание справедливости по Г. Спенсеру, который различал в справедливости две стороны. Положительная сторона заключается в признании за каждым человеком права на беспрепятственную деятельность и на пользование теми благами, которые она приносит; а так как люди одарены различно, то в результате их действий неизбежно неравенство. Отрицательная сторона справедливости заключается в сознании того, что существуют пределы, обуславливаемые наличием других людей, имеющих одинаковые права, уважение к которым является необходимейшим условием общественной жизни; в мысли о сферах действия, взаимно ограниченных, заключается понятие равенства. Неуравновешенная оценка этих двух элементов ведёт, по мнению Спенсера, к расходящимся нравственным и социальным теориям. Так, в идее справедливости, выработанной греческой философией, преобладает элемент неравенства. В диалогах Платона справедливым признаётся «правило о том, чтобы индивидуумы не брали принадлежащего другому и, в свою очередь, не лишались принадлежащего им самим». Справедливость состоит поэтому в том, «чтобы каждый человек имел и делал то, что ему принадлежит»; несправедливо братья за занятие другого человека и «пробивать себе путь» из одного класса в другой.

Классическое для Запада понимание справедливости выражается в формуле Гиллеля: «Не делай другим того, чего не желаешь себе», — формуле, сводящей к принципу равноценности всех людей, что далеко не равнозначно признанию равенства относительно пределов человеческой деятельности. Эта формула была подвергнута справедливой критике с позиций христианских заповедей любви Владимиром Соловьёвым².

Разное понимание справедливости и связанных с ней духовно-нравственных категорий в русской и западной цивилизациях разверзло между нами глубокую пропасть.

Эту пропасть мы сумеем преодолеть только тогда, когда Русский мир и объединившиеся вокруг него славянские народы выполнят свою всемирную задачу — освободить человечество от того одностороннего и ложного развития, которое получила история под влиянием Запада.

² Васильев В. Спор о справедливости. Вестник Европы. 1894. № 4, 7.

/ Максим ШЕВЧЕНКО /

О справедливости в мире без Бога и в мире, где есть Бог

Описывать справедливость и её разные формы, фантазии и представления людей о ней проще, если описывать не-справедливость.

То, что люди полагают безусловно неправильным, с чем им трудно смириться и что они стремятся исправить во что бы то ни стало, подвигает их на поиски выхода решения. В нашем случае — на поиски справедливости.

Ведь справедливость и есть в конечном итоге устранение несправедливости.

Итак, рассмотрим все видимые виды несправедливости или то, что человек полагает таковой.

Самое несправедливое в этой жизни — её внезапное прекращение, смерть.

Ты живёшь, надеешься, строишь планы — и вдруг приходит завершительница разговоров и разрушительница собраний. И все твои планы оказываются ничем. По крайней мере для тебя самого.

Цвёл юноша вечер, а утром

Его несут четыре капитана...

И ничего нельзя изменить, повернуть, переиграть.

Поэтому большая часть человеческих потуг добиться справедливости — это компенсация самой большой и неисправимой несправедливости — смерти.

Зачем я живу? Что останется после меня?

А вдруг я просто пылинка в вечности, которая, в силу какого-то жуткого стечения обстоятельств, обрела способность не только мыслить, но и переживать собственное бытие и его завершение, осознавать собственную конечность?

Мыслить и переживать, понимая, что неизвестно, в какой день и час, но поднимется ветер вечности и кану я в бездну времени. Миллионы лет до меня и миллионы после.

А зачем тогда я и всё, что связано со мной?

Это что, злобная шутка такая, наделить меня сознанием и способностью смотреть на себя со стороны, дистанцироваться от простого естественного течения жизни (рождение-детство-взросление-зрелость-старость), осознать собственное «я» и потом просто «выключить свет»?

Заполнить эту бездну и это отчаяние до конца невозможно.

От несправедливости того, что вся прекрасная жизнь, с голубыми небесами и пасмурными днями, поющими соловьями и жареными курами, миром и войной, любовью и ненавистью, вся эта разнообразная, хоть и невыносимая

От несправедливости того, что вся прекрасная жизнь, с голубыми небесами и пасмурными днями, поющими соловьями и жареными курами, миром и войной, любовью и ненавистью, вся эта разнообразная, хоть и невыносимая порой, но всё же существующая жизнь, вдруг кончится, — захватывает дух.

порой, но всё же существующая жизнь, вдруг кончится, — захватывает дух.

Эта несправедливость прекращения жизни (всегда, всегда, всегда неожиданного, как к нему ни готовься!) заставляет человека вертеться подобно ужу на сковородке и выдумывать оправдания тому, что, конечно же, вряд ли может быть оправдано.

Есть, собственно, два пути преодоления этой несправедливости.

Первый путь — религиозная вера в то, что всё не напрасно, что жизнь не кончается смертью, что есть высший закон или высший разум, источник сущего, справедливый судья, который на самом деле любит человека или организует его жизнь исходя из иных мотивов, но он, конечно же, дарует человеку продолжение бытия в разных мыслимых формах.

К религиозному подходу мы ещё вернёмся.

Второй путь — деятельная, активная жизненная позиция, постулирующая принцип «оставь после себя нечто — и ты останешься в памяти людей, в истории».

А оставшись в этой самой памяти и истории, ты вроде бы как и останешься жить (что, конечно же, полная ерунда и самоуспокоение — ты умрёшь, а потом тебя забудут, даже отрывая над твоим гробом в полный голос).

Согласно гуманистическому взгляду на реальность, согласно концепции деятельного безбожия (назовем её так), смысл жизни — в максимальной реализации данного тебе творческого потенциала — крестьянина, слуги, торговца, воина, жреца.

Заполняя каждую секунду, каждое мгновение бытия трудом и заботой — о ближних, о себе, об абстрактных предметах, таких, как наука или искусство, — ты как бы сминаешь тёмный полог несправедливости смерти и творческим усилием приходишь к последнему возгласу Фауста: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Прекрасным для слепого Фауста, правда, был пейзаж преобразования мира, отвоёвывание суши у моря, описываемый ему ждущим своего часа дьяволом (духом лжи) и подвластными ему духами-лемурами.

Себя Гёте обмануть не мог — только могучий слепец полагает, что дела земные соотносимы с мгновением, которое вот-вот остановится, и «скрипки замолкнут навек».

Итак, религия и деятельная жизнь — вот два способа расправиться с мыслью о несправедливости смерти.

Именно расправиться, убедить себя — ни на что большее человек не способен. Есть порог, за который не заглянуть и из-за которого не вернуться.

Мы не будем, естественно, впадать в примитивные рассуждения о том, что всё есть не что иное, как психические феномены.

Скажем так — мы не знаем, чем на самом деле являются жизнь и смерть.

Просто ли это биологическо-механическое движение семени от оплодотворения до умирания и истления плода, не заполненное ничем, кроме исполнения заданной генами программы жизни и попытками (для вполне убогого и зажатого в рамках психики и культуры человеческого разума) объяснить и оправдать неумолимость этого движения?

Или это на самом деле исключительный дар высшего духа или разума?

Дар с приложенной к нему сверхзадачей, раскрываемой через религиозные откровения и доктрины, по-разному трактуемыми одно и то же: жизнь это только этап, шаг к чему-то большему, важному и единственно ценному, ради чего и создан человек.

Если это так, то тогда понятие справедливости приобретает иное измерение — оно начинает соотноситься с откровением, ни-спосылаемым высшим разумом, духом, Богом (как угодно его называйте).

Если Бог есть, то смерть не самое существенное, что может случиться с человеком.

Я не имею в виду рай или ад — это вопрос доктринальный.

Я говорю о том, что, если Бог есть, то жизнь приобретает смысловое измерение, несравнимое с жизнью отдельного человека, которое существует как самодостаточное, независящее от человеческого хотения или отрицания.

Смысл жизни больше, чем жизнь, — это значит, что жизнь можно пожертвовать при необходимости ради того по сравнению

с чем она — всего лишь инструмент реализации высшего, нечеловеческого замысла.

Итак, резюмируем, что справедливость в отсутствие Бога и справедливость при наличии Бога — совершенно разные явления.

Рассмотрим **справедливость в мире, в котором Бога нет**.

По сути, в этом случае все попытки принудить человечество к некоей позитивной социальной этике, апеллирующей к справедливости, есть не что иное, как введение правил тюремного общежития или распорядка жизни в сумасшедшем доме.

По сути, единственным честным и разумным устройством в мире без Бога является тирания — власть сильных и успешных над теми, у кого «не получилось».

Не важно, в силу неудачного рождения или по жизни проиграл — не получилось, сиди внизу!

Ну подумайте трезво, зачем мне следовать вашему гуманизму, вашим правилам социальной кооперации и гражданского общества, вашим призывам любить ближнего и помогать обездоленным, если моя жизнь — это только мгновение пылающей искры, вылетевшей из костра в ночную тьму и исчезнувшей в ней навсегда?

Что мне до вашего социализма, или коммунизма, или либерализма, если Бога нет?

Ведь если его нет, то всё позволено! Не потому, что так Достоевский проговорил устами одного из персонажей «Братьев Карамазовых», а потому, что так и есть на самом деле.

Исключительно террором и насилием сможете вы постулировать во мне, в других эти ваши позитивные и правильные ценности справедливости.

Заставив нас поверить, что «свобода — это рабство», что «все животные равны, но некоторые равнее других», что те, кто наверху, — достойны этого в силу происхождения или особенных врождённых или же приобретённых личностных качеств.

Да и что это за ценности справедливости?

Богатый должен делиться с бедным. А почему, собственно? Богатый потому и богат, что смел, жесток, силён, коварен. Он победитель, он выиграл в этой жизни. Почему он должен отдавать свою победу, её часть кому-то другому?

Если бедный сумеет взять у богатого его власть и его богатство, то он и сам станет таким же богатым и влиятельным. Не сумеет — его проблемы. Пусть проигравший плачет. И платит, кстати, тоже.

Какой моральный закон «внутри нас» заставит это сделать сам по себе?

Выдумки XVIII века и его эпигонов, попытки наделить нас всех общими правами есть не что иное, как истерическое желание решить неразрешимую проблему — почему нам так страшно жить и умирать.

Какая историческая целесообразность, какая вера в прогресс и развитие принудят к добровольному отказу от власти и её плодов?

Никакие, по большому счёту. Только террор, только гильотина, только застенки, подвалы и рвы являются единственным и идеальным способом достижения справедливости в мире без Бога.

Можно идти до конца и, подобно герою платоновского «Чевенгура», покончить с собой, осознав собственную недостойность идеалу всемирной коммуны, этого царства справедливости и равенства.

А можно остановиться и цинично пользоваться плодами своих сладких речей и способностью манипулировать мозгами и чувствами миллионов — так поступало бесчисленное количество тиранов, начинавших с революции, а кончавших «осенью патриарха», воспоминаниями о «малой земле» или прочими фантазиями на тему утраченной юности.

Если эта жизнь единственная и нет высшего закона над нами, то плачьте вдовы и сироты, униженные и оскорбленные — вам не повезло!

Власть, угнетение, «победа сильных — гибель слабых», всё, что вы хотите знать о «правде жизни, но боитесь спросить», — к вашим услугам, господа!

Гедонизм имел хоть какое-то моральное измерение, он соотносил индивидуальное с общим, поскольку возник в обществе, где город-государство-община был единицей измерения общего, а его интересы — следующим этапом развития этики (от личного — к общему).

Но больше нет ваших городов. Имморализм проступил сквозь цинизм интересов правящих элит и обезумевших вождей XIX–XX веков.

Мы знаем теперь, что слова, красивые фразы и образы, обращения к толпам и «народу» — всего лишь манипуляции тех, кто карабкается на вершину собственного честолюбия.

И почему же мы должны по-прежнему верить всему этому бреду? Да ни в коем случае!

Кто такой сверхчеловек — Заратустра, ждущий собеседника в ледяных вершинах?

Увы, ни в коем случае: скорее таракан, жрущий и гордящийся собой, усатый тараканище,

ползущий вверх, достигший высшей власти и удержавший её, — вот наш жизненный опыт.

А мы все остальные — неизвестные герои, в лучшем случае мусор, удобивший поля сражений, на которых властители мира сего проводят агрокультурные эксперименты, укрепляющие зависимость людей от их милостей, а стало быть, укрепляющие бесконтрольную власть.

Или коллежские ассессоры, мечтающие о тёплой шинельке до и после смерти.

Нам предлагается жить не задумываясь: работать, развлекаться, быть собой, быть иным,

отдыхать, испытывать переживания — общество потребления вполне способно удовлетворить всем немудрёным способам по-человечески забиться, «уснуть и видеть сны».

Тем более что общество потребления, совмещённое с глобальным информационным обществом, становится ещё и психологически, социологически, да как угодно управляемым обществом потребления.

В котором не товары надо создавать для человека, а можно воспитывать и выращивать человека под определённый тип товаров.

Ну, допустим, человека «coca cola», или человека «adidas», или вообще чего-нибудь ещё попроще — человека просто и незамысловато, но вполне искренне радующегося серым хлопчатобумажным штанам и рубашке.

В принципе, советский социализм со всеми его девиациями, включая китайский или кубинский, почти достиг этого совершенства — выработал в людях естественную способность ликовать по поводу простых вещей.

Что ж, такова природа мира безбожия.

Справедливость и её поиски в нём оборачиваются тиранией, а тирания выглядит более справедливой, по крайней мере человечески более объяснимой, зависящей от индивидуальных качеств какого-нибудь тирана, а не от безликой доктрины и функционеров, неуклонно следующих её незамысловатыми, но эффективными путями.

Но **вернёмся в мир, в котором есть Бог.**

Он подразумевает наличие высшего закона, исходящего из источника, полагаемого человечеством, обладающим абсолютной этикой.

Эта этика, конечно же, имеет позитивный для нас смысл в силу того, что высшее существо, по идее создавшее нас, нас же пока ещё не уничтожило.

Не уничтожило — значит, чего-то от нас хочет (мы не рассматриваем поэтические варианты «забыл», «уснул», «заскучал» и прочая).

Хочет — значит, верит в нас и надеется на то, что мы исправимся и исполним свой долг.

Какой именно?

Вот тут-то мы, возможно, и подходим к догадке о том, что наш долг, исполнить который требует от нас Бог, — это и есть достижение справедливости.

Наличие варианта, при котором мы не только не исчезаем навсегда (хотя и уходим из этой жизни), но являемся частью единого замысла, раскрывающего смысл не только общей истории, но каждой индивидуальной жизни и смерти в отдельности, — вдохновляет.

Мы верим, что языческие божества ничего не знают о справедливости.

Она в их исполнении всё то же, что мы проходили раньше, — сила, власть, отчаянье проигравших, но гибель героев, конечно, тоже. Герои штурмуют небо, а попав на него, содрогаются от одиночества.

Наш Бог обращается к людям с призывом — устраните несправедливость.

Какую, о Господи?

Высшая несправедливость человеческой жизни с точки зрения исполнения божественного замысла — наличие угнетения и подавления человеческих возможностей служения божественным планам, запрет религии или её искажение.

Стало быть, достижение свободы религии, свободы служения Богу, исполнения его замысла, ниспосланного людям через пророков, и есть высшая форма устранения несправедливости.

Справедливость — высшая цель человеческой жизни. Борьба за справедливость — вечная революция, идущая от Адама до Страшного Суда, до конца времён.

Именно осмысление, ощущение необходимости этой борьбы и есть движение к справедливости.

Ничто — ни социальное устройство с перераспределением прибыли, ни равные права, данные мужчинам и женщинам, ни геополитический баланс, уравнивающий права государств на пользование мировыми благами, — не могут дать удовлетворения чаяниям справедливости.

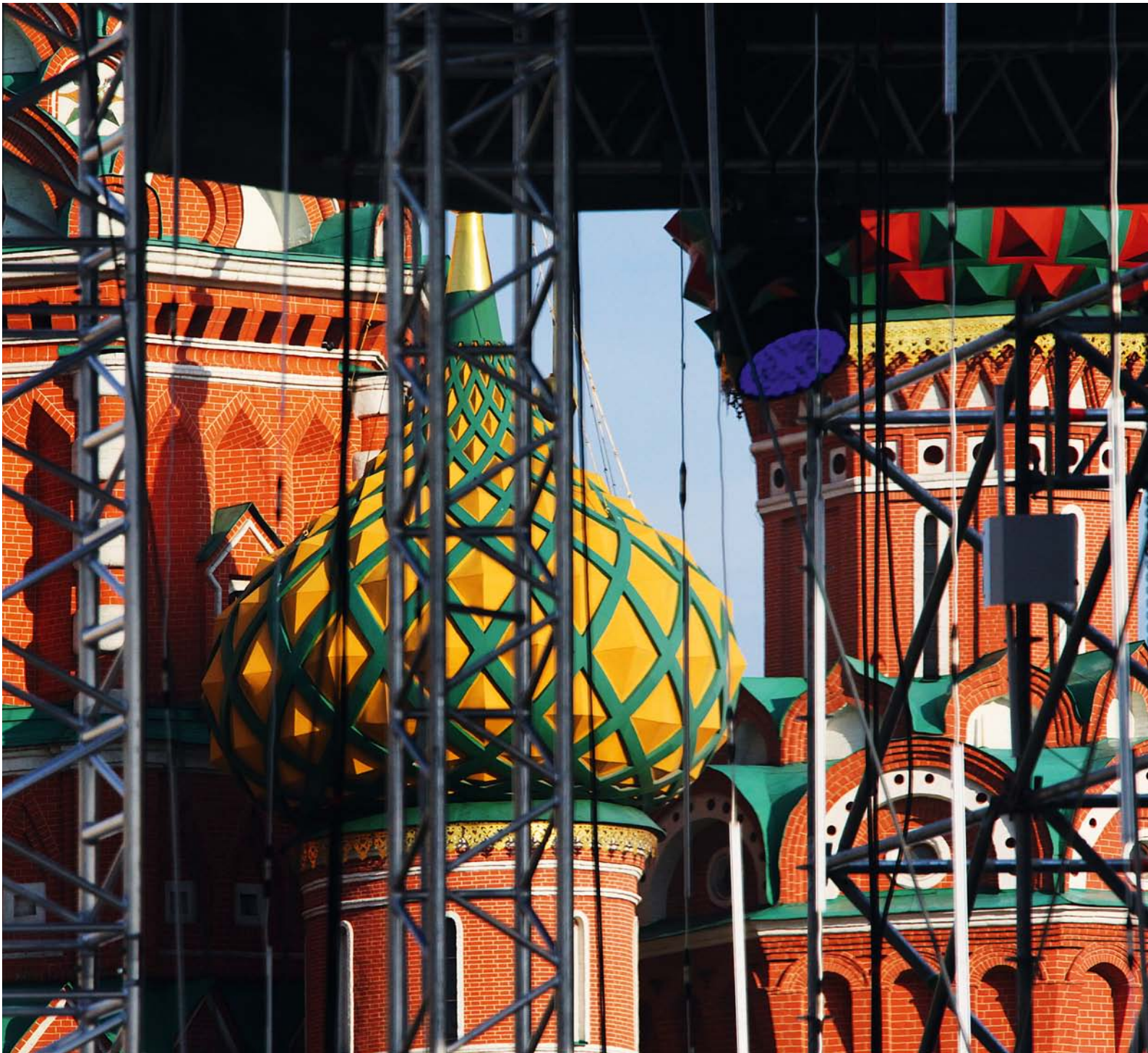
Геополитика — это просто бодание быков или носорогов за право пощипать травку или спариться с самкой, бесконечная игра в доминирование. Проигравшему бессмысленно жаловаться на несправедливость — его права на рогах или клыках победителя.

Социальное равенство оборачивается контролем и учётом, возникновением чудовищных классов бюрократии и «силовиков», действующих от имени равенства, во имя справедливости, подобно термитам, разъедающим дом, в котором заводятся.

Бог не требует ни геополитического баланса, ни социальных гарантий — Он просто говорит каждому: «Посмотри в себя и исполни мой призыв, мой закон! Стань моим солдатом!»

Бог не хочет ни государств, ни учётов и контролей.

Он есть вечная революция, и Его призыв — это призыв к революции ради религии, братства, достоинства и исполнения высшего долга.

Именно этот призыв — единственное, что обесмысливает смерть, делает её не пугалом, ужасом всего живого, но обетованием — ведь если есть конец, то есть и начало, а если есть начало, то есть и смысл всего.

Смерть становится знаком Бога, манифестацией Его присутствия в этом мире. Прекращение сознания, дыхания, деяния при наличии Его — не прекращение, а исполнение долга.

Воскресение не может быть без смерти.

Это испытание одиночеством, отчаянием, обретением веры, удержанием и исповеданием её прекращается смертью, за которой следуют Воскресение и Суд.

И только так может быть обретена справедливость, только так будут обозначены все пути и названы все имена.

Любой иной подход — просто самообман и метания в жалкой, опустылевшей юдоли.

/ Виталий АВЕРЬЯНОВ /

Не бойся **ИДТИ** **в Донбасс!**

*(о новом романе А. Проханова
«Убийство городов»)*

*Не бойся идти в Египет, ибо там
произведу от тебя народ великий...*

Книга Бытия

Когда-то покойный Немцов, прочитав «Господин Гексоген», возмутился и сказал, что «это вообще не литература, а какие-то безумные измышления», что «многие сцены и описания узнаваемых людей не просто неприличны, а безнравственны». Немцов не сумел найти меру в соотношении у Проханова вымысла и доходящего до документальной точности воспроизведения образов из нашей жизни. Он близоруко посчитал, что роман является буквальным летописанием фактов, чем-то вроде доноса, облечённого в художественную форму.

Для читателей политических романов Проханова, к которым, безусловно, относится и только что вышедшее «Убийство городов», остаётся загадкой это соотношение вымысла и фактографии. Напрашивающиеся и нескрываемые параллели между персонажами Проханова и их прототипами оказываются не столь уж прямыми. Своего рода «искривление» реальности в призме созданного автором художественного мира, смещение от реальности к вымыслу — безусловная тайна, канва которой остаётся доступной только самому автору. Быть может, эти смещения и искривления — своего рода магическое воздействие на ход политических и человеческих судеб. Не в этом ли состоит пресловутый «магический реализм» Проханова, стремящегося расколдовать Россию страстно и в то же время уверенно, с безупречной точностью мастера слова?

Роман о защитниках Донбасса состоит из двух планов, двух частей — в одном плане живёт и действует московский писатель Кольчугин, в другом плане (тождественном новому произведению Кольчугина) — молодой писатель Рябинин, поехавший добровольцем в Новороссию. Кто такой Рябинин — главная загадка романа, разгадывать которую предстоит читателю.

В «Убийстве городов» магическое волшебство писательского слова приобретает особое звучание, потому что мы имеем дело с романом как никогда автобиографичным, где в главном герое Кольчугине воплощены не какие-то частные, а многие существенные черты самого Александра Андреевича.

Точность автобиографических деталей порой доходит до предельного разрешения. Читатель, незнакомый с обстоятельствами жизни Проханова, может и не почувствовать, насколько близки и пронзительны эти параллели. Проханов описывает «молоканский род» Кольчугина, его большую семью, детей и вну-

ков, которые приезжают к нему в загородный дом, где он живёт один. Дом этот расположен недалеко от Шереметьева. У Кольчугина не так давно вышло 15-томное собрание сочинений. Всё это, равно как и многие другие мотивы, разительно напоминает нынешнюю жизнь Проханова. Не говоря уже о мыслях и высказываниях Кольчугина, — в которых легко узнать прохановский стиль, а нередко и прямое автоцитирование.

Вряд ли кто способен до конца оценить уровень исповедальности автора, когда он рисует отношения Кольчугина с ушедшей женой, воспоминания о ней, ощущения присутствия жены в его доме, в сердце писателя. Кольчугин, который, как и Проханов, в молодые годы был советским корреспондентом в горячих точках, в своих воспоминаниях остро переживает страдания супруги, ждавшей его из командировок. По образному выражению писателя, она встречала его «обугленная, с провалившимися глазами». Жена-молитвенница, жена хранительница, жена, собирающая его в походы, жена, сопереживающая болям всего мира, — в «Убийстве городов» она превращается то в музу, то в оберегательницу домашнего очага, то в доброго ангела, в итоге же в её образе всё это собирается вместе. Эти страницы вряд ли могут оставить читателя равнодушным, тем более если предположить (а для этого есть все основания), что это подлинное переживание Проханова. Писатель выразил в этом произведении смертную тоску по своей избраннице, и в сюжете романа Кольчугин не просто тоскует, но и предощущает скорую встречу с ней.

И тем не менее, как всегда, образ главного героя смещается по отношению к прототипу, художественное отражение «отслаивается» от прототипа, превращается в самостоятельное инобытие. Это заметно хотя бы потому, что Кольчугин остаётся в своем подмосковном доме, разбитый параличом, тогда как Проханов побывал-таки на Донбассе в сентябре-октябре 2014 года. Из этой поездки он привёз мощные впечатления, которые оплодотворили второй план романа — рябининский.

Многое «подсмотрел» Проханов в Новороссии в течение той недельной поездки. Ещё больше он извлёк путём могучей интуиции военной реальности, выросшей как из его опыта прошлых лет, так и из мучительно-пристального всматривания в каждое новостное сообщение, в каждую весть с Донбасса, в каждое слово, прозвучавшее из уст ополченцев,

с которыми он много беседовал как там, так и в Москве, когда они сюда приезжали.

К примеру, взят из реальной жизни образ «бестолкового мужичка», танцующего под песни мирного времени в прифронтовой полосе. Это не вымысел, мы действительно видели этого мужичка во время нашей сентябрьской поездки с Александром Захарченко на передовую в районе Мариуполя. (Имеется в виду визит небольшой делегации Изборского клуба в Донбасс в 2014 году.)

Безусловно, огромное значение имели для Проханова его беседы как с полевыми командирами (Мозговым, Ходаковским, Кузьменко, Козицыным, самим Захарченко), так и с рядовыми ополченцами и обычными жителями Донецка. Но особое, ни с чем несравнимое воздействие оказала на писателя изрешеченная снарядами и пулями «вещая гора» Саур-могила, героическое место бит-

вы Великой Отечественной. Образ её вошёл в роман, став одним из стержневых.

Свидание с Саур-могилой Рябинина и самого Проханова наполнены глубоким символизмом. В том, как сейчас выглядит мемориал великой войны, писатель усматривает не просто следы ожесточённых артобстрелов, но своего рода «колдовство» противников Новороссии, которые пытались уничтожить и обезобразить величественные монументы советских героев, эти сгустки народной памяти, каменные талисманы русской, и более того, восточнославянской — и далее, по восходящей, — российской державной судьбы.

С «вещей горой» связан ещё один мотив в романе, одна из высших в смысловом плане его точек — визит Кольчугина к президенту Путину (сцена, также имеющая параллель в реальной биографии Проханова, встречавшегося с президентом незадолго до поездки в Новороссию). Мы никогда не узнаем, насколько дословно передана в художественном тексте эта беседа писателя и политика. Но суть этой беседы связана именно с Саур-могилой. В диалоге с президентом Кольчугин описывает страшную метаморфозу современной российской истории, когда лучезарное торжество воссоединения с Крымом омрачается событиями в Донбассе. Кольчугин видит, как в ходе этого разговора в президенте выявляется утаённое от внешних решение, «одно-единственное, предельно опасное, которое ему предстояло принять. Решение, пробивающее тромб русской истории, открывающее путь русскому времени».

В ответ на огненный призыв писателя помочь Новороссии президент произносит: «России предстоят труднейшие испытания... Либо мы примем эти испытания, либо уклонимся от них. И перестанем быть русскими». Знаком понимания духа Путина, внутреннего родства с ним стали для Кольчугина слова о том, что в сводке информации о сражениях в Донбассе президент встретил сообщение о страшных боях за одну высоту, в ходе которых после рукопашных схваток ополченцы вызвали «огонь на себя» по примеру героев Великой Отечественной войны. Путин не помнит названия этой высоты, но позднее становится ясно, что речь шла именно о Саур-могиле.

Великая жертва, самоотвержение ополченцев означают и для президента, и для Кольчугина одно — высшее доказательство русской судьбы, русского духа, русской миссии. Такого рода доказательства не могут быть упакованы

ны в рациональные формулировки, это мистическое ощущение правды жизни, правды истории, разорванные звенья которой вновь соединяются. Вот почему Саур-могила названа Прохановым «вещей горой».

Сам роман Кольчугина (роман внутри романа Проханова) оказывается ничем иным, как воплощённой мечтой о Рябинине — писателе-герое, писателе, который, сражаясь плечом к плечу с ополченцами, не даст этой войне кануть в забвение. Это мечта о молодом писателе — литературном преемнике. В то же время это и заклинание реальности с тем, чтобы «гибель городов» Новороссии обрела своего очевидца. Как пишет писатель о Рябинине, в Донбассе «была его книга, её простреленные пулями страницы».

Для Кольчугина это уже ставшая привычной и лично необходимой мистерия — множество страниц романа пронизаны воспоминаниями Кольчугина о посещённых им убиенных городах, среди которых Герат, Вуковар, Грозный, города сектора Газа, сирийская Дерайя и другие. Как пишет Проханов о Кольчугине (фактически о самом себе), «он стремился в эти города, чтобы закрыть им глаза». Теперь этот список пополняют Донецк и Луганск, Краматорск и Славянск, Мариуполь и Красный Лиман. И туда, в эти горячие точки притяжения, безотчётно стремится душа Кольчугина — только на этот раз пожар войны полыхает в самом средоточии Русского мира.

В каких же отношениях находятся Кольчугин и Рябинин? Прежде всего необходимо сказать, что это не просто отношения писателя и его литературного героя, здесь заложено гораздо большее. Связь между Кольчугиным и Рябининым — тесная, таинственная. С одной стороны, Рябинина можно рассматривать как своего рода преемника и продолжателя Кольчугина. С другой стороны, в Рябинине воплощается какая-то его прикровенная ипостась. Это не просто литературный персонаж, это как будто молодой Проханов (и Кольчугин), который перенесён сквозь время силою творческого воображения и помещён в ряды ополченцев Новороссии. Возможно, это двуединый образ «отца» и «сына», «реинкарнация» молодого Кольчугина в новое время, поскольку сам он уже слишком слаб и болен, чтобы принять непосредственное участие в войне.

Таинственность этой связи подчёркивается тем, что план Рябинина открывается в тот момент, когда Кольчугин испытывает сильный сердечный приступ (вероятно, смертельный).

Великая жертва, самоотвержение ополченцев означают высшее доказательство русской судьбы, русского духа, русской миссии. Такого рода доказательства не могут быть упакованы в рациональные формулировки, это мистическое ощущение правды жизни, правды истории, разорванные звенья которой вновь соединяются. Вот почему Саур-могила названа Прохановым «вещей горой».

В романе этот приступ описывается как момент, когда сердце вырвалось на свободу. Причём сердце разрывается от созревшего и набухшего в нём нового романа, как будто эмбрион вышел наружу, разрушив своё вместилище, как птенец разрушает яйцо: «Молодой восторженный странник покинул тесную обитель и умчался вдаль, оставляя в ночи гаснущий свет». Роман рождается как будто в момент смерти Кольчугина и представляет собой эманацию его души, своего рода жертву-сновидение, жертву-путешествие в другую реальность.

Предложу рискованную аналогию: грёзы и переживания Кольчугина похожи на взаимоотношения в древнеегипетской религиозной мифологии посюсторонней души человека с различными её метафизическими проявлениями: с Ба — душой, путешествующей по миру сновидений, которая также могла переселяться в другие тела по желанию своего хозяина; с Ка — двойником души, духом человека, готовящим его переход в царство мёртвых.

Рябинин может трактоваться и как сновидческое превращение Кольчугина, который видит себя в своей грёзе молодым, полным сил писателем, переносимым в битву в Донбасс. Но можно понимать Рябинина и как прямое перевоплощение души Кольчугина, который своей смертью помещает в Рябинина свою жизнь, свою душу. В данной трактовке Рябинин становится метафизическим двойником Кольчугина, и такая трактовка найдёт немало подтверждений.

В романе есть сцена встречи писателя с литературоведом Яблонской, в которой он откровенно поведал об отношениях со своими произведениями. Он уподобляет роман кипящему котлу, откуда герой, подобно Ивану-дураку русских сказок, выныривает преображённым. В этой же беседе он говорит о сведении романа

с небес на землю, уподобляет его непорочному зачатию, утверждая, что в каждом настоящем писателе есть некое подобие женского начала, способность вынашивать плод и рождать новое, семена которого он получает свыше. Кольчугин рассказывает Яблонской, как тяжело достаётся роман, сравнивая своё не рождённое ещё детище с вампиром, пьющим кровь автора, с «баржей для бурлака»... Пытка усиливается, роман причиняет огромные страдания и в конце концов писатель разрешается от бремени, как роженица.

Если Рябинин в романе — воплощение созерцания и наблюдения за событиями изнутри этих событий, в гуще активного действия, то Кольчугин как будто раздваивается. С одной стороны, он болезненно соперничает всем текущим политическим и военным драмам, силой воли заставляет себя участвовать в телепередачах, в митингах, в жёстких столкновениях и дискуссиях, где отстаивает свою имперскую патриотическую позицию. С другой стороны, он испытывает постоянные внутренние борения между этой болью внешнего мира и забвением-сном, между стремлением к страданию от вовлечённости в кровавую и греховную реальность и необходимостью отражать эту реальность и стремлением к чудесным полям счастливой солнечной памяти. В этих полях прошлого ему видится роса каргопольских лугов, чёрная ягода на губах любимой, тогда ещё юной и полной сил.

В 7-й главе романа есть целый пассаж, необходимый для понимания этого раздвоения, поэтому приведу его целиком:

«Прихожане смиренной вереницей, сложив на груди руки, потянулись к кресту. И вдруг среди женщин, среди их платков, долгополых платьев, он угадал жену, в повороте головы, в сходстве приподнятых плеч. Понимал, что ошибся, что появление жены невозможно. Испытал потрясение. Всё путалось, менялось местами. Время утратило свою последовательность и сложилось в невозможный, немислимый ряд. Молодая жена с голыми плечами кормит грудью младенца и тут же лежит в гробу с черной мукой в бровях. Колонна бэтээров идёт в горах с лимонной зарёй, и бабушка несёт в его детскую спальню чашку с настоем шиповника. Мамина акварель на стене, он видит её отражение в зеркале, и гаубицы бьют по Луганску, выкалывая квартал за кварталом. Голова кружилась, словно он попал на карусель, и вокруг, среди свечей и лампад, проносились лица и зрелища».

И далее Проханов увенчивает это описание ёмкой формулой: «Этот вихрь однажды подхватил его, поместил на огромное «колесо обозрения», вознёс до неба, показал континенты и страны, одарил несказанным счастьем и теперь опускает вниз, в тихие сумерки, где ему предстоит исчезнуть».

Это колесо обозрения у Проханова — не ницшеанское круговращение жизни, для него жизнь данного человека обязана иметь свою миссию, своё назначение. Мысль о конкретном задании для человека в его земном пути пронизывает роман. Этой мыслью полны ополченцы Донбасса, которые, каждый по-разному, в мирное время утрачивали смысл жизни и затем открывали для себя в войне за свою правду и веру новый путь к обретению утраченного.

Таков командир подразделения «Марс», который в Новороссии видит потенциал для восстановления заброшенного проекта «Марс», над которым он работал. Комбат несёт с собой семена для будущих марсианских цветов, однако погибает, и семена, не достигнув ожидающей их планеты, остаются на Саурмогиле. Рябинин сеет их на месте захоронения погибших бойцов «Марса».

Таков и комбат Курок, яркий, колоритный персонаж, — с его именем связана одна из главных идей романа: восстановление равновесия, нарушенного с разрушением СССР. Это равновесие начинает восстанавливаться именно в связи с крымскими и донбасскими событиями 2014 года.

Если на митинге в Москве, где выступает Кольчугин, он видит столкновение разных политических и идеологических правд — «евразийства», «Великой Руси», «Смысла истории» (за каждым названием и персонажем угадываются реальные лица и партии), то в Донбассе попавший в плен Курок, накануне своей страшной казни, становится глашатаем самых важных и дорогих для Проханова идей: возрождения СССР, примирения «красных» и «белых». Ещё ранее, в сценах полевых будней, Курок в ответ на сомнения одного из сослуживцев в несправедливости хода дел даёт категорический ответ: Россия сама к нам придёт, и мы её встретим хлебом-солью. Курок именуется в романе «верующим комбатом», но верит он не столько по канонам православия, сколько по своим выстраданным канонам, в которых «красное» и «белое» сплелись в нерасторжимое единство: «Все, кто в Донбассе воюет, все русские люди. И у всех один Бог — справедливость».

Мы теперь каждый — и «красный», и «белый», и у нас один Бог».

Проханов не идеализирует действительность ДНР и ЛНР. Он выпукло описывает взаимоотношения двух командиров — одного от ополченцев и второго от киевской власти, — хорошо знающих друг друга и переговаривающихся по радиации. Некогда друзья, однокашники и сослуживцы, которым по идее нечего делить, сегодня они разделены пропастью политической и военной схватки — с одной стороны, ненависть к москалям, в которых сидит «имперский бес», и, с другой стороны, ответная ненависть к извергам-бандеровцам, разрушителям великого братства народов.

При этом и среди ополченцев есть свои изверги и мародёры — один из ярких типажей выведен в образе уголовника Жилы, который хорошо воюет, но его мотивация кардинально отличается от мотивации донецких ополченцев. В итоге Жила, насильник и грабитель, схваченный с поличным, приговаривается комбатом Курком к расстрелу по законам военного времени.

Рябинин, попавший в самое пекло боевых действий, остро переживает первое своё «убийство» противника, парня, у которого он обнаруживает крест на груди, такой же, как у него самого. Война видится Рябинину Монстром, начавшим на него охоту. Его ощущение боевых

действий передаётся как своеобразная игра в кошки-мышки с Чудищем Войны, выскивающим Рябинина. Попав в плен вместе с комбатом Курком и однополчанином Артистом (в плен все трое были взяты, будучи ранеными), он чудом остаётся жив и несколько дней пешком по ночам переходит по направлению к фронту.

Роман о Рябинине завершается поразительной, вызывающей катарсис сценой — он слышит в ночи тяжёлый гул и через какое-то время осознаёт, что это движутся огромные колонны военной техники. Наблюдая передвижение танков, бэтээров, гаубиц, установок залпового огня, считая их и сбиваясь со счёта, Рябинин становится первым очевидцем того самого таинства русской истории, о котором шла речь выше. «Россия пришла!» — в двух этих словах слышится восстанавливаемая связь времён, связь судеб.

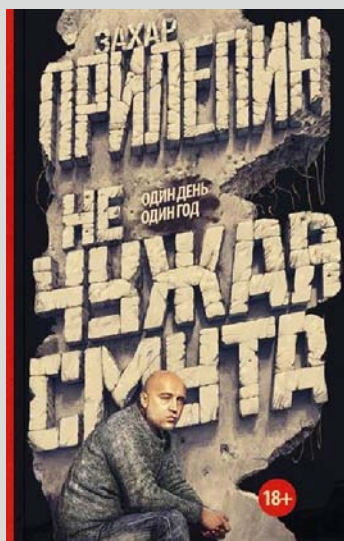
Последняя часть романа, состоящая из одного абзаца, возвращает нас на дачу Кольчугина, где он, разбитый параличом, лежит на столе под деревом рябины, осыпающим его голову своими ягодами. В центре романа «Убийство городов» — одновременно самопожертвование ополченцев и жертва писателя, отдавшего для грядущей победы своё сердце. В этих зарифмованных жертвах — высшее заклятье общей судьбы, выкликание из небытия новой России, нового мира, нового века.

Леонид ИВАШОВ. Радикальная доктрина Новороссии. —
М.: Алгоритм, 2014. — 224 с.

На Украине произошёл государственный переворот с явным вмешательством извне. Война на Украине необходима США с целью развести Европу с Россией, спровоцировать войну между европейскими государствами, НАТО и Россией и использовать Украину как плацдарм для развязывания большой мировой войны. Что Россия и «новые республики» на территории Восточной Украины могут противопоставить новому «на-

тиску на Восток»? Известный военный эксперт, генерал Ивашов, не ищет ответов в официальном патриотизме и ритуальных заклинаниях записных патриотов. Он профессиональный аналитик, и его анализ и ответы на сегодняшние вызовы носят профессиональный характер. Его прогнозы сбываются всегда и носят предельно конкретный характер. Эта книга — не очередной набор штампов, это строгая конкретика.

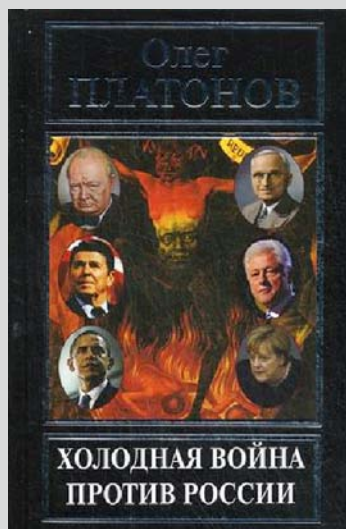

Захар ПРИЛЕПИН. Не чужая смута. Один день — один год. —
М.: АСТ, 2015. — 666 с.

Новая публицистическая книга посвящена украинско-русской трагедии 2014 года. Репортажи, хроника событий, путевые очерки из поездок по Новороссии тесно переплетены с размышлениями писателя о русской истории, русской культуре и русском мире.

«Этот год назревал, и однажды посыпался как град. С ноября 2013-го, с возникновения Евромайдана в Киеве, я вёл записи чужой смуты, ставшей смутой своей, — не столько описывая события, сколько рассматривая свои

ощущения, главным из которых было: «Это уже случилось с нами! Это не в первый раз!» Выяснилось, что самые разнообразные события из русской истории связаны с происходящим напрямую, даже если имели место сто или тысячу лет назад. Мне не стыдно за сказанное мной — и я по-прежнему убеждён, что глаза мои были трезвы, а суждения — разумны. Тем же, кто думает совсем по-другому, скажу одно: я смотрю на всё глазами того народа, к которому имею счастье принадлежать».

Олег ПЛАТОНОВ. Холодная война против России. —
М.: Родная страна, 2015. — 288 с.

В книге рассказывается о холодной войне против России, которую ведут начиная с XV века западные страны. В нашу страну засылали шпионов с целью выявить слабые места в государстве, создать агентов влияния, построить в пятую колонну внутренних врагов России.

Главными целями холодной войны были подготовка к военной интервенции и оккупации России,

расчленение нашего Отечества на ряд управляемых извне территорий и захват его экономических и природных ресурсов.

Сегодняшняя система санкций и активизация пятой колонны внутри России под предлогом событий на Украине являются продолжением холодной войны, осуществляемой по планам и на деньги США и их западноевропейских сателлитов.

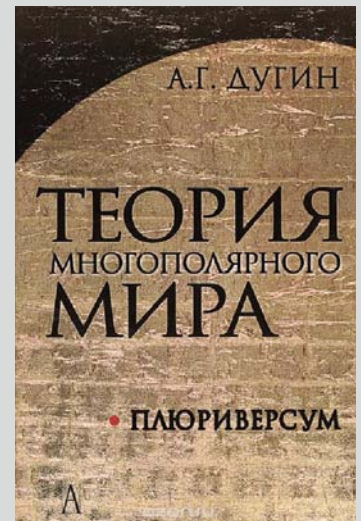
Александр ДУГИН. Теория многополярного мира. Плюриверсум. (Учебное пособие для вузов.) — М.: Академический проект, 2015. — 360 с.

В работе даётся описание разнообразных сторон глобализации, однополярности, трансформаций и транзитивных изменений, затрагивающих страны, цивилизации, общества. Теория многополярного мира строится в соответствии со строгими законами дисциплины международных отношений.

Геополитическая часть строится по принципу глубинной геополитики, где философский и культурологический, цивилизационный анализ дополняет и обосновывает политико-стратегические аспекты темы.

Геополитика сама по себе оперирует с очень высоким уровнем синтеза, что проявляется в чрезвычайно сложной и многоуровневой природе геополитических концептов, включающих в себя сразу много слоёв — географию, историю, политическую науку, экономику, культуру, язык, демографию, климат, этнос, религию и т.д.

Издание адресуется студентам гуманитариям, философам, социологам, политологам, а также всем тем, кто следит за новейшими тенденциями в гуманитарной науке.

Валерий КОРОВИН. Конец проекта «Украина». — СПб.: Питер, 2015. — 256 с.

Израсходовав то, что досталось ей от СССР, выжав все соки из советских промышленных активов, избавившись от «чужеродной» русской элиты, Украина уткнулась в концептуальный тупик своего развития. Дальше в прежнем виде ей просто некуда двигаться. Для Европы она слишком дикая, нищая и нецивилизованная. Для России — слишком русофобская, бандеровская и чрезмерно заражённая западными культурными кодами.

Мир вошёл в эпоху больших блоков, где обеспечить безопасность

можно только в рамках крупных наднациональных образований. Но и стать политической нацией не так просто. Украина, созданная как искусственный субъект истории товарищем Лениным, пройдя через советский период, оказалась абсолютно не готовой к самостоятельной государственности.

На наших глазах проект «Украина» подходит к своему логическому завершению. Мы стоим на пороге исторического выбора народов пространства, лежащего между Россией и Европой.

Максим КАЛАШНИКОВ. Кремль 2.0. Последний шанс России. — М.: Алгоритм, 2015. — 240 с.

В своей новой книге автор показывает, к чему привела нас старая политика Кремля. Развалины, кровь и уничтоженная экономика Донбасса, сплочённая на антирусскости Украина, тяжёлый социально-экономический кризис в РФ — вот только некоторые результаты этой политики. Если применить спортивную терминологию,

Кремль находится сейчас в глубоком нокдауне, пишет Калашников, а расплачиваться за это поражение придётся всем нам. Не ограничиваясь критическим анализом ситуации, автор говорит о том, что должен сделать Кремль для того, чтобы спасти себя от полного разгрома, а нас — от политического хаоса и нищеты.

Хронология мероприятий клуба

Фото: редакция «ИК»

Делегация Изборского клуба Новороссии на пресс-конференции в Брянске

4–8 июня 2015 года

Председатель Изборского клуба Александр Проханов посетил Забайкальский край. Визит состоялся по приглашению губернатора Константина Ильковского. Проханов провёл в Чите свой творческий вечер, ответил на многочисленные вопросы аудитории. В ходе поездки он побывал на юго-востоке региона, где пообщался с фермерами, производителями и пограничниками, увидел Агинский дацан, Краснокаменск. Своими впечатлениями писатель поделился на телеканале «Россия 24», озглавив девятиминутный монолог о Забайкалье «Несказанная Даурия».

8 июня 2015 года

В ходе всероссийского праздника «Родник поэзии твоей...», проходившего в селе Овстуг Брянской области (родовом поместье Ф.И. Тютчева), **выдающемуся писателю, постоянному члену Изборского клуба Юрию Полякову** была вручена Тютчевская премия «Русский путь». Премия вручена за создание произведений, которые получили общественное признание и представляют ценность для европейской культуры; издательскую деятельность, направленную на популяризацию и увековечивание памяти Тютчева.

9 июня 2015 года

Члены Изборского клуба приняли участие в заседании Русского интеллектуального клуба (РИК) в Московском гуманитарном университете, где обсуждалась тема новой холодной войны Запада против России. С основным докладом выступил **президент РИК И.М. Ильинский**. Экспертное сообщество, собравшееся на это заседание, с интересом ознакомилось с разработками Изборского клуба по обсуждаемой теме. С развёрнутыми сообщениями выступили среди прочих постоянные члены РИК **Виталий Аверьянов, Андрей Фурсов**. В число постоянных членов этого клуба были приняты изборцы **Сергей Батчиков** и **Владимир Овчинский**.

16–18 июня 2015 года

Делегация Изборского клуба (**Александр Проханов, Александр Агеев, Сергей Батчиков, Георгий Малинецкий, Сергей Черняховский, Владислав Шурыгин, председатель Брянского регионального Изборского клуба Сергей Ушкалов и др.**) посетила Саратовскую землю. Среди гостей был также писатель и общественный деятель **Эдуард Лимонов**.

Программа пребывания на Саратовской земле началась с символического

мероприятия на авиабазе стратегической авиации в городе Энгельсе. На борт стратегического бомбардировщика Ту-95 МС, которому в минувшем году присвоили имя «Изборск», была внесена **икона «Богоматерь Державная»**, написанная по инициативе Изборского клуба. Состоялся молебен в защиту воздушного щита России. Многочисленные гости с нескрываемым любопытством рассматривали уникальную икону, на которой под сенью Пресвятой Богородицы изображены маршалы Победы 1945 года во главе с генералиссимусом И.В. Сталиным, интересовались историей её создания и дальнейшей судьбой. Впоследствии данный молебен и написание новой иконы вызвали большой резонанс в СМИ и среди православной общественности.

Следующим пунктом программы стало посещение открытия **Первой межрегиональной книжной ярмарки — фестиваля «Волжская волна»**, в которой изборцы также приняли активное участие.

Центральным событием визита в Саратов стало проведение заседания Изборского клуба по теме «**Тыл — фронт**», приуроченного к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В заключение визита участники выездного заседания выразили благодарность **председателю Поволжского отделения Изборского клуба Дмитрию Аяцкову** за организацию мероприятий и отметили важность и актуальность проведения подобных акций в российских регионах.

30 июня 2015 года

Город Брянск посетили представители Изборского клуба Донбасса: **профессор, доктор философских наук, сопредседатель Изборского клуба «Новороссия» Дмитрий Муза, главный редактор журнала «Новая земля», исполнительный секретарь Изборского клуба «Новороссия» Артём Ольхин, заместитель главного редактора журнала «Новая земля» Александр Дмитриевский**. На мероприятии обсуждалась тема «**Национальное самосознание в водовороте истории**». В программе визита были совместное заседание, пресс-конференция, посещение памятных мест Брянской земли, партизанского мемориала.

/ иеромонах РОМАН (Матюшин) /

«Нельзя без справедливости, без правды!»

* * *

Блажен, кто Истину не продал,
Блажен, кто в Правде устоял.
Речь не о вас, певцы свободы,
(И не о нас, душа моя).

Увы, увы! Хвалиться нечем
И тем, и этим, и другим.
Одни и те же лица, речи,
Один и тот же праздный гимн.

А ты, поэт? О чём вещаешь,
Держа плакатный матерьял?
К какой свободе призываешь,
Свою свободу потеряв?

Кому витийствуешь в угоду?
Иль одолел тщеславья червь?
Что за глаголы шлѣшь народу,
Народом величая чернь?

Почто во всѣм великолепье
Десницу к небесам воздел?
И я, понятно, не за цепи,
Но за свободу от страстей.

Бесстрастие — удел немногих,
Познай, зовущий в никуда:
Свобода истинная в Боге,
Она — Христом и для Христа!

БИОГРАФИЯ

**Иеромонах РОМАН
(в миру Александр Иванович Матюшин)**

Родился в 1954 году. Учился на филологическом факультете Калмыцкого государственного университета. Работал плотником, рабочим силикатного завода, художественным руководителем во Дворце культуры, учителем музыки в школе. Стихи Александр начал писать смолоду, первая публикация появилась в районной газете. До 1980 года он был по преимуществу поэтом есенинской лирики.

Призвание к монашеству он ощутил ещё в ранней юности. В 1980 году поступил в Вильнюсский Свято-Духов монастырь, затем перешёл в Псково-Печерский монастырь, в котором в 1983 году принял монашеский постриг. В 1985 году рукоположен в иеромонахи. В 2003 году иеромонах Роман затво-

рился в скиту Ветрѣво, до которого можно добраться только по воде. Несмотря на затвор, продолжает писать стихи. Всего им написано более тысячи стихотворений.

В 90-е годы его стихи и песни получили широкую известность. Их исполняют многие ведущие певцы России. Книги его стихов «Русский куколь» и «Внимая Божьему веленью» изданы по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. По состоянию на 2014 год издано 23 сборника стихов иеромонаха Романа.

Лауреат Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского 2011 года «За вклад в русскую поэзию». По собственным словам отца Романа, он «ушел за штат, чтобы всегда можно было поднять голос в защиту своего Отечества, высказать личное мнение, не подвергая нападкам Церковь».

Поэт — кто, суету отбросив,
Перечеркнёт плотское «Я».
Поэт — всегда хоругвеносец
На крестном ходе бытия.

С тех пор, как Бога позабыли,
Народы шествуют во лжи.
И люди Истину разбили
На много правд — своих, чужих.

И мыслят страстные поэты,
Хотят друг друга побороть.
Но Истина не будет чьей-то:
Она для всех, Она — Господь.

И если Бог святую лиру
В перста избранные вложил,
Не оскверни служеньем миру,
Ему, Единому, служи.

1991

КАПЛЯ ПРАВДЫ ПЕРЕВЕСИТ МИР...

Хотя и рядом, да не вместе
И грех, и святость столько лет.
Но капля Правды перевесит
Греховный мир — прельщённый свет.

А ложь над новым поколеньем
Восходит Истиной, как встарь.
И хулит Бога в ослепленье
Из праха созданная тварь.

Увы, неправда не престанет
Собой вселенную питать...
И всё же капля перетянет —
Пречудной силою Креста.

* * *

Вся Россия стала полем Куликовым.
Ополчился вóрог. Быть нам иль не быть?
Но не слышно клича Дмитрия Донского,
Некому отчизну нашу защитить.

И зовут к покаянью перед вражьем мечом словоблуды,
И в князя норовят, кто в холопах седины стяжах.
Да разыдется тьма! Умолчите, иуды!
Бог не в силе, а в правде, правда в верных сердцах.

На земле родимой — Родина в опале.
Разгулялась погань — и просвета нет.
Где ты, Старче Божий, Сергие Всехвальне?
Под твоей десницей каждый — Пересвет.

Так подыдем хоругви, помолясь крепко Богу.
И за Веру, за Русь станем все, как один.
Нет ни Сергия ныне, ни князя Донского,
Только образ Пречистой, да Спас впереди.

1994

* * *

Исполнился мой дом нечистоты и мрака.
Хозяин занемог, и ночь зело темна.
Не потому ль вчера так безутешно плакал
Какой-то сирый птах у моего окна?

Ах, как он изводил тугою и томленьем!
Затронул, защемил раскаянной струной.
В чём горюшко твое? О чём твоё жаленье?
Что надо мной пропел, мой плакальщик ночной?

Я подошёл к окну. Дыханием горячим
Убрал причуды льда — узорную листву.
И вспомнил о Творце. Душа коснулась плача.
И тотчас замолчал нечаемый певун.

1995

* * *

Когда земля исполнится порока
И правый не отыщется нигде,
Пошлёт Всевышний Своего пророка,
Дабы хоть кто-то спасся из людей.

И ты придёшь, благовеститель Божий,
Посмешищем у сильных и шутов.
И твой народ, от ближних до прохожих,
Не облечётся плачем и постом.

И побредёшь скитаться одиноко,
Постясь и плача за погибший край...
О ты, напоминающий о Боге,
Не умолкай!

1996

* * *

Двадцатый век почти на издыханьи.
Без двух минут, и он уже в пути.
Ну что ж, прощай. Тебя бы не стихами —
Вселенской панихидой провести.

Ты был жесток, нещаден на расправу, —
Ещё бы — силы ада поднялись! —
И, называя правое неправым,
Водил низы на Голубую Высь.

Нас страшно покорёжило в те годы,
Да и поныне на виду рубцы.
Но многие от нашего же рода
Сплели себе нетленные венцы.

А где венцы — там, значит, и победа!
Повержен ад, и смерть, как тать, бежит!
И Русь моя, исполненная Света,
Пред Божиим Престолом предстоит.

И как бы мир ни собирал камня,
Ни призывал идти в последний бой, —
Русь устоит и в будущих сраженьях,
Встречая верных в Выси Голубой.

1998

* * *

А мы живём в безумную эпоху
Под игом отщепенцев и иуд.
Златой телец, Насилие и Похоть
Трёхглавым змием пожирают люд.
Правитель слаб, совсем утоп в стакане,
Чужой бедой не омрачить чело,
Безмолвствуя братушкам на Балканах,
Воюет на седалище зело.
Но в битве сей не только он умелец:
За океаном, на другом краю,
Служитель тьмы — верховный Извращенец
Огнём и смертью держит власть свою.
Стальные птицы клювами стальными
Уничтожают братский наш народ.
Россия! Встань! Ужель смолчишь и ныне?
Не оборвёшь стервятников полёт?

1999

* * *

Все пред Тобой — мимоходящий дым.
Подобно свитку, Небеса совьются.
Склоняюсь пред Могуществом Твоим,
Но возлюбил, как Человеколюбца.

О, Милующий, Любящий спасать!
Чем отплатить за все благодеянья?
Я только приготовился воззвать,
А Ты услышал ранее воззванье!

Не обошёл погибельные рвы...
О, Сердцеведче, всё моё Ты знаешь!
Хотел исполнить заповедь — увы!
Но Ты и намеренье лобызаешь!

Дышать Тобой — познать благую часть.
Стою, истаивая, у Распятыя.
Я даже не успел к Тебе припасть,
А Ты уже раскрыл Свои объятия!

2001

* * *

Любите Родину! Она у нас одна.
В благословенье Господом дана.
У Царственной отнюдь не царский вид,
Но Истину, как некогда, хранит.

И пусть себе гогочущие скачут,
Нам Сказано: — Блаженны те, кто плачет.
А значит, есть Надежда и в кручине!
О, Родина! Души моей Святыня!

2003

АПОКАЛИПСИС

Не хотел бы пугать, но за нами охотится космос,
Астероиды сотнями рвутся живущих бомбить.
Вот и солнце уже распускает свои огневидные космы,
Чтобы жечь на земле всё, что может дышать и любить.

Астероиды можно взорвать (не пулять же
всё время в арабов),
Ну а солнцу мычанье златого тельца не указ.
И пока за кулисами чешут затылки прорабы,
Горе третье идёт, горе горькое движет на нас.

Да и первых с лихвою хватило б для целого мира.
Видно, только огнём нас и можно пред Богом смирить.
Вот и бродят в галактике жуткие чёрные дыры,
Словно ад, так и ищут — кого б поглотить.

Раскрываю Писание — там ничего не сокрыто.
Выхожу на простор и гляжу, и гляжу в синеву.
И уже представляю, как небо свивается в свиток,
И как падают звёзды, я вижу почти наяву.

Нам бы руки воздеть! Нам бы разом упасть на колени!
Милосердый, Ты можешь, Спаси, Сохрани, Оборонь!
Но четвёртое горе страшнее небесных явлений:
Человеческий род выбирает огонь.

РОЖДЁННЫЕ НАПРАСНО

Художник пил, жена блажных рожала,
Мы с Жориком ходили в первый класс,
Учёба его мало занимала,
Он кушал мел и так забавил нас.

Недолго мы с ним вместе проходили,
Его забрали, брата вслед за ним,
В какую-то спецшколу поместили —
Дом на отшибе, каторжные дни.

Как заключённых, голодом морили,
Работали — валились на ходу.
То кирпичи начальникам грузили,
То щебень, то другую ерунду.

Прошло немало лет, и вот явился,
Высокий, худощавый, словно прут.
Поставили картошку — аж давился,
Набросился, боялся — отберут.

Забыл сидящих, кто-то молвил: «Ну-ка,
С харчей казённых прямо помертвел!»
Кивали с плачем бабы: «Это ж мука!
Видать, и хлеба досыта не ел!»

Поплакали, в дорогу проводили,
Потом его обратно привезли,
Уже в гробу (пиджак х/б купили,
В спецшколе облачили, как могли.

Материя из хлопка и бумаги,
В неволе из неё одежду шьют,
Себе, конечно, носят, бедолаги,
А вольные такое не берут).

Я рыл могилу с Сёмкой говорливым,
Он балагурил в простоте, не зло.
Потом нёс гроб, до похорон был ливень,
А понесли — и солнышко взошло.

За ним на волю Сашку отпустили.
Его уже без гроба, как-нибудь,
За руки-ноги к полу прикрутили,
Чтоб не кидало, всё ж неблизкий путь.

Без отпеванья, без молитв зарыли,
И весь народ за стол обильный сел.
Подняли рюмки, заново налили,
И кто-то о гармошке пожалел.

А я сидел и помышлял сурово,
Оглядывая развесёлый стол.
Где справедливость? Те и хлеба вдоволь
Не ели в жизни, этим — разносол?

Одни приходят — сразу вся благая
Пихают в рот, а ежели чихнёт,
Несутся за врачом, переживают,
Когда любимец на горшок нейдёт.

Там ясли, школа, в институт устроят,
А до него — куда уж не впихнут.
Любую гору ради чада сроят
И сытого на кладбище сvezут.

Придут другие — словно на страданья,
И корки хлеба вволю ни дадут,
Объедки да обноски, наказанья
И от зари до ночи тяжкий труд.

Скончаются — как нё жили на свете,
Никто не пожалеет, похмельясь.
И неужели же и тех, и этих
Сравнивает равнодушная земля?

Да это просто глум! Насмешка ада! —
Живую душу в прах переводить!
Нельзя без Справедливости, без Правды!
Не может человек без Бога жить!

И потому — Он есть! И смерть подвластна!
Страдающие не обречены!
Вы слышите, рождённые напрасно?
Вы не были напрасно рождены!

2004

С НАМИ БОГ!

Чем не сланая соль осолится?
Слуги Бога — преграда к Христу?
Иль на наших лоснящихся лицах
Прочитают призывы к посту?

Стыдно жить вызывающе броско!
И молва неслучайна о том —
Для чего эта жалкая роскошь
Тем, кто ходит за нищим Христом?

Как легко навсегда потеряться,
Перепутав и средство, и цель.
Гоже в митрах ли нам красоваться
Перед Тем, Кто в терновом венце?

Обретенья не стоят Утраты,
Впереди и кончина, и Суд!
Что так ищете дружбы с Пилатом?
Ведь к Пилату не ходят — ведут!

Не с луны богоборцы берутся,
Нам бы искры не сеять — гасить!
Для чего терема христоролюбцам? —
Он не знал, где Главы приклонить.

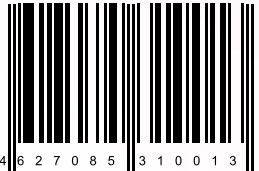
Ордена и значки, и медали —
Званных Свыше в мирское рядят.
А Ему за всё доброе дали
Страшный Крест да четыре гвоздя.

Вот такие рисуют картины —
Кто-то с болью, а кто — со смешком...
Только разве муллы и раввины
Обнищали и ходят пешком?

И без вас свои немощи знаем!
Погибаем! Грехов целый воз!
И однако же слышите? С нами...
Бог — отверженный миром Христос!

2012

4 6 2 7 0 8 5 | 3 1 0 0 1 3